

А.Г.
Брикнер

ПОТЕМКИН

А.Г.
Брикнер

ПОТЕМКИН

Соглашения

А.Г. Брикнера

*Профессора русской истории
в Дерптском университете*

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

А.Г.
Брикнер

ПОТЕМКИН

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ББК 63.3(2)
Б87

Оформление художника
П. Сацкого

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОФ»

Брикнер А. Г.
Б87 Потемкин. — М.: ТЕРРА, 1996. — 304 с.: ил.
ISBN 5-85255-567-3

Произведение известного русского историка, профессора Дерптского университета А. Г. Брикнера (1834—1896) «Потемкин», знакомит читателей с наиболее значительными событиями жизни одной из ярких личностей российской истории.

Б $\frac{0503000000-266}{A30(03)-96}$ Без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-85255-567-3

©Издательский центр «ТЕРРА», 1996

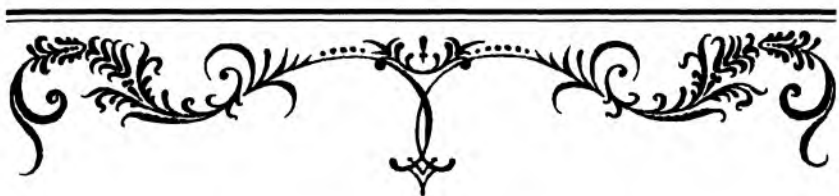

Г. А. Потемкин

ЯКОВУ КАРЛОВИЧУ ГРОТУ

ПОСВЯЩАЕТ ЭТОТ ТРУД

АВТОР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая здесь не только специалистам-историкам, но и публике монография о князе Г.А. Потемкине появилась в 1887 г. в журнале «Новь» (т. XIII до XVIII). К ней в настоящее время сделаны некоторые дополнения на основании данных, появившихся с тех пор в исторической литературе. Ограничиваясь очерком жизни и деятельности князя в рамках небольшого тома, я предоставляю другим посвятить этому предмету многотомное сочинение, за издание которого я взяться не мог и не хотел.

А. Брикнер

*Иена,
5 октября 1891 г.
Сто лет после
кончины Потемкина*

ВВЕДЕНИЕ

Издавая стихотворение Державина «Водопад», Я.К. Грот заметил: «Справедливая оценка Потемкина в настоящее время еще невозможна. Едва ли правы те, которые считают его за честолюбца, все приносившего в жертву своим личным видам. Безусловное к нему доверие императрицы в продолжение стольких лет заставляет предполагать в нем необыкновенный государственный ум и истинные заслуги»¹.

С тех пор как было сделано это замечание нашим знаменитым знатоком новой истории России, прошло более двух десятилетий. В продолжение этого времени было издано столько данных для истории царствования императрицы Екатерины II вообще и жизни и деятельности замечательнейшего из ее фаворитов в особенности, что в настоящее время нельзя уже более отрицать возможности справедливой оценки Потемкина. Осторожные и неопределенные выражения маститого издателя трудов Державина о способностях и заслугах Потемкина вполне подтверждаются множеством исторических материалов, опубликованных в последнее время, но еще не вполне разработанных специалистами.

Укажем вкратце на историю литературы о Потемкине.

В Германии раньше, чем в России, были сделаны некоторые

¹Сочинения Державина. С.-Петербург, 1864, I, 476.

попытки составления очерков жизни и деятельности Потемкина. Скоро после его кончины появились анонимные труды: «Anekdoten zur Lebensgeschichte Reichsfürsten Potemkin. Nebst einer kurzen Beschreibung der ehemaligen Krimm» (Freistadt am Rheim, 1792) и «Privatleben des berühmten Russisch-Kaiserl. Feldmarschalls Fürsten von Potemkin Tawritscheskoj. Herausgegeben von S**» (Leipzig und Gratz, 1793). Эти книжки, скудные содержанием, представляют собою сборники анекдотов; в них отчасти есть и полемический тон; на каждом шагу встречаются несообразности и неточности.

В 1794 году появилось беллетристическое произведение «Pansalvin, Fürst der Finsterniss und seine Geliebte, so gut wie geschehen» (Germanien, 1794). Это — роман-памфлет, направленный против любимца Екатерины. Автором его считают некоего доктора Альбрехта¹. Как передают, императрица не без удовольствия читала этот труд, в котором ее личность, под именем героини романа «Миранды», была выставлена в довольно выгодном свете².

Гораздо большее значение имела биография Потемкина, помещенная в журнале «Minerva», издававшемся в конце XVIII века в Гамбурге известным историком и публицистом Архенгольцем. Автором этого труда, обнимающего более 600 небольших страниц и появившегося в пятнадцати книжках этого журнала (от 1797 до 1800 г.), был саксонский дипломат Гельбиг, которому не без основания приписывают и другие сочинения по истории России в XVIII столетии, а именно: сборник анекдотов под заглавием «Russische Gunstlinge» и биографию Петра III в двух томах, изданную в Тюбнгене в 1809 году. Гельбиг находился в России в конце царствования Екатерины II. Не говоря уже о других причинах, заставляющих нас считать его автором биографии Потемкина, необходимо указать на то обстоятельство, что многие обороты и отзывы в печатном

¹См. соч. Блома «Ein russischer Staatsmann». Leipzig und Heidelberg, 1857, II, 542.

²См. соч. Гельбига в журнале «Minerva». 1797, III, 4. Там же дано объяснение и других лиц романа.

труде дословно соответствуют разным местам в донесениях этого дипломата, хранящихся в дрезденском государственном архиве¹. Недаром Гельбиг называет свой труд сборником анекдотов. Множество данных, встречающихся в нем, выходят из рамки биографии Потемкина и скорее относятся к царствованию Екатерины вообще. Автор далеко не беспристрастен. Он сильно предубежден против императрицы и ее друга и сотрудника. Не без основания Екатерина ненавидела Гельбига и подумывала о довольно бесцеремонном удалении его из России. Так как главным источником при составлении сочинения Гельбига служили шлетни в среде иностранных дипломатов, то нужно пользоваться этим трудом с крайней осторожностью. Местами встречаются фактические неточности и промахи. Тон раздражения, в котором говорится о Потемкине, придает этим статьям Гельбига характер памфлета или, по крайней мере, скорее публицистического, нежели серьезно-исторического труда.

В несколько сокращенном виде журнальные статьи Гельбига о Потемкине появились в 1804 году особой книжкой «Potemkin. Ein interessanter Beitrag zur Regierungsgeschichte Katharina's der Zweiten» (Halle und Leipzig). В 1808 году в Париже была издана французская редакция этого труда под заглавием «Vie du prince Potemkin. Redigee par un officier francais d'apres les meilleurs ouvrages allemands et francais, qui ont paru sur la Russie a cette epoque»². Воспроизведение этой книги на английском языке появилось в двух изданиях под заглавием: «Memoirs of the life of Prince Potemkine. Comprehending original anecdotes of Catherine II and of the russian court. Translated from the Germann». London, 1812 и 1813. Мало того: первое сочинение о

¹См. замечание Эрнста Германна в его сочинении «Geschichte des russischen Staats», VI, 149. Русским переводом труда Гельбига, хранящимся в рукописи в Императорской Публичной библиотеке в С.-Петербурге, пользовался Я.К. Грот при составлении комментария к сочинениям Державина.

²Мы имеем в руках 2-е издание этой книги, появившейся также в 1808 году. В каталоге «Russica» Публичной библиотеки, I, 217, автором этого труда названа «M-me de Carenville».

Потемкине, появившееся на русском языке, «Жизнь генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического» (С.-Петербург, 1811 г., два тома) было просто переводом французского издания труда Гельбига, хотя нигде в книге не имеется на этот счет ни малейших указаний. Недаром граф Самойлов, племянник Потемкина, в крайнем раздражении удивился в 1812 году воспроизведению на русский язык иностранных сочинений о Потемкине¹.

Совершенно противоположным направлением отличается сочинение графа А.Н. Самойлова «Жизнь и деятельность генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического». Племянник знаменитого временщика говорит о нем не иначе как в тоне панегирика. Самойлов писал между 1812 и 1814 годами². Его труд, однако, был напечатан лишь в 1867 году в «Русском архиве». Несмотря на односторонность отзывов, суждений и выбора фактов, это сочинение может служить очень важным пособием при изучении жизни и деятельности Потемкина.

Очерки биографии Потемкина, помещенные в изданиях Бантыш-Каменского «Словарь достопамятных людей» и «Биографии русских генералиссимусов», не имеют особенного значения, так как они писаны в официальном тоне. Не без основания новейший биограф Потемкина, М. Семевский, называет эти труды «формулярными списками, подцвеченными риторикой»³. Далеко важнее биография Потемкина, составленная Надеждиным и помещенная в «Одесском Альманахе» за 1839 год.

Труд М. Семевского «Князь Г.А. Потемкин-Таврический»,

¹Нет сомнения, что резкие выражения Самойлова в начале его биографии Потемкина («Русский архив», 1867, 583) относятся к русской редакции труда Гельбига. Он находит в нем «лживые сплетения и нелепости, которые здравым рассудком и соображением с законами и обыкновениями российскими сами собою опровергаются». Далее он высказывает удивление, что «цензура позволила такие бредни печатать», и проч.

²В этом же труде говорится, между прочим, о Кутузове, как о «незабвенном вовеки спасителе отечества». Самойлов умер в 1814 году.

³«Русская Старина», XII, 482.

помещенный в XII—XIV томах «Русской Старины», заслуживает полного внимания исследователей, занимающихся этим предметом. Значение монографии определено автором в следующих выражениях: «Не задаемся мыслью составления биографии Потемкина, но, приступая к печатанию значительного собрания разнообразных документов, до него относящихся, признаем необходимым представить эти материалы в рамке из фактов его жизни с указанием, по мере возможности и надобности, на противоречия и некоторые погрешности биографов». Превосходство труда г. Семевского заключается главным образом в сообщении новых данных, ярко освещающих жизнь и характер Потемкина. Так, например, особенно важно сообщение писем князя к Варваре Энгельгардт, к Прасковье Андреевне Закревской и т.п. Зато при разработке этого нового материала недостаточно было обращено внимания на печатную литературу, на различные издания, в которых встречаются данные о Потемкине.

В 1888 году появилось сочинение о Потемкине под заглавием «S. Jean, Lebensbeschreibung des Fursten Gregor Alexandrowisch Potemkin des Tauriers als Beitrag zu der Lebensgeschichte der Kaiserin Katharina II. Nach dem noch ungedruckten Ms. des Verf. frei aus dem Franz. ubersetzt von einem seiner Zeitgenossen. Herausg. von F. Rothermel. Karlsruhe, 1888». В «Deutsche Literaturzeitung» в начале 1889 года мы высказались об этом сочинении, которое должно считаться подлогом. О секретаре князя С. Жане пока ничего не известно. К тому же множество промахов и недоразумений, встречающихся в этой книге, подтверждает предположение, что это сочинение скорее компиляция позднейшего времени, чем результат наблюдения человека близкого Потемкину. Довольно того, что тут рассказано об отравлении князя императрицей, о его намерении занять русский престол, о его плане сделаться герцогом Лифляндским, о том, что будто при Екатерине случаи жестоких казней происходили чуть ли не ежедневно, и проч. Значит, тут не что иное, как неумелая мистификация.

И до появления в свете труда Семевского, и после этого, особенно же в продолжение последнего десятилетия, было издано множество материалов для истории царствования Екатерины,

где роль князя Потемкина занимает столь видное место. Самым важным вопросом должно считать отношение императрицы к Потемкину. Благодаря изданию бумаг Екатерины, хранящихся в Государственном архиве Министерства иностранных дел¹, мы имеем возможность составить себе точное понятие о том месте, которое занимал Потемкин в отношении императрицы. Далее, были опубликованы депеши и донесения иностранных дипломатов, в которых очень часто и иногда очень подробно говорится о Потемкине. О нем же идет постоянно речь в письмах и записках современников; на каждом шагу, при чтении общедоступных исторических изданий («Русского архива», «Русской Старины», «Древней и новой России», «Архива князя Воронцова» и проч.), мы встречаем следы деятельности светлейшего князя, письма, в которых о нем говорится более или менее подробно, анекдоты, имеющие источником устное предание, и т.п.

От С.Н. Шубинского мы получили в копиях довольно значительное число писем разных лиц к Потемкину, а также и писем Попова к Безбородке о князе. Разработка этого отчасти очень интересного материала в частности может воследовать лишь после издания этих писем, что обойдется не без затруднений, так как на многих письмах нет числа. Мы, однако, позволим себе воспользоваться для нашего труда некоторыми, впрочем немногими, выдержками из этих писем и при этом считаем приятным долгом выразить С.Н. Шубинскому искреннюю благодарность за сообщение для просмотра этих рукописных данных, которые при более подробном изложении жизни Потемкина, как можно надеяться, отчасти окажутся достойными служить материалом при изучении частной жизни князя, истории его отношения к фаворитам, разным сановникам, лицам военного ведомства и проч.

Что касается административной деятельности Потемкина, то она отчасти стала известною чрез опубликование многих писем и деловых бумаг Потемкина и его сотрудников в различных изданиях, например, в «Записках Одесского общества истории и древностей», в «Сборнике Императорского исторического обще-

¹«Сб. Исторического общества», VII, X, XIII, XVII и XLII.

ства» и т.п. Правда, большая часть деловых бумаг, сюда относящихся, еще не издана. Так, например, почти все архивные материалы, хранившиеся в Решетиловке, имении наследников начальника Потемкинской канцелярии В.С. Попова, остаются еще пока неизвестными. Поэтому полная и всесторонняя оценка всех частных деятельностей Потемкина как военачальника и правителя остается впереди.

Тем не менее мы в настоящее время располагаем достаточным запасом сведений для составления возможно полного очерка биографии Потемкина и оценки его личности и деятельности. Приступая к решению этой сложной и трудной задачи, считаем долгом заявить, что главное внимание в последующих главах обращено на вопрос о личном отношении Потемкина к императрице Екатерине, и мы не имеем в виду разработки частных политической роли знаменитого фаворита.

Предоставляя будущим исследователям исчерпывать этот предмет при помощи всестороннего анализа и пока еще не изданных данных, мы довольствуемся сообщением и освещением важнейших фактов из жизни и деятельности друга Екатерины и подведением для общей характеристики Потемкина итогов несметному множеству фактов и отзывов, разбросанных в исторической литературе и повременных изданиях. Занявшиеся после нас этим предметом — хотя бы даже при более благоприятных условиях, имея возможность начертить биографию Потемкина в больших размерах и с сообщением гораздо большей массы фактов, — едва ли придут к новым результатам в отношении самых важных фазисов исторической роли Потемкина и оценки преимуществ и недостатков нашего героя.

ГЛАВА I

Молодость Потемкина (до 1744 г.)

Сведения о происхождении и молодости Потемкина, основанные большей частью на устном предании, имеют лишь анекдотический характер и в значительной их части не могут считаться достоверными. Так, например, нет положительных данных о родстве Григория Александровича с известным русским дипломатом Петром Потемкиным, побывавшим при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче в разных государствах Западной Европы в качестве московского посла, но не отличавшегося ни политическим тактом, ни образованием. Во время «случая» Григория Александровича так мало знали о политической роли его мнимого родственника, что даже племянник знаменитого фаворита, Энгельгардт, относит путешествие Петра Потемкина в Англию к эпохе Петра¹, между тем как он был там гораздо раньше и умер до воцарения Петра Великого. В среде дипломатов, находившихся в Петербурге в то время, когда Григорий Александрович сделался князем и когда зашла речь о его родстве с Петром Потемкиным, составление такой родословной считали или самообольщением, или обманом².

Мы не придаем также значения рассказу о происхождении

¹Записки Льва Николаевича Энгельгардта. Москва, 1860, 32.

²«Minerva», 1797, II, 8—9.

рода Потемкиных из Польши. Об этом говорят иностранные писатели, а также и Энгельгардт, между тем как у Самойлова, также близкого родственника Григория Александровича, не упомянуто об этом обстоятельстве. Год рождения Потемкина точно не известен; в различных источниках говорится то о 1736, то о 1739 году; у Самойлова показан 1742 год¹. Во всяком случае Потемкин был несколькими годами моложе Екатерины.

Родившись в селе Чижеве, близ Смоленска, Потемкин, будучи мальчиком, лишился своего отца, Александра Васильевича, скончавшегося в 1746 году. Поэтому разные анекдоты о строптивом нраве сего последнего, безграничной ревностью якобы мучившего свою жену, мать Григория Александровича, не могут иметь для нас особенного значения². Так как, однако, едва ли можно сомневаться в грубости нрава отца и в его жестоком обращении с женой, бывшей гораздо моложе его, то кончина отца для Грица — как называли дома способного мальчика — была скорее выгодой, чем потерей. Мать Григория Александровича, сделавшаяся впоследствии статс-дамой, была хороша собой и считалась умной женщиной³. После смерти мужа она переселилась в Москву, где жила под покровительством родственника, президента камер-коллегии Григория Матвеевича Козловского, и где единственный сын ее вместе с сыном Козловского посещал учебное заведение Литкела в Немецкой слободе.

Сохранились некоторые анекдоты о честолюбии Потемкина

¹ «Minerva», 1797, II, 8. В биографии Потемкина, помещенной в «Русской Старине», XII, 485, сказано: «По некоторым сообщениям мы останавливаемся на 1739 г.», причем не говорится подробнее об источниках.

² См. устные рассказы об отце Потемкина между анекдотами, записанными П.Ф. Карабанным, в «Русской Старине», V, 463, и у Самойлова в «Русском архиве», 1867, 588.

³ См. замечания Карабанова в «Русской Старине», III, 39—40. На каком основании г-н Семецкий («Русская Старина», XII, 485) считает Дарью Васильевну неспособною?

в юном возрасте. То он мечтал о проекте скупить когда-то множество домов за Яузою и выстроить преогромное здание¹; то он говорил своим товарищам: «Хочу непременно быть архиереем или министром»², или: «Так, так начну военной службой; а не так, то стану командовать попами»³. Нет сомнения, что впоследствии он неоднократно мечтал о посвящении себя монашескому званию и весьма часто занимался вопросами богословия. Энгельгардт замечает в своих «Записках» о Потемкине: «Поэзия, философия, богословие и языки латинский и греческий были его любимыми предметами; он чрезвычайно любил состязаться, и сие пристрастие осталось у него навсегда; во время своей силы он держал у себя ученых раввинов, раскольников и всякого звания ученых людей; любимое его было упражнение, когда все разъезжались, призывать их к себе и стравливать их, так сказать, а между тем сам изощрял себя в познаниях»⁴. Также и Самойлов рассказывает о страсти Потемкина к наукам отвлеченным, к чтению классиков, о его уединенном прилежании⁵. В селе Татеве, куда он в молодости приезжал к родным гостить, сохранилось предание, что часто утром находили молодого Потемкина спящим в библиотеке на стоявшем там бильярде (уцелевшем до сих пор) — он просиживал за книгами целые ночи⁶. Полезным наставником его был иеродьякон греческого монастыря Дорофей. Вступив в только что учрежденный московский университет, Потемкин, за свои дарования и успехи, удостоился золотой медали, а затем, кажется в июле 1757 года, находился в числе двенадцати лучших воспитанников университета, отправленных в Петербург и представленных императрице Елизавете Петровне. По возвращении в Москву он вместо участия в регулярных заня-

¹ «Русская Старина», V, 465.

² Энгельгардт, 33.

³ Карабанов, в «Русской Старине», V, 465.

⁴ Энгельгардт, 33.

⁵ «Русский архив», 1867, 600.

⁶ Там же.

тиях университетских увлекался самостоятельными работами, чтением книг и прочим, вследствие чего был исключен из университета «за нехождение»¹.

Во все время Потемкин, как это тогда было принято для молодых дворян, считался находившимся на военной службе с дозволением не являться на службу до окончания учения. В 1755 году он был записан в конной гвардии рейтаром; в 1757 году произведен в капралы; в 1758-м — в ефрейт-капралы, а в 1759 году — в каптенармусы². По исключении из университета Григорий Александрович решил посвятить себя военной карьере. В числе лиц духовного звания, которых посещал Потемкин в Москве, находился Амвросий Зертис-Каменский, бывший тогда архиепископом Крутицким и Можайским: он одобрил его намерение и дал ему на дорогу пятьсот рублей³.

В Петербург Потемкин прибыл в то время, когда там готовились чрезвычайно важные события. Во время царствования Петра III он сделался вахмистром, был взят ординарцем к принцу Георгу Голштинскому и в то же время правил ротой, в которой он служил.

Участие Потемкина в государственном перевороте 26 июня 1762 года обратило на него внимание Екатерины. О его сношениях с Орловыми до этого события мы не имеем никаких данных. Есть предание, что он во время кризиса действовал в пользу Екатерины, уговаривал солдат объявить ее самодержицею и проч. Обо всем этом не сохранилось достоверных известий. В какой степени трудно воспроизведение частных таких фактов, видно из следующего обстоятельства. Рассказывают,

¹Бантыш-Каменский. «Биография российских генералиссимусов», СПб., 1840, II, 54, где указано на печатное объявление об исключении Потемкина. Там же рассказан позднейший анекдот о том, как князь вспоминал об этом эпизоде.

²См. данные Лонгинова в «Русском архиве», 1867, 954.

³Рассказ племянника Амвросия, отца известного историка Бантыш-Каменского. См. соч. последнего «Словарь достопамятных людей русской земли». Москва, 1836, IV, 197. Потемкин эту сумму обещал с процентами возвратить впоследствии, но не исполнил обещания.

что Потемкин в ту минуту, когда Екатерина 30 июня верхом, в мужском платье, во главе отряда войск отправилась в Петергоф, находился в ее свите, услышав, что императрица желает иметь темляк на шпаге, он сорвал свой темляк, подбегал к государыне и поднес ей желаемое украшение, чем обратил на себя внимание императрицы¹. Самойлов, племянник Потемкина, решительно отвергает достоверность этого анекдота на том основании, что Потемкин, будучи еще унтер-офицером, не мог поднести своего темляка государыне, «поелику оный был не офицерский»². Однако сам Потемкин рассказывал впоследствии Сегюру даже подробности об этом случае: как он подал темляк, как его лошадь, привыкшая к эскадронному ученью, поравнялась с лошадью императрицы и, несмотря на все усилия, упорствовала удалиться, как императрица улыбнулась, и проч.³

Как бы то ни было, императрица придавала участию Потемкина в государственном перевороте некоторое значение. В ее письме к Понятовскому о частностях этого события, между прочим, сказано: «В конной гвардии двадцатидвухлетний офицер Хитрово и семнадцатилетний унтер-офицер Потемкин направляли все благоразумно, смело и деятельно»⁴.

Лучшим свидетельством и точной меркой участия Потемкина в государственном перевороте 1762 года служат награды, которых был он удостоен за услуги, оказанные при этом случае Екатерине. Он получил 400 душ крестьян; далее, в собственноручном расписании Екатерины о наградах по тому случаю сказано: «В конной гвардии вахмистр Григорий Потемкин два чина по полку да 10 000 рублей»; в другом месте этого документа упомянуто о назначении Потемкина камергером⁵.

Все эти награды были лишь предположением Екатерины, ко-

¹Так, например, рассказано это в соч. Бангъши-Каменского «Словарь», IV, 198.

²«Русский архив», 1867, 997.

³Segur. «Memoires ou souvenirs enecdotés». Paris, 1827, II, 252.

⁴«La cour de la Russie il y a cent ans». Berlin, 1858, 252.

⁵«Сб. Исторического общества», VII, 109, 110, 113, 115.

торая к тому же ошибалась, считая Потемкина в 1762 году семнадцатилетним юношей: он был тогда по крайней мере тремя годами старше. Во всяком случае, в то время он не сделался камергером, а только камер-юнкером и был удостоен звания подпоручика. Без сомнения, Потемкин тотчас же после государственного переворота бывал часто при дворе и обращал на себя внимание императрицы. В устном предании сохранились некоторые анекдоты, за фактическую достоверность которых нельзя ручаться. Так, например, рассказано в сборнике анекдотов Карabanова: «Стараясь нравиться императрице, он ловил ее взгляды, вздыхал, имел дерзновение дожидаться в коридоре и, когда она проходила, падал на колени и, целуя ее руку, делал некоторого рода изъяснения. Она не противилась его движениям. Орловы стали замечать каждый шаг и всевозможно противиться его предприятую» и проч.¹

Самойлов рассказывает о следующем случае. Однажды за столом императрица обратилась к нему с вопросом на французском языке; Потемкин отвечал ей по-русски. Кто-то из сановников заметил ему, что следует отвечать на том языке, на котором предложен вопрос. Нимало не смущаясь, Потемкин возразил: «А я, напротив того, думаю, что подданный должен отвечать своему государю на том языке, на котором может вернее мысли свои объяснять; русский же язык учу я с лишком 22 года»². Митрополит Платон рассказывал, что Потемкин был обязан своим возвышением умению подделаться под чужой голос, чем иногда забавлял Григория Орлова. Последний сообщил об этом государыне, и она пожелала видеть забавника. Потемкин, о чем-то спрошенный Екатериной, отвечал ей ее же голосом и выговором, чем насмешил ее до слез.³

Гельбиг рассказывает о ненависти братьев Орловых к Потемкину в это время и сообщает довольно подробно о том, как однажды Григорий и Алексей Орловы воспользовались удобным

¹ «Русская Старина», V, 465.

² «Русский архив», 1867, 598.

³ Там же, 1871, 459.

случаем, чтобы начать с ним спор, и страшно избили его палками, и проч.¹

До чего доходят выдумки в отношении к этой эпохе жизни Потемкина, видно из разных толков о лишении его одного глаза. Гельбиг рассказывает, что Потемкин, будучи еще ребенком, как-то неосторожно играл ножницами и при этом ранил себя в глаза². По другим рассказам, Потемкин был изуечен во время драки с Орловыми; иные передают, что ему вышибли глаз нечаянно во время игры в мяч³. Кастера сообщает, что Алексей Орлов своим кулаком лишил Потемкина глаза⁴. В примечаниях к «Запискам Энгельгардта» сказано, что Потемкин окривел в 1766 году, во время ссоры с одним придворным, который шпагой выколол ему глаз⁵. Правдоподобнее всех этих анекдотов оказывается повествование Самойлова, что Потемкин однажды, заболев сильной горячкой и не доверяя медикам, велел отыскать мужика-знахаря, который обвязал ему голову и один глаз какой-то припаркой, лишившей его способности видеть этим глазом⁶. Зато совершенно лишено основания оказывается заметка в донесении сардинского дипломата, маркиза де Парело, что Потемкин после этого несчастья совершил поездку в Париж для приобретения хрустального глаза⁷. Потемкин не лишился глаза, а только ослеп на один глаз. Это несчастье не могло не лишить его некоторой доли красоты, которой он отличался. Самойлов говорит: «Тогдашние остроумы сравнивали его с афинейским Альцибиадом, прославившимся душевными качествами и отличной наружностью». Он описывает отчаяние Потемкина по поводу этого несчастья, причем рассказывает

¹ «Minerva» 1797, II, 429.

² Там же, 1800, IV, 545.

³ «Vie de Potemkint». Paris, 1808, 19: «Par l'atteinte d'une balle au jeu de peume».

⁴ «Vie de Catherint II», II, 88.

⁵ «Записки Энгельгардта», 34.

⁶ «Русский архив», 867, 599.

⁷ «Сб. Исторического общества», XXVI, 312.

подробно, как Потемкин совершенно удалился от двора и от всякого общества вообще; в продолжение полутора лет он не выходил из дому, занимаясь чтением и приобретая множество познаний; он отрастил себе бороду и мечтал о пострижении в монахи, но любовь к нему одной красавицы и внимание императрицы принудили его оставить жизнь отшельника и возвратиться ко двору¹. Частности этого рассказа имеют анекдотический и даже легендарный характер. К тому же в рассказах других современников мы находим совершенно иное объяснение причины добровольного удаления Потемкина от двора. В анекдотах, собранных Карабановым, странный образ действий Потемкина объяснен его любовью к императрице². Разные рассказы согласны, однако, в передаче довольно важного обстоятельства: сама Екатерина позаботилась о привлечении вновь ко двору Потемкина; исполнению ее желания должен был содействовать Григорий Орлов. Эти общие факты, как кажется, не могут подлежать сомнению, между тем как подробности этих рассказов не заслуживают серьезного внимания историков³. К тому же мы не имеем возможности определить точно время 18-месячного отшельничества Потемкина.

Не только в биографии Потемкина, составленной Самойловым, но и в других источниках говорится о путешествии Потемкина в Швецию. Некоторые писатели относят эту поездку к 1762 году, утверждая, что Потемкин был отправлен в Стокгольм к находившемуся там русскому посланнику графу Остерману с известием о воцарении Екатерины⁴. Самойлов, напротив, относит эту поездку к позднему времени, объясняя ее жела-

¹«Русский архив», 1867, 599—603. Многие писатели относились без критики к рассказам об этом эпизоде, например, Блом в своем сочинении о Сиверсе, II, 54—56.

²«Русская Старина», V, 466—467.

³См., например, некоторые черты в рассказе Гельбига («Minerva», 1797, II, 443—446), где этот эпизод отнесен ко времени фаворита Васильчикова.

⁴См., например, «Записки Энгельгардта», 34; «Minerva», 1797, II, 20 и проч.

нием Орловых удалить Потемкина от двора, где он, после только что упомянутого происшествия, играл довольно важную роль¹. Как бы то ни было, путешествие Потемкина в Швецию, о котором ничего не известно из документальных источников, не могло иметь какого-либо важного политического значения. Он не играл при этом роли дипломата, а был простым курьером. Замечанию Самойлова, что Потемкин, после возвращения из Швеции, «не имел более у двора той приятности, какою пользовался до отбытия своего», мы не можем придавать особенного значения.

Зато мы узнаем на основании архивных данных, что Потемкин во второй половине 1763 года был определен на службу в Синоде. Сохранилась инструкция, составленная по этому случаю Екатериной для Потемкина. Из нее видно, что он был помощником обер-прокурора². Потемкину было тогда двадцать лет с небольшим. Недаром сказано в указе Синоду, что он определяется на должность, «дабы он слушанием, чтанием и собственным сочинением текущих резолюций... навывал быть искусным и способным к сему месту» и проч. О деятельности Потемкина в Синоде мы не имеем никаких данных.

Главным занятием Потемкина во все это время была, как кажется, военная служба. В июле 1762 года он был представлен в корнеты, но императрица написала: «Быть подпоручиком»; 19 апреля 1765 года он был произведен в поручики; в этом же году он исполнял казначейскую должность и надзирал за шитьем новых мундиров; 19 июня 1766 года он получил командование 9-й ротой; в 1767 году с двумя ротами своего полка командирован в Москву во время комиссии об «Уложении».

22 сентября 1768 года Потемкин сделался камергером, а в ноябре был отчислен от конной гвардии по воле императрицы, как состоящий при дворе³.

¹ «Русский архив», 1868, 604—605.

² См. «Сб. Исторического общества», VII, 316—318.

³ См. данные, собранные Лонгиновым, в «Русском архиве», 1867, 594.

В 1767 году собралась известная «Большая Комиссия» для составления «Уложения». В занятиях этого собрания Потемкин участвовал в качестве опекуна депутатов от татар и других иноверцев, которые выбрали его опекуном «по той причине, что они не довольно знают русский язык»; кроме того, он был членом «комиссии духовно-гражданской»¹. Более подробных известий о деятельности Потемкина при этом случае мы не имеем. Во всяком случае, она прекратилась в то время, когда началась турецкая война и Потемкин, как и многие другие члены этого собрания, изъявил желание отправиться в поход. В заседании 2 января 1769 года маршал собрания, А. В. Бибииков, объявил, что «господин опекун от иноверцев и член комиссии духовно-гражданской, Григорий Потемкин, по Высочайшему Ее Императорского Величества соизволению, отправляется в армию волонтером», и вследствие этого на его место нужно избрать другое лицо².

Мы не знаем, когда Потемкин, отправляясь в армию, покинул столицу. Весной 1769 года он обратился к императрице со следующим письмом, писанным 24 мая «в квартире князя Прозоровского» и обнаруживающим желание молодого честолюбца обратить на себя внимание Екатерины и отличиться воинскими подвигами. Мы передаем этот характеристический документ целиком. «Всемиловитейшая Государыня! Беспимерные Вашего Величества попечения о пользе общей учинили общество наше для нас любезным. Долг подданнической обязанности требовал от каждого соответствования намерениям Вашим и с сей стороны должность моя исполнена точно так, как Вашему Величеству угодно. Я высочайшего Вашего Величества милости видел с признанием, вникал в премудрые Ваши узаконения и старался быть добрым гражданином. Но высочайшая милость, которою я особенно взыскан, наполняет меня отменным к персоне Вашего Величества усердием. Я обязан служить Государыне и моей благодетельнице, и так благодарность моя тогда только изъяснится в своей силе, когда мне для славы Вашего Величества удастся кровь пролить; сей случай представился в настоящей войне, и

¹ «Сборник Исторического общества», VIII, 386, XXXII, 11, 78, 98.

² Там же, XXXVI, 156.

я не остался в праздности. Теперь позвольте, Всемилостивейшая Государыня, прибегнуть к стопам Вашего Величества и просить Высочайшего повеления в действительной должности при корпусе князя Прозоровского, в каком звании Вашему Величеству угодно будет, не включая меня навсегда в военный список, но только пока война продлится. Я, Всемилостивейшая Государыня, старался быть к чему ни есть годным в службе Вашей; склонность моя особливо к коннице, которой и подробности я смело утвердить могу, что знаю; впрочем, что касается до военного искусства, больше всего затвердил сие правило, что ревностная служба к своему Государю и пренебрежение жизни бывают лучшими способами к получению успехов. Вот, Всемилостивейшая Государыня, чему научила меня тактика и тот генерал, при котором служить я прошу Вашего Высочайшего повеления. Вы изволите увидеть, что усердие мое в службе Вашей наградит недостатки моих способностей и Вы не будете иметь раскаяния в выборе Вашем. Всемилостивейшая Государыня, Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб, Григорий Потемкин»¹.

«Квартира» князя Прозоровского в мае 1769 года находилась на Днестре, близ Хотина. Тогда именно русское войско готовилось атаковать эту крепость штурмом². Вскоре начались удачные действия Потемкина, произведенного в генерал-майоры во время этого похода. Так, например, он отличился в авангардном деле под Хотиным (19 июня), далее при овладении (2 июля) турецкими укреплениями под Хотиным и (29 августа) в сражении, в котором верховный визирь, Молдаванджи-паша и крымский хан были совершенно разбиты и обращены в бегство. Затем, когда Румянцев в качестве главнокомандующего заменил Голицына, в самом начале 1770 года Потемкин успешно участвовал в сражении при Фокшанах (3—4 января)³; об этом деле императрица

¹ «Русская Старина», XXIII, 716—717.

² См. мнение Прозоровского в военном совете 19 мая, в соч. Петрова «Война России с Турцией 1769—1774 гг.», С.-Петербург, 1866, I, 174.

³ См. подробности у Петрова, II, 40 и след.

Екатерина упомянула в составленном ею хронологическом перечне событий кампании против турок, причем, однако, этот факт по ошибке отнесен ею к декабрю 1769 года¹. Далее Потемкин участвовал в сражениях при Браилове (18 января), командовал отрядом, двинувшимся к Бухаресту, содействовал генералу Штофельну в овладении Журжей (4 февраля), успешно преследовал турок, бежавших после дела близ Рябой Могилы, отличился в сражении при Ларге и Кагуле², принимал деятельное участие в занятии Измаила³, поразил турок у реки Олты⁴, сжег город Цырбы, причем им было взято множество турецких судов⁵.

Румянцев в своей реляции от 9 сентября 1770 года доносил о Потемкине императрице: «Ваше Величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться. Сколько сия причина, столько другая, что он во всех местах, где мы ведем войну, с примечанием обращался и в состоянии подать объяснение относительно до нашего положения и обстоятельств сего края, преклонили меня при настоящем конце кампании отпустить его в С.-Петербург во удовольствие его просьбы, чтобы пасть к освященным стопам Вашего Императорского Величества»⁶.

Мы не имеем точных сведений о пребывании Потемкина в Петербурге между кампаниями 1770—1771 годов. Анекдотиче-

¹ «Сб. Исторического общества», XIII, 152.

² Соловьев. «История России», XXVIII, 117. Самойлов («Русский архив», 1867, 1000) замечает, что Потемкин не принимал участия в Кагульской битве.

³ Петров, II, 146.

⁴ «Архив Гос. Совета», I, 89.

⁵ Соловьев, XXVIII, 219. И об этом событии Екатерина упомянула в вышеозначенном месте, см. «Сб. Исторического общества», XIII, 516. См. также некоторые подробности у Бантыш-Каменского в книге «Биографии русских генералов», II, 60.

⁶ «Чтения Московского общества истории и древностей», 1865, II, отд. 2, стр. 112.

ские рассказы, относящиеся к этому времени, не заслуживают особенного внимания. Говорили, что Екатерина была недовольна Потемкиным за то, что он будто бы насмехался над главнокомандующим, князем Голицыным, между тем как тот с похвалой отзывался о Потемкине¹. Самойлов пишет, что императрица благосклонно приняла приехавшего в Петербург Потемкина, но завистники его успели устроить дело таким образом, что Потемкин недолго оставался в столице и скоро должен был вернуться в армию. Достоин внимания рассказ, что Потемкин через библиотекаря императрицы Петрова и через Ивана Перфильевича Елагина, пользовавшегося доверием Екатерины, испросил дозволение писать к ней и получать через них словесные ее ответы. Карабанов, передающий этот факт, прибавляет: «С любопытством прочитывая все письма, она видела, с каким чувством любви и с какой похвалой изъясняется он насчет ее особы, сперва приказывала словесные ответы, а потом сама принялась за перо и вела с ним переписку»².

Мы увидим, что в позднейшее время войны, а именно в 1773 году, Екатерина действительно переписывалась с Потемкиным. Вероятно также, что она неоднократно беседовала о нем с Елагиным и Петровым. Уезжающему в армию в начале 1771 года Потемкину императрица поручила купить для нее турецкую лошадь. Об исполнении этого поручения писал Румянцев к графу Н.И. Панину осенью 1771 года³.

Так как изложение участия Потемкина в военных действиях выходит за рамки нашего очерка, мы ограничимся указанием на некоторые его подвиги. Он участвовал, между прочим, в делах при Красове и Турно в 1771 году, в военных операциях близ Силистрии в 1772 году, находился вместе с Орловым в Фокшанах во время переговоров, происходивших в этом мес-

¹ См. рассказ Самойлова в «Русском архиве», 1867, 998, где приводится донесение Голицына, в котором сказано, что русская конница «до сего времени еще не действовала с такою стройностью и мужеством, как под командою генерал-майора Потемкина».

² «Русская Старина», V, 466.

³ «Сб. Исторического общества», IX, 427.

течке, в 1773 году поразил турецкую конницу в сражении у Силистрии и проч.¹.

Не особенно выгоден отзыв князя Ю. В. Долгорукого, участвовавшего в этой последней кампании и находившегося при Потемкине близ Силистрии: «Как у Потемкина никогда ни к чему порядку не было, а граф Румянцев его весьма уважал по его связям у двора» и проч.²

Достоинно внимания то обстоятельство, что в начале 1773 года, когда императрица настаивала на переходе русских войск через Дунай, а Румянцев писал ей о неудобствах такого действия, Потемкин находился в числе тех генералов, которые говорили против мнения Екатерины³. Последняя, сообщая Вольтеру в июне 1773 года о военных действиях, упомянула о подвигах Потемкина⁴. Несколько позже, осенью, узнав через Румянцева о смелых военных делах Потемкина у Силистрии⁵, Екатерина собственноручно писала Потемкину 4 декабря 1773 года: «Господин генерал-поручик и кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что вам некогда письма читать; и хотя я по сию пору не знаю, преуспела ли ваша бомбардирада, но тем не менее я уверена, что все то, что вы сами предприимлете, ничему иному приписать не должно, как горячему вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному отечеству, которого службу вы любите. Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то вас прошу по пустому не вдаваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статья, сделаете вопрос: к чему оно писано? На сие вам имею отвечать: к тому, чтобы вы имели подтверждение моего образа мыслей об вас, ибо я всегда к вам весьма доброжелательна.

Екатерина.

Декабря 4 числа 1773 г.»

¹ См. рассказ Самойлова; подробности в сочинении Петрова.

² Русская Старина, 1889, LX, 503.

³ Соловьев, XXIX, 11.

⁴ «Сб. Исторического общества», XIII, 343.

⁵ Там же, 374.

«Скажите и бригадиру Павлу Потемкину спасибо за то, что он хорошо турок принял и угостил, когда они пришли за тем, чтобы у вас батарею испортить на острове».

Адрес этого письма писан рукою же императрицы: «Григорию Александровичу Потемкину»¹.

Расположение Екатерины к Потемкину предвещало важную перемену в жизни последнего.

¹ «Сб. Исторического общества», XIII, 373.

ГЛАВА II

Потемкин в 1774—1776 годах

В продолжение 1774 года Потемкин не участвовал в военных действиях. Он уже в начале этого года прибыл в Петербург. О времени приезда и о подробностях его путешествия в столицу мы не имеем точных сведений¹.

Самойлов рассказывает, что Потемкин отправился из армии в Петербург «с тем, чтобы не чрез чье-либо посредство, но прямым путем представить монархине основательные соображения свои», что он, прибыв в столицу в январе 1774 года, остановился в доме зятя своего, Н.Б. Самойлова, и вскоре после приезда, через посредство Григория Орлова, виделся с императрицей в Царском Селе. Самойлов сообщает далее, что императрица дозволила ему написать к ней письмо с просьбой о пожаловании его в генерал-адъютанты. Сделав это, Потемкин вскоре получил собственноручный ответ, в котором Екатерина, исполняя его

¹ В XIII томе «Сборника Исторического общества», стр. 363, помещен рескрипт на имя генерал-майора Кира. Редактору этого тома, Я.К. Гроту, как кажется, принадлежит замечание в надписи, что этот рескрипт (от 10 октября 1773 г.) писан рукой Потемкина. Возможно ли это? Мог ли в это время Потемкин находиться в Петербурге? Очевидно, тут есть некоторое недоразумение. Можно ли утверждать, как то делает комментатор на стр. 395, что Потемкин был вызван письмом Екатерины от 4 декабря 1773 г.? В письме от 4 декабря не заключалось приглашения в Петербург.

просьбу, хвалила его за то, что он писал прямо к ней, а не искал повышения побочными путями¹.

Все это шло чрезвычайно быстро. Уже 1 марта 1774 года императрица могла сообщить Бибикову о назначении Потемкина генерал-адъютантом. «Как он думает, — сказано в этом письме, — что вы, любя его, тем обрадуетесь, то сие к вам и пишу. А кажется мне, что, по его ко мне верности и заслугам, не много для него сделала, но его о том удовольствие трудно описать; а я, глядя на него, веселюсь что хотя одного человека совершенного около себя вижу»². 15 марта она писала к Бибикову: «Друга вашего Потемкина весь город определяет быть подполковником в полку Преображенском. Весь город часто жлет, но сей раз я весь город во лжи не оставлю, и вероятие есть, что тому быть так»³.

Поспешив затем удалить Васильчикова, осыпанного при удалении разными милостями, императрица в своих письмах к барону Гримму неоднократно в это время весьма выгодно отзывалась о Потемкине. Так, например, она писала 19 июля 1774 года: «Генерал Потемкин более в моде, чем многие другие, и смешит меня так, что я держусь за бока». В другом письме от 14 июля: «Я удалилась от некоего прекрасного, но очень скучного гражданина⁴, который тотчас же был замещен, не знаю сама, как это случилось, одним из самых смешных и забавных оригиналов сего железного века». Сообщая Гримму в

¹ Бантыш-Каменский («Биография», II, 61, 62) сообщает оба письма дословно; ссылка: «Из портфелей Миллера, хранящихся в Московском архиве Министерства иностранных дел». У Самойлова («Русский архив», 1867, 1018) выписка из рескрипта императрицы, по содержанию схожая с документом, сообщенным Бантыш-Каменским. Тут, однако, рождается вопрос: почему письмо Екатерины не издано в XIII томе «Сборника Исторического общества»? Ведь там же изданы бумаги Екатерины, хранящиеся в Государственном архиве. Неужели не были приняты в соображение «портфели Миллера»?

² «Сб. Исторического общества», XIII, 395.

³ Там же, 396.

⁴ Васильчикова.

письме от 8 августа, что у нее в работе постельное одеяло для ее собачки и что Потемкин собирается украсть это одеяло для себя, Екатерина прибавляет: «О, какая славная голова у этого человека! Он более чем кто-либо участвовал в заключении этого мира¹, и эта голова забавна как дьявол», и проч.²

Карьера Потемкина наделала много шума. Жена новгородского губернатора Сиверса, находившаяся в это время в столице, писала мужу 31 марта: «Новый генерал-адъютант дежурит постоянно вместо всех других... Говорят, он очень скромн и приятен». В другом письме от 3 апреля: «Пока он живет у Елагина». Далее, 10 апреля: «Покои нового генерал-адъютанта готовы, и он занимает их; говорят, что они великолепны». 17 апреля: «Потемкина хвалят; он состоит в хороших отношениях к Панину, когда-то в опасное время спас его от происков Орловых и отправил его с каким-то поручением в Швецию. Я часто вижу Потемкина, мчащегося по улице шестернею». В письме от 28 апреля г-жа Сиверс рассказывает о посещении императрицею театра: «Потемкин был в ложе; с ним беседовали (т.е. императрица беседовала) много во время представления; он пользуется большим доверием; говорят, что он отличается щедростью». 9 мая: «Недавно Потемкин сделался членом Государственного Совета; это маленькая пощечина для Брюса, который не принадлежит к этому собранию», и проч.³

Фонвизин 20 марта писал к Обрезкову в Букарешт: «Здесь у двора примечательного только то, что г. камергер Васильчиков выслан из дворца и генерал-поручик Потемкин пожалован генерал-адъютантом и в Преображенский полк полковником *Sapienti sat*»⁴.

По поводу возвышения Потемкина Петр Ив. Панин в письме к одному приятелю заметил (7 марта 1774 года): «Мне представляется, что сей новый актер станет роль свою играть с ве-

¹ Кучук-Кайнарджийского.

² «Сб. Исторического общества», XIII, 409, 416, 432, 439. Те же письма еще раз изданы в XXIII томе, стр. 4, 6, 9.

³ Blum. «Ein russischer Staatsmann», II, 20—24.

⁴ Потемкин. «Русский архив», 1865, 854.

дикой живостью и со многими переменами, если только утвердится»¹.

Также и иностранцы-дипломаты зорко следили за переменой, происшедшей при русском дворе. Так, например, прусский посланник, граф Сольмс, доносил 15 марта: «По-видимому, Потемкин сумеет извлечь пользу из расположения к нему императрицы и сделается самым влиятельным лицом в России. Молодость, ум и положительность доставят ему такое значение, каким не пользовался даже Орлов... Граф Алексей Орлов намерен отправиться в Архипелаг раньше, чем предполагал, а князь Григорий Григорьевич, как говорят, высказывает желание уехать путешествовать за границу. Потемкин никогда не жил между народом, а потому не будет искать в нем друзей для себя и не будет бражничать с солдатами. Он всегда вращался между людьми с положением; теперь он, кажется, намерен дружить с ними и составит партию из лиц, принадлежащих к дворянству и знати. Говорили, что он не хорош с Румянцевым, но теперь я узнал, что, напротив того, он дружен с ним и защищает его от тех упреков, которые ему делают здесь»².

Вопрос об отношении Потемкина к Орловым, Панину и другим вельможам казался весьма важным. В среде иностранцев в то время передавали следующий анекдот. Однажды Потемкин подымался по дворцовой лестнице, направляясь в покои государыни, а князь Орлов спускался по той же лестнице, направляясь к себе домой. Первый из них, чтобы не казаться смущенным, обратился к своему предшественнику с приветствием и, не зная, что сказать, спросил его: «Что нового при дворе?» Князь Орлов холодно ответил: «Ничего, только вы подымаетесь, а я иду вниз»³.

Особенно часто и подробно говорилось в это время о Потемкине в депешах английского дипломата Гуннинга. Так, например, он писал 4 марта: «Васильчиков, способности которого были слишком ограничены для приобретения влияния в делах и

¹ «Русская Старина», VIII, 343.

² «Русский архив», 1873, 126—127.

³ «Записки Гордта» в «Древней и новой России», 1880, III, 526.

доверия свой государыни, теперь заменен человеком, обладающим всему задатками для того, чтобы владеть и тем и другим в высочайшей степени. Выбор императрицы равно не одобряется как партией великого князя, так и Орловыми¹... Это — Потемкин, прибывший сюда с месяц тому назад из армии, где он находился во время продолжения войны и где, как я слышал, его терпеть не могли... Он громадного роста, непропорционального сложения, и в наружности его нет ничего привлекательного. Судя по тому, что я об нем слышал, он, кажется, знаток человеческой природы и обладает большей проницательностью, чем вообще выпадает на долю его соотечественников, при такой же, как у них, ловкости для ведения интриг и гибкости, необходимой в его положении, и хотя распущенность его нрава известна, тем не менее он единственное лицо, имеющее сношения с духовенством». В конце апреля Гуннинг доносил: «Весь образ действий Потемкина доказывает совершенную уверенность в прочности его положения. Он приобрел сравнительно со всеми своими предшественниками гораздо большую степень власти и не пропускает никакого случая заявить это. Недавно он собственной властью и вопреки Сенату распорядился винными откупными невыгодным для казны образом». В письме от 16 мая говорится: «Г. Потемкин продолжает поддерживать дружбу с г. Паниным и делает вид, что руководится в Совете исключительно его мнениями; в те дни, когда происходят заседания, он отделяется от прочих членов и держит сторону г. Панина». 13 июня: «Потемкин назначен товарищем графа Захара Чернышева по военной коллегии. Это было ударом для последнего... Принимая в соображение характер человека, которого императрица так возвышает и в чьи руки она, как кажется, намеревается передать бразды правления, можно опасаться, что она сама для себя изготовит цепи, от которых ей впоследствии нелегко будет освободиться. Последнее ее распоряжение озаботило Орловых больше, чем все предыдущее. По этому поводу между ней и князем (Орловым) произошло нечто более простого объясне-

¹См. анекдот о беседе Екатерины с Орловым, записанный М.С. Воронцовым в «Архиве кн. Воронцова», XXIII, приложение, 21.

ния, а скорее, горячее столкновение, что, как говорят, расстроило ее до такой степени, как еще никогда не видели, а его привело к решению предпринять путешествие тотчас по возвращении из Москвы», и проч.

И в дальнейших донесениях Гуннинга говорится о лишении Чернышева Потемкиным всякого влияния, о соперничестве между ним и графом Орловым, о наградах, которыми императрица осыпала фаворита, и проч. 12 апреля Гуннинг писал «секретно и конфиденциально»: «Насколько я могу судить на основании многих случаев, встретившихся мне для разговора с ним, мне кажется, что он не обладает теми качествами и способностями, которые обыкновенно предписывались ему, но, напротив того, проявляет большое легкомыслие и пристрастие к самым пустым развлечениям». В одном из своих донесений Гуннинг писал, что Потемкин нисколько не заботился о вопросах внешней политики; несколько позже он рассказывал, что Потемкин в Государственном Совете предлагал воспользоваться беспорядками в Персии, между тем как Панин резко и энергично возражал ему, утверждая, что не должно вмешиваться в чужие дела, так что Потемкин прервал прения с заметным неудовольствием. Вообще английские дипломаты доносили о постоянно возрастающем влиянии Потемкина. В октябре Гуннинг писал из Москвы: «При назначении путешествия императрицы в Коломну в будущее воскресенье было забыто о том, что в следующую среду именины графа Потемкина, вспомнив о чем ее величество отложила на некоторое время предполагаемую поездку, с тем, чтобы в этот день граф мог принимать поздравления дворянства и всех сословий, причем ей угодно было подарить ему сто тысяч рублей», и проч. 5 февраля 1776 года Ричард Окс писал: «Влияние Потемкина, без сомнения, достигло своего меридиана без малейших признаков уменьшения», а в марте он сообщал, что внимание, оказанное Екатериной князю Орлову во время болезни последнего подало повод «к некоторому горячему объяснению» между императрицей и Потемкиным. Далее сказано: «Хотя Потемкин пользуется в настоящую минуту полной властью, многие под секретом предсказывают его падение как событие весьма недалекое. Но

я думаю, что это следует скорее объяснить всеобщим к тому желанием, чем какими-либо положительными признаками. Доказательством дурного мнения о его характере служит то обстоятельство, что весьма многие поверили слуху (совершенно неосновательному) о том, будто бы он отравил князя Орлова. Правда, что зависть его ко всякому, кто пользуется малейшим отличием императрицы, чрезмерна и, как кажется, выражается таким образом и при таких случаях, которые не могут быть приятны императрице, а, напротив, способны только внушить ей отвращение» и проч.¹

В донесениях другого дипломата в сентябре 1774 года сказано: «Потемкин устранил всех лиц, казавшихся ему опасными; этим возвышается его сила. Он никем не любим; все его боятся»².

Довольно часто и подробно о Потемкине говорится в это время в письмах статс-дамы графини Е.М. Румянцовой к мужу. Вот некоторые выдержки из этих писем (20 марта 1774 г.): «Много новизны; сколько нового переменялось по приезде Григория Александровича... все странной манерой идет... Он всех ищет дружбы. Александр Семеныч (Васильчиков) вчера съехал из дворца к брату своему на двор... Ежели Потемкин не отбоярит пяти братьев (Орловых), так опять им быть великими. Правда, что он умен и может взяться такой манерой, только для него один пункт тяжел, что великий князь не очень любит и по сию пору с ним ничего не говорит». В других письмах сказано о пожаловании Потемкину больших имений. 2 февраля 1776 года графиня писала: «Григорий Александрович по наружности так велик, велик, что захочет, то сделает... он совсем другую жизнь ведет; вечера у себя в карты не играет, а всегда там послуживает; у нас же на половине такие атенции в удобность делает, особливо по полку, что даже на покупку лошадей денег своих прислал 4000 р. и ходит с представлениями, как мундиры переменять и как делать и все на апробацию; вы его бы не узнали, как он нынче учтив перед всеми. Веселым всегда

¹«Сб. Исторического общества», XIX, 405—513.

²Herrmann. Gesch. d. russ. Staats, V, 678.

и говорливым делается; видно, что сие притворное только; со всем тем, что бы он ни хотел и ни попросил, то, конечно, не откажут¹.

О занятиях Потемкина делами, во время его «случая», т.е. до 1776 года, сохранилось немного данных. По рассказу Самойлова, Потемкин убедил Екатерину в неудобстве стеснения фельдмаршала графа Румянцева подробными инструкциями и в необходимости предоставления ему большого простора как в военных действиях, так и в переговорах о мире; вообще же Потемкин, как сообщает Самойлов, оказывал влияние на ход военных операций распоряжением об отправлении новых полков на театр действий, далее, он участвовал в принятии мер для борьбы с Пугачевым; а затем, «по соображениям Григория Александровича», была уничтожена Запорожская Сечь².

В Государственном Совете, членом которого был назначен Потемкин, он, как видно из протоколов этого собрания, нередко участвовал в прениях. Так, например, он делал предложения о размещении войск в Крыму, подавал свое мнение в вопросах финансового управления, сообщал свои соображения о дипломатических сношениях России с Портой после Кучук-Кайнарджийского мира и проч.³ Сохранились докладные записки Потемкина о мероприятиях по поводу волнений в крестьянском сословии, о раздаче наград разным лицам с замечаниями Екатерины на полях⁴. Также сохранилось некоторое число кратких записок императрицы к Потемкину, относящихся к этому времени и заключающих в себе разные замечания о текущих делах. В некоторых записках говорится о беспорядках, состоявших в связи с пугачевщиной, об отправлении войск в юго-восточную Россию, об участии Суворова в поимке Пугачева и проч. Обо всем этом говорится как бы мимоходом, в тоне шутки; в этих записках Екате-

¹ См. «Письма графини Е.М. Румянцовой к ее мужу» (изданные гр. Д.А. Толстым). СПб., 1888, 201.

² «Русский архив», 1867, 1018—1027.

³ «Архив Гос. Совета», I, 296, 301, 308, 326.

⁴ «Сб. Исторического общества», XXVII, 17—21.

рина называет Потемкина то «Monseigneur», то «батенькой» и проч.¹ Как кажется, в некоторых случаях Потемкин имел влияние на дела. Так, например, после кончины Бибикова, отправленного на восток для усмирения пугачевского бунта, весь состав штаба войск был распущен по желанию фаворита². Круг деятельности его после назначения его в товарищи Чернышеву, начальником военной коллегии сделался весьма широким³. Державин неоднократно обращался к Потемкину, как к своему начальнику, с просьбой об исходатайствовании наград за его подвиги во время пугачевщины, и Потемкин составлял по этому предмету докладные записки⁴. В документах Государственного Совета и в рескриптах императрицы уже летом 1774 года говорится о Потемкине как о «главном командире» или даже о «генерал-губернаторе Новороссийской губернии»⁵. В этой должности он, между прочим, писал (16 июля 1774 г.) к князю В.М. Долгорукову-Крымскому о делах по вверенной ему губернии⁶; однако, как кажется, управление Южной Россией в это время не обременяло Потемкина сложными и тяжелыми заботами.

Разумеется, возвышение Потемкина было сопряжено с материальными выгодами и почестями всякого рода. Не говоря уже о щедрости Екатерины в отношении к денежным наградам, мы упоминаем о великолепной, украшенной драгоценными камнями иконе, которой императрица благословила его при назначении новороссийским генерал-губернатором⁷. В одной из записок

¹ «Сб. Исторического общества», XIII, 403, 407, 412, 419—420, 436, 446.

² Грот. Державин, VIII, 126.

³ Так, например, рескрипт о назначении 4 августа 1774 г. графа С.Р. Воронцова в бригадиры подписан Чернышевым и Потемкиным. См. «Архив кн. Воронцова», XXVIII, 64.

⁴ Грот. Державин, V, 269, 271, 293.

⁵ «Архив Гос. Совета», II, 220. «Сб. Исторического общества», XIII, 418.

⁶ «Записки Одесского общества истории и древностей», VIII, 191.

⁷ Там же, X, 418.

Екатерины к Потемкину, относящихся к этому времени, сказано: «Изволь сам сказать или написать к Елагину, чтобы сыскал, и купил, и устроил дом по твоей удобности. И я ему также подтверждаю», и проч. В другой записке говорится¹: «Послушай, друг мой, твое письмо повело бы к длинным рассуждениям, если бы я пожелала ответить на него подробно, но я выбрала из него два существенных пункта: во-первых, касательно дома Аничкова; в Москве же требовали четырехста тысяч рублей; это огромная сумма, которую я и не знала бы, где достать, но пусть Елагин спросит о цене; может быть, он и дешевле: это дом необитаемый и грозящий разрушением; с одной стороны вся стена в трещинах; содержание и восстановление обойдутся, я думаю, недешево», и проч.²

По случаю празднования Кучук-Кайнарджийского мира Потемкин был возведен в графское достоинство, получил золотую шпагу, осыпанную алмазами, и портрет императрицы, осыпанный бриллиантами, для ношения на груди на андреевской ленте; далее, он удостоился андреевской ленты и ордена св. Георгия. По его же просьбе императрица разрешила ему в качестве новороссийского генерал-губернатора иметь штат наравне со штабом малороссийского генерал-губернатора³.

Далее императрица позаботилась о доставлении Потемкину заграничных знаков отличия. Король польский препроводил ему орден Белого Орла и св. Станислава; Фридрих Великий поручил брату своему Генриху возложить на Потемкина ленту Черного Орла; датский король прислал орден Слона, шведский — орден Серафима⁴. Все это сильно занимало Екатерину. Она сама написала черновую письма Потемкина к принцу Генриху по поводу получения андреевского ордена⁵. В украшении Потемкина орденом Черного Орла иностранцы видели попытку прусского

¹ Эта записка на французском языке.

² «Сб. Исторического общества», XXVII, 80 и 90.

³ Рескрипт от 16 января 1775 года. «Сб. Исторического общества», XXVII, 26.

⁴ Бангъш-Каменский, II, 64.

⁵ «Сб. Исторического общества», XXVII, 16.

короля задобрить императрицу¹. Датский министр, Бернсторф, отправляя к Потемкину орден Слона, в частном письме убедительно просил фаворита содействовать сохранению дружеских сношений между Россией и Данией².

Достоинно внимания следующее «секретное» письмо императрицы к князю Д.М. Голицыну, русскому послу в Вене (от 13 января 1776 г.): «Я вам через сие предписываю и прошу всячески стараться, и буде за нужное рассудите, то позволяю вам адресоваться прямо к его величеству императору римскому именем моим и изъяви сему государю, что высокие его качества и все в разные времена доходящие сантименты его величества о России и о особе моей возбудили во мне доверенность таковую, что приняла намерение к нему прямо производить просьбу, которая персонально меня много интересует, а именно, чтоб его величество удостоил генерала графа Григория Потемкина, много мне и государству служащего, дать Римской Империи княжеское достоинство, за что весьма обязанной себя почту. Поручаю сие дело вашему прилежному попечению самолично; вы о сем ни с кем, кроме со мною, не имеете производить переписку, а что будет о том, мне донесете прямо, надписывая в собственные руки³.

Желание императрицы вскоре было исполнено. В марте 1776 года был доставлен Потемкину диплом на княжеское достоинство⁴. Рассказывали, впрочем, что Иосиф II, изъявляя готовность исполнить желание Екатерины, указал на разные случаи отказа от дарования этого титула⁵. Что касается шведского Серафимского ордена, то король Густав III, как передавали в это время в среде дипломатов, сначала не хотел пожаловать Потемкина кавалером этого ордена, так что приходилось подеи-

¹ «Minerva», 1797, III, 116. См. также донесение Окса в «Сб. Исторического общества», XIX, 514.

² «Minerva», 1797, III, 116—117.

³ «Русский архив». 1878. I, 18.

⁴ См. собственноручный рескрипт императрицы Потемкину о дозволении ему принять это достоинство. «Сб. Исторического общества» XXVII, 77.

⁵ «Minerva», 1797, III, 113.

ствовать на него, для достижения этой цели, через французского посланника в Стокгольме¹. Заметим, кстати, что несколько позже, во время пребывания в России английского дипломата Герриса, Потемкин домогался английского ордена Подвязки, и Геррис ходатайствовал об этом перед королем Георгом III. Последний же не только не удостоил Потемкина этой чести, но даже сделал выговор Геррису за такую просьбу².

Не без основания как тогда, так и после иностранные дипломаты передавали друг другу разные анекдотические черты неограниченного честолюбия Потемкина; рассказывали, например, что в 1775 году он мечтал о польской короне³. Как бы то ни было, честолюбие фаворита находило обильную пищу в раболепстве, с которым относились к нему люди разных сословий, не исключая самых знатных вельмож.

Тот же самый университет московский, который исключил Потемкина из числа своих студентов, восхвалял его в латинских виршах, сочиненных неким Гумилевским. Стихотворение это имеет заглавие «*Illustrissimo Comiti Grigorio Alexandridi de Potemkin hoc grati animi sui documentum offert Academia Mosquensis*»⁴. Безбородко, поздравляя Потемкина с возвышением, просил его ходатайства для получения разных наград⁵. Завадовский, который немного позже сделался некоторым образом соперником Потемкина, для себя или для графа Семена Романовича Воронцова просил Потемкина о покровительстве⁶. Князь С.

¹ «*Minerva*», 1797, III, 117.

² См. письмо графа С.Р. Воронцова к А.Р. Воронцову 12 июля 1801 г.: «*Le roi non seulement n'y a pas consenti, mais en a ete tres choque et a ordonne qu'on fit une bonne savonnade a Harris*» («Архив кн. Воронцова», X, 110).

³ См. донесение Фелькерзама, где указано на разговор Панина с Деболи. Негтманн. *Erganzungsband*, стр. 107.

⁴ Печатный экземпляр этих стихов хранится в Публичной библиотеке в Петербурге.

⁵ «Сб. Исторического общества», XXVI, 279.

⁶ Письмо Завадовского, «Архив кн. Воронцова», XII, 2—3. Г. Бартев полагает, что оно писано Завадовским для С.Р. Воронцова.

Голицын, узнав о возвышении Потемкина, писал ему между прочим: «Этот пост, можно сказать, вам давно уже принадлежал»¹. Разные духовные лица, например московский архиепископ Платон, митрополит петербургский Гавриил, архиепископ псковский и проч., обращались к Потемкину с письмами, в которых поздравляли его с разными наградами². Протоиерей Алексеев поднес ему сочиненный им «Церковный словарь»³. Писатели, как Сумароков и Херасков, восхваляли его как мецената⁴. Гренадеры лейб-гвардии Семеновского полка, участвовавшие в государственном перевороте 1762 года, обратились к Потемкину с просьбой наградить их за услугу, оказанную императрице при этом случае⁵. Даже граф Алексей Орлов писал к Потемкину из Пизы в это время в самых лестных выражениях⁶.

Что касается личных отношений Потемкина к вельможам, то мы видели выше, что он сначала угождал Панину, но старался действовать против Григория Орлова. Впрочем, рассказы современников-наблюдателей об интригах Потемкина основаны лишь на сплетнях и не заслуживают особенного внимания⁷. Так, например, в то время, когда в среде иностранцев говорили о вражде между графом Кириллом Григорьевичем Разумовским и Потемкиным, в более достоверных источниках встречаются противоположные данные⁸.

О ненависти Сиверса к Потемкину в это время мы узнаем из письма Сиверса к императрице, в котором он порицал равнодушие его к благу империи и указывал на его неспособность

¹ Лебедев. «Графы Панины», стр. III.

² «Русский архив», 1878, III, 20.

³ Там же, 1863, 603.

⁴ Там же, 1879, III, 26.

⁵ Там же, 1880, II, 148—150.

⁶ Там же, 1876, II, 5.

⁷ «Minerva», 1797, II, 452.

⁸ «Russische Gunstlinge», 217; совсем иные данные встречаются в сочинении Васильчикова «Семейство Разумовских», I, 357 и 358.

заниматься делами. Екатерина отвечала Сиверсу: «Ревность продиктовала ваше письмо, которое я сожгла»¹. В весьма резких выражениях граф Семен Романович Воронцов говорит в своей автобиографической записке о невнимании и недоброжелательстве к нему Потемкина в первое время возвышения, о неудачной карьере, причиной которой были интриги Потемкина; при этом замечено, что С.Р. Воронцов при Силистрии оказал Потемкину существенную услугу, — и образ действий Потемкина свидетельствовал о неблагодарности его².

Нельзя удивляться, что при столь высоком положении Потемкина у него были недоброжелатели, с нетерпением ожидавшие его падения. Так, например, Гуннинг доносил графу Суффолку 1 января 1776 года: «Если верить сведениям, недавно мною полученным, императрица начинает совсем иначе относиться к вольностям, которые позволяет себе ее любимец. Отказ графа Алексея Орлова от всех занимаемых им должностей до того оскорбил ее, что она захворала, и при этом до нее в первый раз дошли преобладающие в обществе слухи. Уже поговаривают исподтишка, что некоторое лицо, определенное ко двору Румянцевым, по-видимому, скоро приобретет полное ее доверие»³.

Слух об удалении Потемкина основывался на том факте, что Румянцев в декабре 1775 года, по просьбе императрицы, рекомендовал ей для занятия секретарской должности при ее кабинете Завадовского и Безбородко.

Молва о предстоящей перемене в судьбе Потемкина не была лишена основания. Его значение обуславливалось исключительно личным расположением к нему императрицы. Множество записок Екатерины к Потемкину дает нам возможность заглянуть, так сказать, в закулисную историю личных отношений между Потемкиным и императрицей. Материал этот в высшей степени интересен не только в историческом, но и в психологическом отношении.

¹Blum, II, 128.

²«Архив кн. Воронцова», VIII, 13—16. Более выгодный отзыв о Потемкине в письме С.Р. Воронцова к отцу в 1775 г. «Архив кн. Воронцова», XVI, 134.

³«Сб. Исторического общества», XIX, 509.

ГЛАВА III

Отношение Екатерины к Потемкину (1776—1786 гг.)

Не во всех отношениях императрица была довольна Потемкиным. Оставаясь вполне независимой от него в области управления государством, она неоднократно изъявляла ему свое неудовольствие его образом действий. Она делала это со свойственной ей мягкостью, сохраняя притом искреннюю дружбу и привязанность к Потемкину.

Так, например, в одной записке императрицы к Потемкину, относящейся к 1774 году, она жаловалась, что Потемкин не сообщает ей достаточных подробностей о вверенных ему делах военной администрации и этим ставит ее в неловкое положение в тех случаях, когда разные лица обращаются к ней с вопросами.

Рядом с заявлениями благосклонного внимания и истинного расположения в записках Екатерины к Потемкину встречаются более или менее резкие замечания. Когда Потемкин однажды просил императрицу дать купцу Фалееву на откуп пошлину на соль в Южной России, она наотрез отказала ему в исполнении просьбы, заметив на самой записке Потемкина: «Пока живу, никакой таможи не будет на откупе». О сильном раздражении свидетельствует следующая записка, хронологическое определение которой, к сожалению, представляет затруднение и содержание которой остается неясным. «От вашей светлости, — писала Екатерина, — подобного бешенства ожидать надлежит, буде доказать вам угодно в публике, так как и передо мной,

сколь мало границ имеет вапа необузданность, и, конечно, сие будет неоспоримым знаком вашей ко мне благодарности, так как и малой вашей ко мне привязанности; ибо оно противно как воле моей, так и несходственно с положением дел и состоянием персон. Венский двор один из того должен судить, сколь надежна я есмь в тех персонах, коих я рекомендую им к высшим достоинствам; так-то оказывается попечение ваше о славе моей».

Возвышение Завадовского, представленного Екатерине в декабре 1775 года, пока не изменяло внешнего положения Потемкина. Императрица после приезда из Москвы подарила ему в Белоруссии воеводство Кричевское, в котором состояло 14 000 душ, подарила ему Аничковский дворец и 100 000 рублей на поправление его; но в то же самое время современники замечали некоторую перемену в отношениях между Потемкиным и императрицей; говорили о холодности, с которой императрица принимала Потемкина, об уменьшении его силы у двора¹. Английский дипломат Окс писал 3 мая 1776 года к Уильяму Идену: «Ежедневно ожидают удаления князя Потемкина и испрошения им дозволения уехать на некоторое время в свою губернию». В другой депеше, 10 мая, сказано: «Принц Генрих, хорошо зная правила Орловых, конечно, желает дать им соперника во власти в лице одного из своих сторонников, и я полагаю, что он много содействовал отсрочке удаления князя Потемкина, которого лента (Черного Орла) привязала к его интересам. Тем не менее легко быть может, что через несколько дней будет положен конец тем наружным признакам милости, которые до сих пор сохранены ему»².

Ожидания английского дипломата оказались лишенными основания. Не только продолжались «наружные признаки милости», но и дружеские отношения между императрицей и Потемкиным не прекращались.

¹Самойлов в «Русском архиве», 1867, 1205—1207.

²«Сб. Исторического общества», XIX, 516 и 517. Подробности о возвышении Завадовского по желанию самого Потемкина в рассказе Гельбига («Minerva», 1797, III, 119 и след.) не заслуживают внимания.

Тем не менее, однако, недоразумения в начале лета 1776 года заставили, наконец, Потемкина упросить императрицу, чтобы ему, как генерал-инспектору, позволено было осмотреть войска в С.-Петербургской и Новгородской губерниях. Екатерина, как рассказывает Самойлов, согласилась на эту поездку, но с условием, чтобы отлучка князя из Петербурга не продолжалась более трех недель. К тому же Потемкин сохранил, при удалении, комнаты, отведенные для него во всех дворцах¹.

Путешествие Потемкина считалось современниками знаком немилости Екатерины. Каково было впечатление этого события, видно из письма Чернышева к Андрею Кирилловичу Разумовскому от 24 июня 1776 года: «Бедный Потемкин вчера уехал в Новгород, как говорит, на три недели, для осмотра войск: хотя он имеет экипажи и столь придворные, он все-таки недоволен»². Ричард Окс доносил 1 июля 1776 года: «Несмотря на высокую степень милости, которой Орловы пользуются в настоящую минуту у государыни, и на недоброжелательство, с которым, как полагают, граф Орлов относится к князю Потемкину, последнему продолжают оказывать необычайные почести. Во время своей поездки в Новгород он пользуется совершенно придворной обстановкой, и продолжают утверждать, что он через несколько недель возвратится сюда, но тем не менее я полагаю, что милость его окончена, и меня уверяли, что он уже перевез часть принадлежащей ему мебели из комнат, занимаемых им в Зимнем дворце. Высокомерие его поведения в то время, когда он пользовался властью, приобрело ему столько врагов, что он может рассчитывать на то, что они ему отомстят в немилости, и было бы удивительно и неожиданно, если бы он окончил свое поприще в монастыре — образ жизни, к которому он всегда оказывал расположение; и едва ли не лучшее убежище для отчаяния разбитого

¹ «Русский архив», 1867, 1207.

² «Il n'en est pas plus content». Васильчиков, «Семейство Разумовских», III, 48. Зато графиня Румянцева, упоминая в письме к мужу от 21 июня 1776 г. о поездке Потемкина в Новгород, не делает намека на немилость. См. ее письма, стр. 204.

честолюбия. Говорят, что долги его превышают двести тысяч рублей».

Вскоре после этого английский дипломат сообщал о пожаловании Завадовскому и денег, и крестьян, и чинов; но уже 26 июля доносил о другой новости: «Князь Потемкин приехал сюда в субботу вечером и появился на следующий день при дворе. Возвращение его в комнаты, прежде им занимаемые во дворце, заставляет многих опасаться, что, быть может, он снова приобретет утраченную милость»¹.

Устные рассказы современников о путешествии Потемкина, об устраиваемых всюду в честь его празднествах, об упрямстве, которое обнаруживалось в его желании во что бы то ни стало сохранить за собой квартиры во дворцах, — все это имеет легендарный характер². Так, например, Гельбиг сообщает разные анекдоты о том, как Екатерина тщетно старалась освободиться от Потемкина, выжить его из дворца и проч. Документальные источники не допускают сомнения в том, что Потемкин и после краткого отсутствия оставался другом императрицы, что она нуждалась в нем как в сотруднике. Следующее, например, обстоятельство заслуживает особенного внимания. Когда Потемкина не было в Петербурге, вместе с принцем Генрихом отправился в Берлин великий князь Павел Петрович, где он должен был встретить свою невесту, вюртембергскую принцессу (Марию Федоровну). Во время пребывания цесаревича за границей Екатерина находилась с ним в довольно оживленной переписке. Потемкин возвратился в столицу около 20 июля. В конце июля Екатерина написала Павлу письмо, в котором говорилось подробно о его женитьбе. Черновая этого собственноручного письма испещрена поправками и дополнениями, сделанными рукой Потемкина³. Значит, он тотчас же после возвращения из путешествия, считавшегося

¹ «Сб. Исторического общества», XIX, 521.

² «Minerva», 1797, III, 210—212.

³ См. Письмо Екатерины к Павлу в «Сб. Исторического общества», XXVII, 105—107, где под страницей указано на поправки и добавления, сделанные Потемкиным.

знаком якобы постигшей его опалы, был настолько близким к Екатерине, что принимал участие в редакции ее писем к сыну.

И другие документы, найденные между бумагами Екатерины и относящиеся ко второй половине 1776 года, свидетельствуют о его пребывании в Петербурге и о том, что он вместе с императрицей работал над разными вопросами внутренней администрации и внешней политики. Так, например, Екатерина 26 июля доставила Потемкину разные бумаги, относящиеся к беспорядкам, происходившим в окрестностях Вологды¹. В августе она подписывала рескрипты о крымских делах, очевидно приготовленные Потемкиным; подобные же бумаги относятся к октябрю и проч.². Все это не лишено значения, потому что даже в среде современников смотрели на отлучку Потемкина, как на какую-то ссылку, продолжавшуюся несколько месяцев. В «Записках» Державина сказано, что Потемкин до ноября 1776 года прожил в Новгороде³. Впрочем, рассказ самого Державина о том, как он в декабре 1776 года домогался через Потемкина повышения в чине и разных наград, свидетельствует о важной роли Потемкина в это время при дворе. К тому же во второй половине 1776 года мать Потемкина сделалась статс-дамой, а племянница его — гоф-фрейлиной⁴.

Об отношениях Потемкина к Завадовскому в это время мы не знаем почти ничего положительного. Только в письме Завадовского к С. Р. Воронцову, писанном в это время, сказано: «Кроме двух Орловых, я не вижу, кого бы интересовал жребий отчизны». Это замечание, как видно, заключает в себе упрек Потемкину, которого Завадовский не считал хорошим патриотом. В другом письме, как кажется, тоже говорится о Потемкине, об отношениях его к императрице, о тех кознях его,

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 101.

² Там же, III, 120 и проч.

³ Грот. «Державин», VI, 529—535. Ввиду всего сказанного, мы не соглашаемся с замечанием Я. К. Грота на стр. 529, что обстоятельство удаления Потемкина вполне разъяснено в записках Самойлова и в монографии Гельбига. Оба они писали гораздо позже.

⁴ «Minerva», 1797. III, 214 — 215.

направленных против Завадовского: «Приезжий с Г. лучше¹. Против меня тот же. Да я рад, лишь бы он ее не прогневлял: меня ж он раздражить никогда не может. Напрасно вы стараетесь находить средства сделаться его другом. Он не родился с качеством для сего нужным. Таланты его высоки, но душа...² Всех совершенств не дает природа одному человеку. Таким сделать его, каковым быть ему надобно и любящим его особу и отечество желательно, никак нельзя и вотще все будут помышления. Со мною он не будет николи искренен, что он сам знает, что его довольно знаю»³. Кроме этих отрывочных заметок в письмах Завадовского мы не располагаем никакими достоверными данными об интригах Потемкина в это время⁴. Сообщая своему другу С.Р. Воронцову о своем горе, о том, что он лишился расположения императрицы, Завадовский летом 1777 года ни одним словом не обвиняет в своем несчастье Потемкина. Замечания Гельбига в составленной им биографии Потемкина об участии последнего в возвышении Зорича не заслуживают особенного внимания, потому что не подтверждаются никакими положительными данными в рассказах современников в тесном смысле.

Разные документы, записки, рескрипты, относящиеся к этому времени, свидетельствуют о расположении Екатерины к Потемкину. Препровождая императрице в конце 1776 года челобитную находившихся в Хиве в плену русских, Потемкин добавил в краткой записке об этом предмете: «Моя щедрая

¹К сожалению, это письмо издано без числа; издателем поставлен на нем 1776 год. Слово «приезжий» может относиться к Потемкину, возвратившемуся из Новгорода в июле. «Г.», вероятно, значит «государыня».

²Так в подлиннике.

³«Архив кн. Воронцова», XII, II. Г. Листовский в «Русском архиве», 1883, 91, относит эти слова не к Потемкину, а к Румянцеву. Издатель не занялся решением вопроса, о ком идет речь в данном месте.

⁴Рассказ г. Листовского в составленной им биографии Завадовского в «Русском архиве», 1883, III, 87—89, основан на слухах и догадках.

мать, будь здорова по мере моего желанья». На этой же бумаге Екатерина написала: «При семь посылаю мое мнение; я здорова и тебя, батя, прошу быть здоровым и веселым. Прощай до завтра»¹. К 1777 году относятся многие доклады Потемкина с разными резолюциями Екатерины². Рукою Потемкина написан указ, с собственноручными поправками Екатерины, о должности флигель-адъютантов³. Спрашивая мнения Потемкина о награждении Прозоровского, Екатерина оканчивает свою записку словами: «Пребываю навеки дружелюбна»⁴. 30 сентября 1777 года она, празднуя день рождения и именин Потемкина, подарила ему 150 000 руб. «на оплату долга»⁵. В одной из записок императрицы говорится о турецких и татарских делах, о необходимости со временем подумать о завоевании Очакова и Бендер, а в конце этой записки находится заметка: «О летах баста; более ни словечка не молвлю»⁶. Из писем императрицы к барону Гримму, относящихся к этому времени, видно, что Потемкин по вечерам бывал у Екатерины и служил ее собеседником. В начале 1778 года она заказала великолепный севрский фарфоровый сервиз, причем заметила в письме к Гримму: «Сервиз назначен для моего дорогого и любимого князя Потемкина, и чтобы он вышел получше, я показывала вид, будто он заказан для меня»⁷. Немного позже Екатерина, сообщая Гримму о составлении списка всем достопримечательным действиям ее царствования, прибавляет, что Потемкин, по природе своей не любящий льстить, в восхищении от этой записки⁸.

Недаром даже люди сильные, высокопоставленные, как, например, гетман Кирилл Григорьевич Разумовский, ухаживали за

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 125.

² Там же, 126, 127, 128.

³ Там же, 130.

⁴ Там же, 134.

⁵ Там же, 137.

⁶ Там же, 138.

⁷ Там же, XXIII, 64, 73, 84.

⁸ Там же, 100.

Потемкиным. Дочь Кирилла Григорьевича была недовольна отцом за это¹. В 1778 году Потемкин устроил у себя для двора празднество, стоившее, по словам английского посланника, 50 000 руб.²

Из донесений Герриса видно, что князь во все это время играл при дворе первенствующую роль. Однако в одном из этих донесений мы встречаем некоторые данные о неприятностях, происходивших при дворе, о столкновениях между Потемкиным и другими чиновниками, о недоразумениях, неоднократно случавшихся между князем и императрицею. Не легко решить вопрос, насколько рассказы английского дипломата заслуживают доверия. В некоторых случаях они основаны на слухах и догадках, имеют анекдотический характер и едва ли во всех частностях соответствуют фактам.

В какой мере около этого же времени ненавидели Потемкина в публике, видно из той части «Записок» Болотова, которая относится к 1778 году. Он называет князя «мужем, дышащим любочестием и любовластием беспредельным и простирающим замыслы и намерения свои почти за самые облака», рассказывает о склонности Потемкина к интригам, его безмерном сребролюбии и проч.³

Отдавая полную справедливость необычайным умственным способностям Потемкина, Геррис считал его интриганом, всячески старавшимся господствовать над императрицею. В происках Потемкина, направленных против Панина, нельзя сомневаться. Геррис, находившийся в довольно близких сношениях с Потемкиным, участвовал в этих интригах. Однако из донесений же английского дипломата видно, что влияние князя на дела было ограничено, что императрица во многих отношениях действовала независимо от Потемкина. Так, например, Геррис замечает, что князь немного заботился о вопросах за-

¹ В ее письме к брату сказано: «En verite je souffre, quand je vois si peu de fierte. Comment faire la cour a ce vilain aveugle et pourquoi?» Васильчиков, I, 367—368.

² Diaries and correspondence of James Harris, I, 154.

³ Записки Болотова, ч. III, 812 и след.

падноевропейской политики, но особенно охотно занимался восточным вопросом. При дворе он и в 1779 году играл первенствующую роль¹.

Особенною роскошью отличался праздник, устроенный Потемкиным в честь императрицы летом 1779 года на своей даче Островки, находившейся на берегу реки Невы недалеко от Александро-Невской лавры. Тут были маскарад и бал с фейерверком на озере, разные изобретения прихотливого воображения, например плавающая картина, представлявшая храм с именами членов императорского дома. Всю ночь продолжалась иллюминация; над озером видны были разного рода здания, блиставшие разноцветными огнями. Место, где приготовлен был ужин, представляло пещеру Кавказских гор, убранную миртовыми и лавровыми деревьями, между которыми вились розы и другие цветы; ее прохлаждал ручей, стремительно падавший с вершины горы и разбивавшийся об утесы. Во время ужина, устроенного по обычаю древних, хор певцов под звуки органа пел в честь славной посетительницы строфы, составленные на эллино-греческом языке, и проч.²

Некоторые записки Екатерины к Потемкину, относящиеся к этому времени, свидетельствуют о расположении императрицы к князю. Записки и донесения Герриса и другие источники истории внешней политики России за это время дают понятие о важности той роли, которую играл Потемкин в области внешней политики. Иностранцы постоянно беседовали с ним о делах; Геррис называл его своим другом; через него шли переговоры между представителями иностранных держав и императрицей. Это доказывает, что Потемкин во все это время пользовался истинным расположением Екатерины. Но изредка между ними происходили кое-какие недоразумения. Император австрийский Иосиф II писал из Могилева своей матери: «Кредит Потемкина в высшей степени силен. Ее величество за столом назвала его своим истинным другом; в беседе

¹ «The court is entirely directed by Prince Potemkin, who continues to enjoy the first place» и проч. Геррис в сентябре 1779 г., I, 224.

² Грот. «Державин», I, 379.

со мною она хвалила его способности», и проч.¹ По случаю пребывания принца прусского в Петербурге осенью 1780 года императрица писала Потемкину: «Защитница и друг твой советует надеть прусский орден»². Недаром, значит, король Фридрих II всячески старался задобрить Потемкина, обещая ему герцогство Курляндское, и т.п.³

После возвращения императора Иосифа в Вену английский дипломат Кейт спросил его: «Должен ли Потемкин после опалы графа Панина считаться главным, пользующимся полным доверием советником императрицы?» — «Да, — отвечал император, — но он советник несостоятельный. У него мало сведений; к тому же он ленив, и даже сама императрица обращается с ним, как со своим учеником в делах политики; она и говорит о нем как о своем ученике и как о человеке, который скорее нуждается в руководстве, нежели способен быть руководителем. Ей доставляет большое удовольствие говорить «он мой ученик», «он знанием дел обязан исключительно мне». Вы можете представить себе, что те лица, которым она это говорит, недостаточно откровенны, чтобы прямо возразить ей: так как, государыня, он ваш ученик, то он вам не делает чести». — «Можно ли думать, — спросил далее Кейт, — что влияние князя Потемкина и доверие, которым он пользуется, ослабевают мало-помалу?» — «Нисколько, — возразил император, — но в области политики их отношения никогда не были такими, какими они считались в публике. Императрица не желает расстаться с Потемкиным и на то имеет тысячу причин. Она не легко могла бы отделаться от него, если бы даже желала этого. Нужно побывать в России, чтобы составить себе точное понятие о положении, в котором находится императрица»⁴.

Достоинно внимания замечание Герриса летом 1780 года о

¹ Arner. «Maria Theresia und Joseph II», III, 255.

² «Сб. Исторического общества», XLII, 395.

³ Harris, I, 255—256.

⁴ «La cour de la Russie il y a cent ans», 345—346.

старании Потемкина угождать во всем Екатерине, чтобы изгладить неблагоприятное впечатление, произведенное им на Иосифа II¹. Во время пребывания в Петербурге принца прусского, которому был оказан чрезвычайно холодный прием, Геррис писал: «Мне кажется, что, если б и князь Потемкин захотел сделать что-либо в этом отношении, он не имел бы достаточного влияния на императрицу, чтобы убедить ее не показывать отвращения к принцу», и проч.² В другом месте Геррис писал: «Потемкин или боится помочь мне, или не может этого сделать». Дело в том, что князь неоднократно жаловался в это время в разговоре с английским дипломатом на раздражительность императрицы и проч. Во всяком случае, около этого времени не было полного согласия между императрицею и князем в отношении к англо-русским делам. Очевидно, происходили кое-какие неприятности, потому что Потемкин в разговоре с Геррисом сильно жаловался на недостатки в характере Екатерины³. Геррис упоминал, что императрица, когда Потемкин около этого времени захворал, не бывала у него, между тем как прежде она в подобных случаях оказывала ему гораздо больше внимания. В другом донесении сказано, что Потемкин надеется вскоре восстановить свое прежнее влияние на Екатерину, и весною 1782 года Геррис писал опять: «Потемкин не лишен ни милости, ни влияния»⁴.

В 1782 году, когда Потемкин находился на юге, императрица с большим вниманием следила за его действиями по присоединению Крыма к России. В одном из писем Екатерины в июне 1783 года сказано, между прочим: «Когда изволишь писать: дай Боже, чтоб вы меня не забыли, — то сие называется у нас писать пустошь: не только помню часто, но и жалею и часто тужу, что ты там, а не здесь, ибо без тебя я как без рук». В другом письме говорится: «Ты мне очень-очень надобен, и так прошу тебя всячески беречь здоровье». Когда во время пребы-

¹ Harris, I, 271.

² Там же, 288.

³ Там же, 380.

⁴ Там же, 425, 438.

вания Потемкина на юге там свирепствовала язва, императрица сильно беспокоилась и в каждом письме просила князя остерегаться, писать почаще и проч. После присоединения Крыма Екатерина писала: «За все приложенные тобой труды и неограниченные попечения по моим делам не могу тебе довольно изъяснить мое признание; ты сам знаешь, как я чувствительна к заслугам, а твои отличные, так, как и моя к тебе дружба... Дай Бог тебе здоровья и продолжения сил телесных и душевных; знаю, что не ударишь лицом в грязь; будь уверен, что не подчиню тебя никому окромя себя». Когда Потемкин осенью 1783 года на юге заболел, императрица писала ему: «Все крайнее меня беспокоит твоя болезнь; я ведаю, как ты не умеешь быть больным и что во время выздоровления никак не бережешься; только сделай милость, вспомни в нынешнем случае, что здоровье твое в себе какую важность заключает, благо империи и мою славу добрую: поберегись ради самого Бога; не пусти моей просьбы мимо ушей; важнейшее предприятие в свете без тебя оборотится ни во что» и проч.¹

В письме Ланского к князю от 29 сентября 1783 года сказано: «Вы не можете представить, сколь чувствительно огорчен я болезнью вашей; несравненная наша Государыня-Мать тронута весьма сей ведомостью и неутешно плачет; я решился послать зятя моего узнать о здоровье вашем; молю Бога, чтобы сохранил вас от всех болезней»².

Такие уверения в дружбе были сопровождаемы частыми и щедрыми подарками. Так, например, в августе 1783 года императрица приказала отпустить на постройку петербургского дома князя 100 000 рублей «из кабинета»³. Посылая ему к именинам сессер, Екатерина писала: «Праздник такой, который для меня столь драгоценен и любезен, как твое рождение. Прими, друг мой, дар доброго сердца и дружбы». В другой записке сказано: «Посылаю тебе шубку да чарку и фляжку для водки», и

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 207—288.

² Из собрания копий писем, находящихся в распоряжении г. Шубинского.

³ «Сб. Исторического общества», XXVII, 277.

проч.¹ Князь, в свою очередь посылая императрице дорогую шелковую материю, писал ей: «Вы приказали червям работать на людей от плодов учреждений ваших. Ахтуба приносит вам на платье. Если моление мое услышано будет, то Бог продлит лета ваши до позднейших времен, и ты, милосердная мать, посещая страны, мне подчиненные, увидишь шелками устлан путь». Как видно, это письмо писано в то время, когда уже зашла речь о путешествии Екатерины на юг России, т.е. в 1784 году.

Сомневаться в искреннем расположении Екатерины к князю во все это время нельзя. В ее письмах к нему не было конца ласкам и выражениям дружбы. Слова вроде «батенька», «голубчик», «топ соег», «топ бiјои», «батя», «папа» и проч. встречаются на каждом шагу. Впрочем, и в то время случались недоразумения, временные размолвки. Однажды князь требовал денег, но императрица отказала ему в этом; объясняя свой образ действий, Екатерина писала: «Хотя сердисься, но нельзя не говорить того, что правда». Другой раз она упрекнула князя в том, что он «смотрит сквозь пальцы». Он сильно обиделся и писал: «Когда бы перестали мои способности или охота, то можно избрать лучшего нежели я, на что я со всей охотой согласен». Она старалась успокоить его, замечая: «Я колобродным пересказам не причина», и проч.²

В «Записках» Энгельгардта встречается следующий рассказ, относящийся к 1783 году: «По разным причинам государыня оказала к князю немилость, и уже он собирался путешествовать в чужие края, и экипажи уже приготавливались. Князь перестал ходить к императрице и не показывался во дворце, почему как из придворных, так и прочих знатных людей никто у него не бывал, а сему следуя и другие всякого звания люди его оставили; близ его дома ни одной кареты не бывало, а до того вся Миллионная была заперта экипажами, так что трудно было и проезжать. Княгиня Дашкова довела до сведения императрицы через сына своего, бывшего при князе дежурным полковником³, о разных

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 393, 394.

² Там же, 402, 405.

³ Об отношениях Потемкина к молодому Дашкову см. «Записки Дашковой» в «Архиве кн. Воронцова», XXI, 234, 261, 262, 377.

неустройствах в войске: что слабым его управлением вкралась чума в Херсонскую губернию, что выписанные им итальянцы и другие иностранцы для населения там пустопорожних земель за неприготовлением им жилищ и всего нужного почти все померли, что раздача земель была без всякого порядка и окружающие его делали много злоупотребления, и тому подобное; к княгине Дашковой присоединился А. Д. Ланской. Императрица не совсем поверила доносу на светлейшего князя и через особых, верных ей людей тайно узнала, что неприятели ложно обнесли уважаемого ею светлейшего князя, как человека, способствовавшего к управлению государством; лишила милости княгиню Дашкову, князю возвратила доверенность». Рассказав затем о назначении Потемкина президентом военной коллегии и фельдмаршалом. Энгельгардт продолжает: «Не прошло еще двух часов, как уже все комнаты князя были наполнены, и Миллионная снова заперлась экипажами; те самые, которые более ему оказывали холодности, те самые более перед ним пресмыкались», и проч.¹

В 1785 году произошло возвышение Ермолова. Потемкин относился благосклонно к этому гвардейскому офицеру; но Ермолов, по словам графа Сегюра как очевидца, старался вредить Потемкину в глазах Екатерины, обвиняя его, между прочим, в несправедливом обращении с несчастным бывшим крымским ханом Шагин-Гиреем. К Ермолову присоединились другие недоброжелатели князя, на которого посыпались доносы и поклепы. Потемкин — как рассказывает французский дипломат далее, — гордый и надменный, не считал нужным оправдываться, покинул двор, находившийся в это время в Царском Селе, и переехал в Петербург, где он занимался устройством великолепных праздников для своих знакомых. Все ожидали опалы Потемкина; многие избегали встречи с ним; даже иностранные дипломаты большею частью изменили свое обращение с князем, между тем как Сегюр продолжал по-прежнему бывать у Потемкина. Сегюр даже начал открыто беседовать с ним об угрожавшей ему опасности. Князь возразил: «Неужели вы также ожидаете, чтобы я, после стольких оказанных мною услуг, унижался и уступал? Я знаю, про меня

¹Записки Энгельгардта, 30—31.

говорят, что я погибну. Не беспокойтесь: меня не погубит этот мальчик, и вообще нет никого, кто бы осмелился это сделать. Я слишком презираю моих врагов, чтобы бояться их», и проч. Между тем, как сказано далее в «Записках» Сегюра, Ермолов более и более начинал принимать участие в делах и вместе с Шуваловым, Безбородкою, Воронцовым и Завадовским заведовал государственным банком. Вдруг узнали об отъезде Потемкина в Нарву; его приверженцы потеряли всякую надежду. Но спустя некоторое время он возвратился в столицу, между тем как Ермолов был удален от двора и отправился путешествовать по Западной Европе. В беседе с Сегюром Потемкин хвалился своим торжеством над всеми недоброжелателями¹.

В 1785 году Потемкин сопровождал Екатерину в путешествии, целью которого был смотр системы Вышневолоцкого канала. Многие подробности этой поездки не допускают сомнения в том, что князь в это время пользовался полным расположением императрицы². К апрелю 1786 года относится краткая записка Екатерины к Потемкину, отличающаяся тоном дружбы³.

Позднейшие письма относятся к тому времени, когда Потемкин уже покинул столицу и спешил на юг, где он в 1787 году должен был встретить Екатерину. В ноябре она неоднократно писала к нему в тоне дружбы⁴.

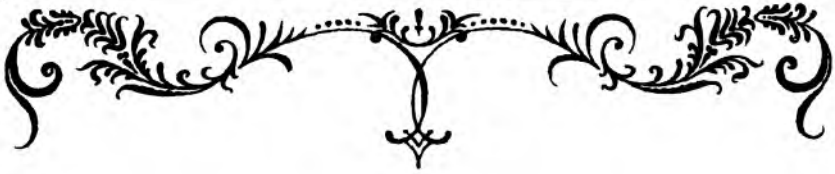
Во все это время императрица с самым напряженным вниманием следила за деятельностью Потемкина. Он был не только другом, но и сотрудником Екатерины. Не без основания она высоко ценила его ум, познания, рабочую силу. Его труды при управлении Южною Россией и в области военной администрации казались ей в высшей степени полезными и важными для государства.

¹ Segur. Memoires, III, 397—402.

² Например, шутки в письмах к Гримму, «Сб. Исторического общества», XXIII, 342, 352—355.

³ «Там же, XXVII, 367.

⁴ «Сб. Исторического общества», XXVII, 367, 373, 391, 396.

ГЛАВА IV

Деятельность Потемкина до 1786 года

И в качестве вице-президента военной коллегии, и занимая должность новороссийского генерал-губернатора, Потемкин уже в семидесятых годах принимал участие в управлении делами. Множество докладов его по разным вопросам, весьма значительное число рескриптов, подписанных Екатериною, свидетельствуют о многосторонней деятельности князя в это время. Особенно часто в деловых бумагах этой эпохи говорится о крымских делах, о мерах колонизации на юге, о распоряжениях относительно войск около Крыма¹. Самойлов особенно хвалит меры, принятые Потемкиным в это время для приведения в надлежащее состояние нерегулярных казачьих войск на Дону².

Что касается вопросов внешней политики, то Потемкин, за время заведования Панина этою частью, не играл в этом отношении особенно важной роли. Иностранные державы, зная расположение императрицы к Потемкину, всячески старались задобрить влиятельного царедворца, значение которого росло по мере того, как граф Панин мало-помалу лишался доверия и расположения Екатерины. Трудно определить, насколько рассказы о стараниях разных держав подкупить Потемкина за-

¹См. например, «Сб. Исторического общества» XXVII, 1—130.

²«Русский архив», 1867, 1230.

служивают доверия. Рассказывали, например, что австрийский двор в то время, когда был поднят вопрос о баварском наследстве, через графа Кауница велел передать Потемкину значительную сумму денег. Даже Гельбиг, упоминая об этом слухе, замечает, что, при громадном богатстве князя, Австрия едва ли располагала достаточными средствами, чтобы этим способом повлиять на Потемкина и чрез него на Екатерину¹. Как уже было замечено нами раньше, около этого же времени ходили слухи, будто бы Фридрих Великий предлагал Потемкину герцогство Курляндское². Одновременно с тем как Англия во что бы то ни стало старалась помешать России в проведении мысли о так называемом вооруженном нейтралитете, ходили слухи о громадных суммах денег, истраченных лондонским кабинетом, чтобы подкупить князя Потемкина; однако другие современники сомневались в достоверности этих слухов³. Словом, никаких сколько-нибудь достоверных известий об этом не сохранилось. К тому же при полной самостоятельности, которою отличался образ действий Екатерины в области внешней политики, подкуп вельможи можно было считать делом лишним и нецелесообразным, тем более что, как видно, между прочим, из донесений Герриса, Потемкин не имел достаточного влияния на дела и не мог служить полезным орудием иностранным державам.

Трудно сказать также, насколько Потемкин около 1780 года содействовал сближению России с Австрией. Энгельгардт рассказывает в своих «Записках», что Екатерина, решаясь на союз с Иосифом II, в беседе с Румянцевым, не одобрявшим этой политики, ссылаясь на мнение Потемкина; Румянцев, сказано у Энгельгардта, заметил: «Государыня, вам не нужно ни от кого принимать советов: свой ум — царь в голове», и проч.⁴ Но

¹ «Minerva», 1797, III, 460.

² Harris, I, 260 (первое издание) и «Minerva», 1797, III, 461.

³ Zinkeisen. «Geschichte des osmanischen Reiches», VI, 255; «Minerva», 1797, IV, III—112.

⁴ Энгельгардт, 19. Также рассказ у Блома «Ein russischer Staatsmann», II, 340, основан на одних предположениях, не поддерживаемых фактическими данными.

справедливость этих сообщений подлежит большому сомнению. Столько же неосновательно предположение Гельбига, что Потемкин был виновником путешествия императрицы в Могилев, где она встретила с императором Иосифом II¹. Во время пребывания Потемкина в Москве вместе с Иосифом II он избегал говорить с ним о политических делах². На императора он произвел гораздо более впечатлений царедворца, чем замечательного государственного деятеля. Зато после возвращения в Петербург князь неоднократно беседовал с австрийским послом Кобенцлем в видах сближения Австрии и России³. В Могилеве князь не играл особенно выдающейся роли. Завадовский, насмехаясь, писал из Могилева 29 мая 1780 года к С.Р. Воронцову: «Полк свой учил для императора князь Потемкин, которого везде вижу херувимом»⁴. Во время пребывания принца Фридриха Вильгельма в Петербурге Потемкин не говорил с ним о делах и мог выказать свой взгляд на отношение России к Пруссии разве только холодностью обращения с племянником прусского короля, невниманием к высокому гостю. «Князь Потемкин, — доносил Геррис, — нисколько не старается угодить принцу и обращает на него не более внимания, чем требует необходимость». Дальше: «Отъезд князя Потемкина (на охоту) должен считаться, по справедливости, признаком неуважения к принцу прусскому». Наконец: «Князь Потемкин не хотел позволить своей племяннице устроить для принца вечер», и проч.⁵ Несмотря на эти указания, все же нет никакого основания верить утверждениям Гельбига, будто бы не кто иной, как Потемкин был виновником холодного приема, оказанного прусскому принцу Екатериной⁶.

¹ «Minerva», 1797, III, 464.

² Arneth. «Maria Theresia und Joseph», III, 263—264.

³ Там же, 269, 270, 284.

⁴ «Архив кн. Воронцова», XXIV, 159. О столкновении Потемкина с гр. З. Чернышевским в Могилеве см. «Записки Энгельгардта», 20, и «Записки Добрынина» в «Русской Старине», IV, 117.

⁵ Harris, I, 330—337 (первое издание).

⁶ «Minerva», 1797, III, 467.

Во время пребывания великого князя Павла Петровича во Флоренции он в беседе с герцогом тосканским, Леопольдом, говорил, что русские сановники подкуплены венским двором, и между ними первым называл Потемкина¹. С другой стороны, именно в это же время ходили слухи о раздражении Потемкина против Иосифа II, когда возникли кое-какие затруднения при заключении договора между Австрией и Россией в 1781 году².

Некоторые дипломаты, как, например, Геррис и Сегюр, часто беседовавшие с Потемкиным о делах, хвалили его способности и, как кажется, были довольны его открытым и честным образом действий. Геррис с Потемкиным говорил более откровенно, чем с Остерманом или Паниным³. В свою очередь Потемкин в беседе с Безбородкой называл Герриса «человеком коварным, лживым и весьма непохвальных качеств»⁴. Даже и тогда, когда Потемкин находился на юге России и был занят устройством вверенного ему края, он подробно знал о состоянии отношений России к другим державам. В письмах Екатерины к князю все эти вопросы занимают весьма видное место. В своих ответах Потемкин сообщал императрице свои соображения. Но все же напрасно некоторые современники приписывали князю чрезмерное влияние на внешнюю политику. По рассказу Гельбига, и союз России с Австрией, и поездка императрицы во Фридрихсгам для свидания с Густавом III, и вмешательство России в дела Германии по поводу образовавшегося там так называемого княжеского союза — все это было делом почина Потемкина⁵. Такой взгляд на деятельность князя не соответствует фактам. Западная Европа, вообще говоря, интересовала князя настолько, насколько с ней были связаны дела восточного воп-

¹ Arneth. «Joseph II und Leopold von Toscana». Wien, 1872, 765—772. У Григоровича в биографии Безбородки в «Сб. Исторического общества», XXVI, 83.

² «Minerva», 1797, VI, 119, где сказано о переписке между Иосифом и князем пор этому поводу.

³ «Архив кн. Воронцова», XIII, 2.

⁴ «Сб. Исторического общества», XXVI, 109.

⁵ «Minerva», 1797, VI, 298, 1798, I, 357 и проч.

роса. Бывали, впрочем, случаи, в которых Потемкин чрезвычайно зорко следил за событиями в том или другом государстве. Неоднократно он старался вмешиваться в дела Польши¹. В 1784 году им была составлена записка о мерах на случай войны со Швецией². В заключении торгового договора с Францией в 1786 году он принимал деятельное участие, как видно из записок Сегюра, из писем Безбородки и проч.³ Во время нерасположения императрицы к Англии Потемкин скорее был склонен к союзу с этой державой, нежели к сближению с Францией⁴. Если бы сохранились и были изданы все письма Потемкина к Екатерине, мы могли бы составить себе гораздо более точное понятие об участии князя в делах внешней политики. Из писем императрицы к князю видно, что он часто и подробно писал ей о предметах внешней политики.

В письмах князя к Безбородке от 30 июля 1783 года из Карсубазара сказано между прочим: «Мысли мои в рассуждении противовеса Бурбонским дворам; союз с Англией, который чем теснее, тем полезнее России, ибо Франция открыла свое доброхотство и что она наипаче желает Россию поставить как державу без действия. Вообразите, как бы она зачала давать законы, если б усилилась; нам нужна морская держава, так как и она познала нужду в союзе нашем. Против истины сей говорить нечего, и если Государыня решиться изволит, то увидите, чего мы не сделаем. По сему уведомите меня, в каком положении дела заграничные... Нужно нам снабдиться флотом; тогда воля Божия» и проч.⁵

Главным предметом внимания Потемкина в области политики был восточный вопрос, отношение России к татарам и тур-

¹ См. например карикатуру, о которой говорится в соч. Гельбига «Minerva», 1798, I, 35.

² «Сб. Исторического общества», XXIX, 515—516.

³ Там же, XXVI, 110. «Minerva», 1798, II, 164.

⁴ «Архив кн. Воронцова», XIII, 68, 72, 76, 95, 177.

⁵ Из рукописной коллекции бумаг, обязательно сообщенных мне С.Н. Шубинским, и из других писем Потемкина к Безбородке видно, сколь деятельно он занимался таким вопросами.

кам. Участие в турецкой войне было эпохой приготовления к той деятельности, которой он посвятил себя после Кучук-Кайнарджийского мира. Расширение границ России на юге, устройство новозаятых провинций, присоединение Крымского полуострова, сокрушение Оттоманской Порты, полное торжество России над исламом — вот главные предметы забот Потемкина до его кончины. Самойлов рассказывает, что он еще во время первой турецкой войны неоднократно вспоминал о подвигах первых русских государей — Олега и Игоря в борьбе с Царьградом, сравнивал татар с половцами, давно составил план отделения татар от турок, приведения Крыма под власть России, занятия Очакова, постройки на юге русских крепостей, проведения линии укреплений на Кавказе и проч.¹ Несомненно, что Потемкин, сделавшись другом и сотрудником Екатерины, часто с ней беседовал об этих задачах внешней политики России. Начиная с 1776 года явилось множество рескриптов императрицы к князю, в которых идет речь о приведении в исполнение начертанной им программы. Точно так же и в частных письмах Екатерины к Потемкину постоянно встречаются относящиеся к этому предмету замечания.

В особенной записке Потемкин изложил свои мысли обо всем этом²: «Крым, — говорится в этой записке, — положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всех случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их через Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите теперь, что Крым ваш и что нет уже сей бородавки на носу, — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубанской сверх частных крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско дон-

¹ «Русский архив», 1867, 1009—1014.

² См. Соловьев. «Падение Польши», 156—157. Трудно понять, как наш знаменитый историк мог сообщить столь важный документ без обозначения времени, к которому он относится.

ское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несомнительна, мореплавание по Черному морю свободное, а то извольте рассудить, что кораблям вашим и выходить трудно, а входить еще труднее. Еще вдобавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах. Всемиловейшая Государыня! Неограниченное мое усердие к вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику; цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить нас не может, а только покой доставить. Удар сильный — да кому? Туркам: это вас еще больше обязывает. Поверьте, что вы сим приобретением бессмертную славу получите и такую, какой ни один Государь в России еще не имел. Сия слава положит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Черном море; от вас зависеть будет запираеть ход туркам и кормить их или морить с голоду. Хану пожалуйте в Персии, что хотите, — он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешнюю зиму, и жители охотно принесут о сем просьбу. Сколько славно приобретение, столько будет вам стыда и укоризны от потомства, которое при каждом хлопотах так скажет: вот она могла, да не хотела или упустила. Есть ли твоя держава кротость, то нужен в России рай. Таврический Херсон! из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость христианского правления».

Можно думать, что эта записка очень понравилась императрице. Программа, составленная Потемкиным, была исполнена. Уже в 1776 году князь, руководствуясь секретнейшими предписаниями Екатерины, содействовал занятию Перекопской линии Румянцевым. Постоянно князь распоряжался войсками около Крымского полуострова; он же занимался колонизацией Азовской губернии¹, через него Екатерина предписывала Стахиеву в Константино-

¹ «Записки Одесского общества», VIII, 210.

поль, как должно было трактовать с турками; ему она писала уже в конце 1777 года о необходимости приготовления к войне; ему она в 1778 году приказывала распорядиться о постройке кораблей на Днепре, адмиралтейства на Лимане, города на Херсоне; ему она предписывала принять меры против набегов кабардинцев в 1779 году, а также и против волнений в Крыму в 1782 году и проч.¹ Можно считать вероятным, что многие рескрипты Екатерины, относящиеся к этим делам, были результатом докладов Потемкина.

Таким образом, уже в семидесятых годах Екатерина с Потемкиным были заняты так называемым «греческим проектом», виновником которого считался князь². Геррис доносил в 1779 году, что Потемкин «заразил» императрицу своими идеями об учреждении новой византийской империи³. Ему приписывали проект медали, выбитой по случаю рождения великого князя Константина Павловича⁴. На этой медали изображены Софийский храм в Константинополе и Черное море, над которым сияет звезда⁵. Свои мысли Потемкин проводил и в переписке с другими сановниками⁶, и в заседаниях Государственного Совета⁷, и в беседах с Екатериной. Одновременно он заботился как о присоединении Крыма к России, так и о приведении в подданство России царя грузинского Ираклия. Весной 1782 года Потемкин сам был на юге, откуда писал императрице подробно о состоянии дел⁸.

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 120, 124, 137, 140, 145, 152, 153—155, 166, 177, 207—288. Множество писем Потемкина и к нему напечатано в последнее время в издании Дубровина «Присоединение Крыма к России», СПб., 1885 и след.

² См. Петров, «Вторая турецкая война», СПб., 1882, I, 21; «Minerva», 1797, III, 232.

³ Harris, I, 203 (второе издание).

⁴ «Minerva», 1797, III, 237.

⁵ «Русская Старина», XIX, 220—225.

⁶ См., например, письмо Румянцева к Потемкину в «Русской Старине», VIII, 711.

⁷ См., например, «Архив Гос. Совета», I, 331.

⁸ См. «Архив кн. Воронцова», XIII, 26.

Осенью этого года он писал Екатерине из Херсона. Она отвечала: «Не блистающее состояние Очакова, которое ты из Кинбурна усмотрел, совершенно соответствует попечению той империи об общем и частном добре, к которой по сию пору принадлежит; как сему городишку нос поднимать против молодого Херсонского колосса! С удовольствием планы нового укрепления Кинбурна приму и выполнение его готова подкрепить всякими способами... Для тамошнего строения флота плотников я приказала приискать, а сколько сыщется, тебе сообщу¹.

Поддерживая в Крыму русскую партию, князь сообщал императрице о всех событиях. Им же заранее был составлен манифест от имени императрицы, которым татары призывали к присяге. В апреле 1783 года он явился в Херсон, откуда сделал последние распоряжения для занятия Крыма. Переговоры с ханом Шагин-Гиреем привели к желанной цели. Переписка Потемкина с императрицей в это время была особенно оживленной. Еще в конце 1782 года она писала ему, что настала самая удобная пора для решительных действий и нужно начать с занятия Ахтиярской гавани². Геррис писал около этого времени: «Потемкин желает овладеть Очаковым; очевидно, существуют самые широкие планы относительно Турции, и эти планы доходят до таких размеров, что императрице приходится сдерживать пылкое воображение Потемкина». «Он просил, — сказано в другом донесении Герриса, — об усилении артиллерии в Южной России, так как он намерен в ближайшем будущем приступить к осаде Очакова»³. Осенью 1783 года Грейг составил записку о нападении на Дарданеллы; к ней Потемкин прибавил некоторые замечания⁴. Современники считали вероятным, что Потемкин мечтал о каком-то крымском царстве для себя⁵. До настоящего времени сохранилось мнение, что Потемкин «мечтал, при под-

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 217. Рескрипты о Крыме и проч., стр. 221.

² Т.е. Севастополя. «Сб. Исторического общества», XXVII, 228.

³ Harris, II, 8—56 (первое изд.).

⁴ «Русская Старина», XXII, 449 и след.

⁵ Гельбиг.

держке императрицы, получить греческую корону»¹. Такие предложения не подтверждаются никакими документальными свидетельствами.

Из некоторых сохранившихся писем Потемкина к императрице², Булгакову³ и другим видно, как многосторонне была его деятельность в 1783 году. Летом он тяжело заболел. Завадовский писал 19 сентября к графу С.Р. Воронцову: «В Крыму будучи, кн. Потемкин получил горячку: она так сильна была, что он соборовался маслом, исповедовался и причастился. В горячке он и христианской веры обряды хранит. Однако он выздоровел. В болезни перевезли его в Кременчуг», и проч.⁴ В Петербурге ходили слухи о безнадежном положении князя. Рассказывали, будто Екатерина отправила на юг офицера с поручением запечатать, в случае кончины Потемкина, все его бумаги⁵.

Так как Потемкин летом 1783 года писал редко, императрица не совсем была довольна им. Из Царского Села она писала 15 июля: «Ты можешь себе представить, в каком я должна быть беспокойстве, не имея от тебя ни строки более пяти недель; сверх сего, здесь слухи бывают ложные, кои опровергнуть нечем. Я ждала занятия Крыма по крайнем сроке в половине мая, а теперь и половина июля, а я о том не более знаю, как и папа римский; сие неминуемо производит толки всякие, кои мне отнюдь не приятны: я тебя прошу всячески, уведомляй меня почаще, дабы я могла следить за течением дел; природная деятельность моего ума и головы измышляет тысячи мыслей, которые часто мучают меня». Узнав об успешном окончании крымского дела, она писала князю: «Прямо ты друг мой сердечный. На зависть Европы я весьма спокойно смотрю; пусть балагурят, а мы дело делаем». В письме от 31 августа сказано:

¹Петров, I, 33.

²См. «Русская Старина», XII, 689.

³«Сб. Исторического общества», XLVII, 92.

⁴«Архив кн. Воронцова», XII, 23.

⁵Извлечение из депеш Герца в сочинении Цинкейзена «Gesch. d. osman Reiches», VI, 398. В другой депеше было сказано, что Потемкин «Moins moribond gue fou».

«Ожидала ли я, чтоб ты всекрайне опечалил меня известием о твоей опасной болезни... Просила я тебя, да и прошу ради самого Бога, и если меня любишь, приложи более прежнего старания о сбережении драгоценного твоего для меня здоровья... Браниться с тобой и за то хочу, для чего в лихорадке и в горячке скачешь повсюду; теперь крайне буду беспокойна, пока отпишешь что каков». В сентябре она писала: «Друг мой сердечный, я об тебе в крайнем беспокойстве, и для того посылаю нарочного курьера, чтоб узнать, каков ты? От посторонних людей слышу, что маленько будто лучше тебе»¹.

Присоединение Крыма к России легко могло иметь следствием столкновение между Россией и Портой. Уже в 1783 году ожидали разрыва. Недаром Потемкин все время переписывался с Булгаковым. Именно в то время, когда состоялось занятие Крыма, Булгаков писал Потемкину о настроении умов в Константинополе, о появлении какой-то книги, в которой заключалось пророчество неминуемо предстоявшего крушения Турецкой империи². Любопытно, что Потемкин скоро после присоединения Крыма к России мечтал о поездке в Константинополь и писал о своем намерении Булгакову. Последний не советовал князю посетить Турцию. В его письме от 15 (26) марта 1784 года сказано: «Здесь почитают вашу светлость нашим верховным визирем. Прибытие ваше сюда не может быть утаено и произведет суматоху в народе, коей и поныне еще Сераль и Порта опасаются, ибо думают, что духи еще не успокоились», и проч.³

Около этого времени не только крымские дела, но и все части турецкой монархии обращали на себя внимание Потемкина. Он знал обо всем, что происходило в Дунайских княжествах на Кавказе. Всюду он имел своих агентов, с которыми вел переписку⁴. С Булгаковым он переписывался о заключении турецко-

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 269, 276—279.

² Там же, XLVII, 70.

³ «Русский архив», 1866, 1574.

⁴ «Minerva», 1797, IV, 303—309.

русского торгового договора, с Павлом Потемкиным — о делах Грузии¹; академик Паллас составил по желанию Потемкина проект учреждения военных колоний на Кавказе²; о персидских делах князь переписывался с Безбородкой³ и проч. Во все это время он очень часто бывал в дороге. Занимаясь управлением Южной Россией, он часто ездил в столицу. Приехав в Петербург в конце 1783 года, он уже в марте 1784 года снова покинул столицу. Сообщая об отъезде князя, Безбородко в письме к А.Р. Воронцову замечает: «Он полагает первые четыре или пять месяцев года всегда проживать в своих наместничествах»⁴. В июле этого же года он опять был в Петербурге⁵. Около этого же времени была речь о путешествии Потемкина в Италию, чему, однако, не суждено было случиться⁶. Осенью 1785 года он собирался ехать на Кавказскую линию⁷. В 1786 году он, побывав в столице, осенью отправился на юг, куда собиралась ехать немного позже императрица. На пути туда он побывал в Риге, где ему был оказан самый торжественный прием⁸.

В качестве президента военной коллегии и фельдмаршала Потемкин во все время занимался администрацией войска. Безбородко писал о нем в 1784 году: «По военной коллегии не занимался он кроме секретных и самых важных дел, дав скорое течение прочим»⁹. «Потемкин ворочал военной частью», — писал о нем впоследствии Завадовский¹⁰. Он был, так сказать, военным министром. Фельдмаршалом он сделался в начале

¹ «Minerva», 1798, 26; «Записки Одесского общества», VII, 201 и след.; «Русский архив», 1879, II, 430 и след.

² Herrmann. «Gesch. d. russ. Staats», VI, 69.

³ «Архив кн. Воронцова», XIII, 53—54.

⁴ Там же, 48.

⁵ «Сб. Исторического общества», XXVII, 337.

⁶ Zinkeisen, VI, 488.

⁷ «Архив кн. Воронцова», XIII, 97.

⁸ Herrmann. Ergänzungsband, 643.

⁹ «Архив кн. Воронцова», XIII, 48.

¹⁰ Там же, XII, 104.

1784 года¹. Важные реформы его в военном деле относятся к 1783 и 1784 годам. В подробной записке он изложил свой взгляд на технику обучения солдат, на их одежду, уборку волос и проч. Тут развиваются мысли о большой свободе, о сбережении сил и времени военных, о гуманном обращении с солдатами. Он ратовал против «вредного щегольства, удручающего тело»; встречаются очень дельные замечания об истории одежды и вооружения солдат; князь, между прочим, резко порицает «педаанство» иностранных офицеров. «Им казалось, — писал он, — что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и проч. Занимая же себя такой дрянью, они не знают самых важных вещей». Далее сказано: «Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрой, салом, мукой, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал и готов»². Все это изложено весьма подробно; указание на частности свидетельствуют о полном знакомстве с делом. В этом смысле были проведены реформы, которыми восхищались современники. Самойлов хвалит «внимание князя об искоренении жестоких наказаний, попечение его об обогащении солдатских артелей и об устройении лазаретов» и проч. «Солдаты русские, — говорит он далее, — никогда не забудут того, что князь Григорий Александрович острижением волос избавил их от головных болезней, от лишних напрасных издержек для мазания пудреной головы»³. Довольны были этими нововведениями также и другие современники⁴. Даже граф С.Р. Воронцов, вообще очень резко осуждавший деятельность князя, хвалил его за введение удобного и соответствующего климату обмундирования

¹ См. письмо Н.П. Румянцева к А.Р. Воронцову, в «Архиве кн. Воронцова», XXVII, 109.

² Эта записка напечатана в «Русской Старине», VIII, 722—727 и в «Русском архиве», 1888, II, 364—367.

³ «Русский архив», 1867, 581—582, см. там же стр. 1575—1576.

⁴ См., например, «Записки Энгельгардта», 40.

войска¹. Державин одобрял введение князем легких сапожков-ботинок. Солдаты сочинили песню о перемене солдатской прически: «Дай Бог тому здоровье, кто выдумал сие; виват, виват, кто выдумал сие» и проч.² Энгельгардт рассказывал в своих записках, что один гренадер говорил по поводу кончины Потемкина: «Покойный его светлость был нам отец, облегчил нашу службу: довольствовал нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети» и проч.³

Менее довольны Потемкиным были офицеры, как видно из следующей записки князя к Суворову, найденной в бумагах последнего (без числа): «Сведаль я, что офицеры ваши разглашают, что они не могут ни в чем угодить, забывая, что если бы они делали, что других полков делают, то бы они равно сим угождали. То и извольте им сказать, что легкий способ все кончить: отстать мне от них и их кинуть, предоставив им всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду заниматься и без них государственной обороной»⁴.

Впрочем, были слышны и чрезвычайно неблагоприятные отзывы о военной администрации Потемкина. Граф С. Р. Воронцов сильно порицал чрезмерное обращение внимания князя на конницу⁵. После кончины Потемкина Безбородко писал о «воинском хаосе», находя «более всего странной страсть князя к казакам, которая до того простиралась, что он все видимое превращал в это название»⁶. В среде иностранцев находили, что нововведения Потемкина повредили дисциплине в войске⁷. Саксонский дипломат Сакен доно-

¹ См. «Архив князя Воронцова», X, 473.

² «Русская Старина», VIII, 817.

³ Записки Энгельгардта, 100.

⁴ «Русский архив», 1886, I, 308.

⁵ «Архив князя Воронцова», X, 479.

⁶ Там же, XIII, 227.

⁷ «Minerva», 1798, III, 218. Герцог Ришелье писал: «Les ressorts de la discipline etaient relaches. La faute est au prince Potemkin, qui pour se faire aimer du soldat, a diminue l'fficier et donne toujours tort a celui-ci, quand un soldat vient se plaindre. Depuis la mort du prince la discipline se retablit» etc. «Сб. Исторического общества, LIV, 151.

сил своему правительству о страшном беспорядке, якобы господствовавшем в военной администрации вследствие небрежности Потемкина¹. Ходили слухи о неудовольствии Алексея Орлова, Румянцева и других лиц по поводу мер, принятых князем, и разных злоупотреблений². Особенно резко осуждал военную организацию Потемкина князь Кочубей, обращая внимание на распущенность солдат, развившуюся вследствие мер Потемкина и необдуманного формирования им новых и новых полков конницы³. Граф С.Р. Воронцов писал из Пизы своему брату в 1785 году: «Князь Потемкин, даром что он военный министр, ничуть не годится для этой должности; он вздумал соорудить крепости при помощи нехороших топографических карт; таким образом был построен Херсон, таким образом сооружена Моздоцкая линия укреплений; напрасно специалисты, люди знающие старались убеждать князя в невозможности такого образа действий; он считал себя Вобюаном и верил безусловно в свою способность к математике»⁴.

Очень невыгодно отзывался о деятельности князя в качестве военного администратора князь Ю.В. Долгорукий, в записках которого сказано: «По вытеснении графа Чернышева Потемкин сделался президентом военной коллегии. В начальство Чернышева армейские дела шли, можно сказать, по музыкальным нотам, а Потемкин в армии все расстраивал по разным соображениям (sic) войск. Гусарские полки, кои были всегда очень хороши, переделал в легкоконные». Затем князь Долгорукий рассказывает, как эти легкоконные полки находились в расстройстве, но как он, получивши командование над ними, привел их в хорошее состояние и как эти полки, показанные Екатерине в Кременчуге в 1787 году, понравились императрице⁵.

Адмирал Чичагов заметил в 1805 году, что именно Потемкин

¹ Herrmann. Ergänzungsband, 633.

² Там же, 651; Гарновский в «Русской Старине», XV, 23; «Минерва», 1798, I, 367.

³ «Архив князя Воронцова», XVIII, 55.

⁴ Там же, IX, 26—27.

⁵ «Русская Старина», 1889, LXIII, 509.

внушил императрице Екатерине убеждение в необходимости содержания сильного флота; при этом князь обвиняется им в том, что флот должен был служить лишь орудием княжеского честолюбия¹. Современники, приверженцы Потемкина, удивлялись опытности и знанию дела, которые он обнаруживал по этой части вверенной ему администрации². Сооружение флота на Черном море обуславливалось наступательными действиями России против Турции в это время. В разных местах были построены верфи. В Херсоне Потемкин завел морской кадетский корпус и училища штурманской и корабельной архитектуры³. Основание Севастопольской гавани было эпохой в истории русского флота⁴. Об этом предмете князь переписывался с императрицей. В одном из его писем, в котором он просит ее позаботиться о доставлении флотских офицеров и матросов, между прочим сказано: «Прикажите отрядить хороших, а то что барыша, когда в новое место нашлют дряни. Ежели бы приказали великому князю, как генерал-адмиралу, сей наряд сделать, сказавши, что ваша воля есть чтоб люди были годные, то бы, конечно, разбор был лучший. Я, матушка, прошу воззреть на здешнее место, как на такое, где слава твоя оригинальная и где ты не делишься ей с твоими предшественниками; тут не следуешь по стезям другого⁵. Спустив первый корабль с Херсонской верфи, Потемкин сообщил императрице, что намерен назвать его «Слава Екатерины». «Это наименование, — писал он, — я берусь оправдать и в случае действительном»⁶. Она отвечала: «Пожалуй, не давай кораблям очень огромные имена, чтобы слишком знаменитые имена не стали бы в тягость и чтобы не было слишком

¹ См. письмо Чичагова к С.Р. Воронцову в «Архив князя Воронцова», XIX, 150.

² Самойлов в «Русском архиве», 1887, 1577.

³ «Русский архив», 1887, 1564.

⁴ См. подробности в монографии «Начало учреждения Российского флота на Черном море и действий его с 1778 по 1798 г.» в «Записках Одесского общества», IV, 261—306.

⁵ «Русская Старина», VII, 697.

⁶ Там же, 689.

затруднительно выполнить им подобную карьеру; впрочем, как хочешь с именами; держи узду в руках, потому что лучше быть, чем казаться и не быть»¹. Потемкина не раз затем обвиняли в том, что флот им построен слишком наскоро и при этом был употреблен негодный материал²; тем не менее нельзя не отдавать ему справедливости в том, что созданный им флот успешно сражался с турецким; значит, оказался не совсем негодным.

«Лучше быть, чем казаться», — писала Екатерина. Этого правила не всегда придерживался Потемкин при постройке новых городов во вверенных ему наместничествах. Екатерина называла, как мы видели выше, учрежденный в 1778 году город Херсон «молодым колоссом»; между тем это новое создание Потемкина вовсе не заслуживало такого громкого имени. Город, впрочем, развивался быстро. Хемницер, бывший там проездом в 1782 году на пути в Константинополь, не мог надивиться быстрому возрастанию и украшению его³. Уже в 1776 году туда был определен архиепископом грек Булгарис, польстивший Потемкину переводом на греческий язык стихов Петрова, сочиненных в честь князя⁴. В Херсоне Потемкин бывал очень часто и руководил происходившими там работами, на которые тратились громадные суммы. Развитие города было задержано, между прочим, чумой, которая свирепствовала в нем два года⁵; Самойлов говорит по этому поводу: «Предположение Потемкина было, чтобы сделать сей город знаменитым и толико же цветущим, каков был древний Херсон в Херсонесе Таврическом... Григорий Александрович предполагал произвести в этом месте то, что Петр Великий произвел на зыбком грунте в Петербурге... Через два года по основании уже в Херсон приходили корабли и отправлялись с грузом и под российским флагом. Народ стремился

¹ «Сборник Исторического общества», XXVII, 265.

² Безбородко писал в 1795 году: «Потемкин умел выводить в море гнилые корабли в большом числе». «Сб. Исторического общества», XXIX, 290.

³ «Русская Старина», V, 223.

⁴ «Древняя и новая Россия», 1876, I, 217

⁵ Записки Дримпельмана в «Русском архиве», 1881, I, 33—35.

со всех сторон и обогащался. Иностранцы завели коммерческие дома»¹. Но фактическое развитие Херсона не соответствовало панегирическому тону в рассказе племянника князя. Херсон не сделался вторым Петербургом.

Особенно рельефно выступает разница между предначертаниями и успехами Потемкина при основании Екатеринослава — города, предназначенного для возвещения всему свету славы императрицы.

Уже в начале восьмидесятых годов императрица, между прочими распоряжениями по устройству Екатеринославской губернии, приказала Потемкину избрать место для постройки города по правой стороне Днепра², а в 1784 году велено было учредить университет в Екатеринославе³. В начале 1785 года явилось множество рабочих на том месте, где предполагалось строить город. В донесении князя императрице от 4 и 6 октября 1786 года указывается на значение Екатеринослава и богатство всего края, говорится о необходимости устроить там университет и выражается надежда, что «по соседству Польши, Греции, земель Волошской, Молдавской и народов иллирийских множество притечет юношества обучаться»⁴. Далее сказано, что «следует выстроить храм в подражание храма св. Петра в Риме, в знак, что страна сия из степей бесплодных преобразена попечениями вашими в обильный вертоград и обиталище зверей в благоприятное пристанище людям, из всех стран текущих». Затем Потемкин предлагает построить «судилище наподобие древних базилик», «лавки полукружием наподобие Пропилей или преддверия Афеинского», с биржей и театром посредине. Кроме того, Потемкин предполагал учредить «музыкальную академию

¹Самойлов в «Русском архиве», 1867, 1214—1215. См. также очерк Новороссийского края в «Записках Одесского общества», V, 435 и след. О Херсоне см. еще некоторые замечания в сочинении «Anekdoten zur Lebensgeschichte des Fürsten Potemkin». Freistadt am Rhein, 1792, 214—218.

²ПСЗ, № 15908, 15910.

³ПСЗ, № 16057.

⁴«Русский архив», 1865, 722—747.

или консерваторию», двенадцать фабрик — шерстяную, шелковую, суконную и проч. Ко всему этому он прибавлял, что для всех предполагаемых зданий уже заготовлено довольно строительных материалов¹. Относительно университета немедленно были приняты меры для его устройства. Предполагали строить обсерваторию, жилища для профессоров и студентов. Уже в 1785 году назначено было жалованье университетским наставникам (20 178 рублей), учреждена была университетская канцелярия и приглашены были некоторые преподаватели. Знаменитый композитор Сарти был определен директором консерватории с жалованьем 3500 рублей и разными другими доходами. Громадные суммы были ассигнованы на устройство университета и постройку города. Учреждены были строительные комиссии. Город должен был иметь пространство в 300 квадратных верст, выгонной земли для пастбища городского скота предназначалось 80 000 десятин, улицы должны были иметь ширину 30 саженей.

На заведение одной чулочной фабрики назначено было 340 000 рублей, из этой суммы истрачено было 240 000 р. на постройку 200 изб для мастерских². На чулочной фабрике, которую успели устроить в Екатеринославе, были, как рассказывают, приготовлены шелковые чулки до того тонкие, что они вложены были в скорлупу грецкого ореха и поднесены Екатерине. Великолепный дом Потемкина отделали совершенно. При том доме был сад с двумя оранжереями: одна ананасовая, другая — из лавровых, померанцевых, лимонных, апельсиновых, гранатовых, финиковых и других деревьев³. Церковь должна была иметь 71 сажень длины, 21 сажень ширины; проект вида собора был составлен итальянцем Моретти⁴.

Результаты всей этой деятельности не соответствовали надеждам и намерениям Потемкина. Желая превратить Южную

¹ «Русский архив», 1865, 394.

² «Записки Одесского общества», II и след., II, 332, III, 138, V, 426 и след.

³ Там же, V, 437.

⁴ См. краткий указатель музеев в Одессе. Одесса, 1867, 19.

Россию в богатый край, покрытый садами, изобилующий городами, селами, отличающийся производительностью, густым населением и проч., князь не мог достигнуть этой цели. Из огромного числа деловых бумаг и писем канцелярии Потемкина видно, как многосторонна и неусыпна была его деятельность по управлению Южной Россией; но вместе с тем в ней очевидны лихорадочность, поспешность, самообольщение, хвастовство и стремление к чрезмерно высоким целям. Приглашение колонистов, закладка городов, разведение лесов, виноградников, шелководства, учреждение школ, фабрик, типографий, корабельных верфей — все это предпринималось чрезвычайно размахисто, в больших размерах, причем Потемкин не щадил ни денег, ни труда, ни людей. Но, к сожалению, многое было начато и брошено; другое с самого начала оставалось на бумаге; осуществилась лишь самая ничтожная часть смелых проектов¹.

История учреждения Николаева немного позже походит на историю начала Херсона и Екатеринослава. И тут кипучая деятельность, множество орденов, трата весьма значительных сумм денег не повели к особенно важным результатам. И тут число рабочих доходило до нескольких тысяч; Потемкин мечтал о заведении аптекарского сада в больших размерах, об устройстве мастерских для снабжения флота соленым мясом и консервами из овощей, пильных мельниц, образцовых сельскохозяйственных ферм и проч.² Однако новый город произвел самое неблагоприятное впечатление, например, на врача Дримпельмана, посетившего его в 1788 году. Город составляли отдельные хижины из тростника или жилища, выкопанные в земле; гигиенические условия были ужасны. Впрочем, Дримпельман замечает, что постройка нового города «шла вперед с изумительной быстротой» и в течение года было выстроено бо-

¹См. мое соч. «История Екатерины II», изд. Суворина, СПб., 1885, 610 и 611.

²См. статью «Мирные предназначения князя Потемкина» в «Русском архиве», 1874, II, 289—302. См. также «Записки Одесского общества», IV, 363 и след.

лее полутора ста домов. Лес и другие строительные материалы доставлялись в изобилии на казенный счет по Бугу и продавались весьма дешево желавшим поселиться в новом городе¹. Иностранцы, не расположенные к Потемкину, находили, что все эти работы, происходившие под руководством князя, обходились слишком дорого. Миллионы, истраченные князем на администрацию в Крыму, оказались далеко невыгодной капитализацией. Некоторые авантюристы-спекулянты сумели при таком случае действовать в свою пользу. Канцлер Антуан, пользовавшийся покровительством графа Сегюра и Потемкина, занимался контрабандной торговлей². Граф С.Р. Воронцов, бывший посланником в Англии, сильно порицал намерение Потемкина заселить Крым преступниками и каторжниками из Англии и от себя принял меры, чтобы воспрепятствовать проведению в исполнение такого странного и оскорбительного для достоинства России намерения. Он представил императрице всю несообразность и нелепость этого проекта; императрица вполне убедилась в нелепости затеи князя. Потемкин, задетый за живое таким образом действий Воронцова, никогда не мог простить ему этой помехи³. Чрезвычайно резко обвиняли Потемкина в невнимании к интересам переселенцев, которых он разными обещаниями старался привлечь в Крым⁴. Ходили слухи о чем-то вроде набора по всей империи нескольких тысяч девушек, которых Потемкин хотел выдать замуж за колонистов в Крыму; рассказывали о страшных притеснениях, заставлявших не только прежних жителей Крыма, татар, но и прибывших туда греков спасаться в Турцию, и проч.⁵

Но, несмотря на все это, было бы несправедливо бросить

¹ «Русский архив», 1881, 48—50.

² См. письмо Безбородки в «Архиве кн. Воронцова», XIII, 109.

³ Безбородко писал С.Р. Воронцову об этом деле. «Архив кн. Воронцова», XIII, 102. С.Р. Воронцов к Панину в 1801 г. «Архив кн. Воронцова», XI, 177—179.

⁴ «Minerva», 1797, IV, 129.

⁵ См. депеши прусского дипломата Герца в 1785 г. в сочинении Цинкейзена, «Gesch. d. osman. Reiches», VI, 620—621.

ть на всю вообще административную деятельность Потемкина.

Беспристрастные современники умели ценить признаки прогресса, совершавшегося на юге в это время. Так, например, следующее письмо Кирилла Григорьевича Разумовского к Ковалинскому от 22 июня 1782 года заслуживает полного внимания. Совершив путешествие на юг, бывший гетман писал: «В сделанном мною в Херсоне воляже я ощущал особенное удовольствие, ибо неточию в путешествии сем не имел никакого беспокойства, но зрение мое беспрестанно занималось приятным удивлением, поскольку на самой той ужасной своей пустотой степи, где в недавнем времени едва ли кое-где рассеянные обитаемы были ничего незначащие избушки, называемые от бывших запорожцев зимовниками, на сей пустоте, особенно по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга, нашел я довольные селения верстах в 20, в 25 и не далее 30, большей же частью при обильных водах. Что принадлежит до самого Херсона, то, кроме известного великолепного Днепра, северный берег которого здесь оным населяется, представьте себе множество всякий час умножающихся каменных зданий, крепость, замыкающую в себе цитадель и лучшие строения, адмиралтейство со строящимися и построенными уже кораблями, обширное предместье, обитаемое купечеством и мещанами разнородными, с одной стороны, казармы, около 10 000 военно-служащих в себе вмещающие, — с другой. Присовокупите к сему почти перед самым предместьем и видоприятный остров с карантинными строениями, с греческими купеческими кораблями и с проводимыми для выгод сих судов каналами. Все сие вообразите и тогда вы не удивитесь, когда вам скажу, что и поныне не могу выйти из недоумения о столь скором возвращении на месте, где так недавно один только обретался зимовник. Не говорю уже о том, что сей город, конечно, в скорости процветает богатством и коммерцией, сколь то видеть можно из завидного начала оной. Херсон для меня столь показался приятен, что я взял в нем и место для постройки дома, на случай, хоть быть там некогда и согражданином. Скажу вам и то, что не один сей город занимал мое удивление. Новые и

весьма недавно также основанные города Никополь, Новый Кондак, лепоустроенный Екатеринослав. К тому же присовокупить должно расчищенные и к судоходству удобными сделанные Ненасытицкие пороги с проведенным и проводимым при них с невероятным успехом каналом, равно достойны всякого внимания и разума человеческого», и проч.¹

Такой отзыв доказывает, как осторожно нужно относиться к сочинениям, вроде биографии Потемкина, Гельбига, где просто осмеяна административная деятельность князя. Любопытно, что тот самый французский писатель, который в 1808 году воспроизвел, в сущности, сочинение Гельбига, в той главе, где говорится об управлении Потемкиным Южной Россией, не соглашаясь с мнением автора монографии, помещенной в журнале «*Minerva*», смягчил отзывы о вреде мер, принятых князем, указал на затруднения, с которыми приходилось бороться Потемкину, и похвалил результаты деятельности².

Писателям-памфлетистам вроде Гельбига, иностранным дипломатам, вообще любившим хулить все виденное ими в России, не могли быть известны частности деятельности Потемкина. После того как было опубликовано множество деловых бумаг, относящихся к этому предмету, резкие отзывы о князе оказываются совершенно несправедливыми. Просматривая переписку Коховского с Потемкиным или с Поповым, письма Синельникова к князю, письма Потемкина к Фалееву и прочим, мы можем составить себе понятие о том, в какой мере князю принадлежит почин во многом, насколько он заботился о реформах и старался быть полезным краю.

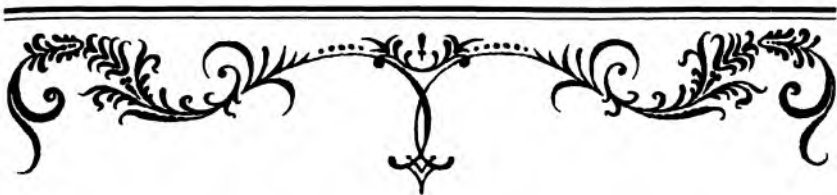
Императрица, разумеется, знала о работах Потемкина и поэтому ценила его деятельность, хотя, быть может, она и придавала слишком большое значение результатам его управления. К тому же нельзя не признать, что князь располагал громадными суммами, пользовался неограниченным кредитом и, как будет объяснено ниже, только в виде исключения отдавал отчет в истраченных им миллионах. Правда, стремления князя не всегда

¹Васильчиков, «Семейство Разумовских», I, 370—371.

²«*Vie du prince Potemkin*», Paris, 1808, стр. 86—90.

имели успех; грандиозные его проекты большей частью оставались проектами. Если, однако, принять во внимание всю трудность и сложность административных задач вообще, если вспомнить о диком состоянии края, где трудился Потемкин, то нельзя не относиться снисходительно к некоторым промахам, сделанным князем, и к сравнительно скромным результатам, достигнутым им.

ГЛАВА V

Путешествие Екатерины (1787 г.)

Кипучая деятельность князя Потемкина в Южной России не могла не обратить на себя внимания современников. Недоброжелатели князя, конечно, не считали эту деятельность плодотворной. Утверждали, напротив, что громадные суммы, истраченные Потемкиным, не приносят никакой пользы, что даже приобретение Крыма не стоило огромных пожертвований, требуемых князем. По рассказу одного современника, мысль о путешествии императрицы Екатерины в полуденный край появилась вследствие интриг, направленных против Потемкина. «Ермолов, — рассказывает Гельбиг, — желая повредить Потемкину во мнении Екатерины, уговаривал ее поехать на юг и убедиться самолично в неисправности администрации князя»¹.

Рассказ Гельбига основан на сплетнях. Он же рассказывает, что «Потемкин, узнав о намерении Екатерины посетить вверенные ему провинции, сильно перепугался и даже согласился, что полученные им для административных целей три миллиона рублей он истратил на собственные частные нужды», и проч. Все это едва ли заслуживает внимания. Ничего положительного неизвестно о том, как и почему именно у Екатерины явилось желание совершить путешествие на юг России. Известно только, что об этой

¹ «Minerva», 1798, I, 364.

поездке начали говорить уже в 1784 году. Так как она состоялась не раньше первой половины 1787 года, то Потемкин достаточно располагал временем, чтобы подготовить управляемый им край и показать его Екатерине в самом выгодном свете.

Если недоброжелатели Потемкина намеревались при этом случае нанести удар князю, то их расчеты оказались лишеными всякого основания. Он остался полным победителем. Употребив с лишком два года на подготовку края к путешествию Екатерины, он устроил дело так ловко, что южный край, особенно благодаря стараниям князя, произвел на императрицу самое благоприятное впечатление.

Современники рассказывали разные анекдотические черты о чрезмерном честолюбии князя. Говорили, например, что Потемкин, предвидя путешествие Екатерины, уже в 1784 году удалил Тутомлина, оказавшего ему важные услуги при устройстве Южной России и Крымского полуострова, переместив его в Архангельск, чтобы, в случае приезда императрицы, ни с кем не делить ее признательности¹. Далее утверждали, что Потемкин, истрачивая в своих губерниях громадные суммы для путешествия Екатерины, старался устроить дело таким образом, чтобы Румянцев, управлявший Малороссией, был лишен средств для приведения Киева и прочих мест в надлежащее состояние².

Как бы то ни было, Потемкин сделал все возможное, чтобы доказать неосновательность слухов о недостатках его управления, чтобы восторжествовать над своими противниками. Богатство степного края, быстрое развитие городов, изобилие военных запасов и снарядов, отличное устройство войска, значение военных портов, прелесть южной природы в Крыму, следы заботливости и результаты трудов князя во всем крае — все это должно было поразить Екатерину и обезоружить недоброжелателей князя. Путешествие императрицы, если оно и имело значение контроля над действиями Потемкина, должно было обратиться в полное торжество его.

¹Blum. «Ein russischer Staatsmann», II, 476.

²Segur. Memoires, III, 47. О путешествии вообще см. мою статью в «Историческом Вестнике», 1885, июль, август и сентябрь.

Заблаговременно начались приготовления к этой поездке. Уже 13 октября 1784 года Потемкин отправил к бригадиру Синельникову ордер, в котором говорилось о приготовлении на различных станциях известного числа лошадей, о местностях, где во время путешествия должны быть приготовлены обеденные столы, о дворцах, которые должны были строиться по присланному рисунку, о квартирах в городах для свиты императрицы и т.д.¹ Главные приготовления в южном крае происходили в 1786 году. Зимой Потемкин старался подготовить находившихся в Кременчуге русских, сербов, молдаван, греков к приезду Екатерины, давал им бал, концерты и другие пиршества. Тысячи рабочих трудились над созданием Екатеринослава. На Днепре строилась целая галерная флотилия, на которой Екатерина и ее спутники должны были спуститься из Киева до Херсона. Самая роскошная галера — «Днепр» — была назначена для Екатерины, другая — «Буг» — для Потемкина. Что же касается приготовлений в Крыму, то многие подробности о происходивших там работах сделались известны из писем правителя Таврической области В.В. Коховского к правителю канцелярии В.С. Попову для доклада Потемкину. В письмах говорится об исправлении уже существовавших дорог и о проложении новых, о постройке дворцов на станциях, об экипажах и лошадях, о мебели в покоях, приготовленных для императрицы, и проч. Далее, были приняты меры, чтобы в разных местах, через которые проезжала императрица, ее встречали и приветствовали толпы татар, киргизов, ногайцев, туркмен².

Для путешествия Екатерины не только строились в разных местах триумфальные ворота, но даже воздвигались целые го-

¹ «Записки Одесского общества истории и древностей», II, 758.

² Там же, X, 253 и след. О кабардинцах см. письмо Попова к Петру Потемкину в «Русском архиве», 1879, II, 436. Множество новых данных об административной деятельности Потемкина в это время см. в монографии Арсения Маркевича «Материалы архива канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым». Симферополь, 1891.

рода, как, например, Алешин, на левом берегу Днепра, против Херсона: в октябре 1786 года его еще не существовало, а в апреле 1787 года городок был отстроен и заселен малороссиянами. Генерал-майору Синельникову было поручено позаботиться о придании Кременчугу вида столичного города. Архиепископу Амвросию Екатеринославскому и Таврическому Потемкин собственноручно написал тему, на которую преосвященный должен был сказать приветственное слово. Наконец, неутомимый князь успевал уделять время для слушания торжественной оратории, приготовленной к приезду Екатерины итальянским капельмейстером Сарти¹.

Хлопоты Потемкина продолжались и в то время, когда уже началось путешествие Екатерины. Он покинул столицу уже в 1786 году, отправился в свое наместничество заниматься приготовлениями к приему Екатерины и, когда она прибыла в Киев, присоединился к путешественникам. В Киеве он занимал самое видное место между лицами, окружавшими императрицу. За ним, между прочим, ухаживали приехавшие в Киев поляки, представители оппозиции против короля Станислава-Августа. Из «Записок» Сегюра, сопровождавшего императрицу в этом путешествии, видно, что Потемкин в то время играл весьма важную роль и пользовался расположением государыни. Однако в то же самое время в Петербурге ходили слухи о разных неприятностях, с которыми князю приходилось бороться, Гарновский писал к правителю канцелярии Потемкина, В.С. Попову, что в Петербурге говорили «о негодовании (Екатерины) на светлейшего князя; рассказывали далее, что Потемкин болен, что он по болезни не мог доехать до Киева. В одном из писем Гарновского сказано: «Говорят в городе и при дворе (т.е. при так называемом малом дворе, так как великий князь и его супруга оставались в Петербурге) еще следующее: Задунайский и Ангальт приносили ее императорскому величеству жалобу на худое состояние российских войск, от небрежения его светлости (т.е. князя Потемкина) в упадок пришедших. Его светлость, огорчаясь на графа Ангальта за то, что он таковые вести допускает

¹ «Русская Старина», XII, 693.

до ушей императорского величества, выговаривал ему словами, чести его весьма предосудительными. После чего граф Ангальт требовал от его светлости сатисфакции. К сему присовокупляют, что ее императорское величество не благоволит его светлости... Многие не в пользу его светлости толкуют и то, что его светлость в монастыре, а не во дворце жить в Киеве изволил»¹.

Нельзя не считать вероятным, что между Потемкиным и другими сановниками в Киеве происходили кое-какие недоразумения. Существовала ненависть между Румянцевым и Потемкиным. В Петербурге даже говорили о намерении Румянцева подать в отставку. Сегюр как очевидец рассказывает, что Потемкин в Киеве был невесел и даже не всегда бывал при дворе. Он поселился в Печерском монастыре, где его окружала толпа льстецов, надеявшихся через милости князя достигнуть каких-либо выгод. Его странный образ действий, между прочим, выражался в том, что он то являлся в пышной одежде и блестящем мундире, то угрюмый, брюзгливый, полуодетый по целым суткам лежал на диване даже в присутствии знатных лиц. «Потемкин глядит волком», — сказала однажды Екатерина в это время². С особенной холодностью, пишет Сегюр, Потемкин обращался с графом Румянцевым и графом Штакельбергом. Его обращение с поляками доходило иногда до крайней грубости. Когда Браницкий в чем-то заупрямился, Потемкин стал кричать на него и даже махал кулаком у него под носом. При Браницких у Потемкина был однажды нелюбимый Браницким Штакельберг; жена Браницкого обошлась с ним нелюбезно. Потемкин схватил свою племянницу за нос и подвел к Штакельбергу. Игнатия Потоцкого он назвал «Scelerat», Казимира-Нестора лгунишкой и другим нелестным именем³. Все боялись Потемкина. Так, например, до его при-

¹ «Русская Старина», XV, 20—23.

² Дневник Храповицкого, 30 мая 1787. «Le prince tient du borgne et du louche», — писал о нем принц де Линь. «Jeuves», II, 9. Segur, II, 76—77.

³ Костомаров. «Последние годы Речи Посполитой» в «Вестнике Европы», 1869, апрель, 622 и 623.

езда в Киев ходили кое-какие неблагоприятные слухи о его управлении; но лишь только он приехал, все начали раболепствовать перед всемогущим князем; один только Румянцев не скрывал своего нерасположения к нему и бесцеремонно высказывал свое мнение о недостатках Потемкина¹. Странности последнего, впрочем, как рассказывает Сегюр, не мешали ему и в Киеве, в тесном кругу знакомых и родственников, обнаруживать любезность, остроумие и способность беседовать о всевозможных предметах². К тому же он в это время серьезно занимался делами, переписывался с русским послом в Константинополе о восточном вопросе, беседовал с Сегюром об отношении Франции к Турции и находился в деятельных сношениях со множеством агентов, техников, поставщиков и приказчиков, работавших над приготовлениями к дальнейшему путешествию Екатерины. Эти работы оказывались столь сложными, что Потемкин, ради окончания их, старался удержать императрицу в Киеве как можно дольше³, чтобы выиграть время для приготовления блестящего приема.

Из Киева Потемкин ездил в местечко Фастово для свидания с польским королем, причем последний жаловался Потемкину на Браницкого⁴. Говорили далее о преобразованиях Потемкина в Южной России, о его проектах учредить университет и музыкальную консерваторию в Екатеринославе и проч. Долго беседовал Потемкин с епископом Нарушевичем. С королем Потемкин говорил о Польше, о партиях в этой стране, о готовности императрицы, насколько это было возможно, исполнить желание короля. Через Штакельберга, бывшего с Потемкиным, Станислав-Август узнал, что Потемкин желал сделаться польским вельможей и что для этой цели он купил громадное имение Смела. Наконец Потемкин коснулся еще бо-

¹Segur, III, 70.

²Там же, 79.

³Дневник Храповицкого, 4 апреля 1787 г.

⁴Польский историк Ксаверий Лиске сообщает некоторые подробности об этом свидании в статье «Beitrag z Gesch. d. Kaniower Zusammen-kunft 1787» в «Russische Revue», IV, 483—494.

гословских вопросов, говоря об унии, причем обнаружил некоторые познания в области церковной истории.

Свидание Потемкина с королем происходило в марте; в конце апреля состоялось свидание Станислава-Августа с императрицей в Каневе. Потемкин играл при этом первенствующую роль. Так, например, после торжественного обеда, происходившего на галере «Десна», король в сопровождении Потемкина делал визиты русским сановникам и генералам под именем графа Понятовского. В присутствии Потемкина происходил крупный разговор между королем и Браницким. Потемкина король просил уговорить императрицу остаться несколько дольше в Каневе и отобедать у него¹.

Екатерина не желала исполнить просьбы короля и в двух записках к Потемкину, писанных, очевидно, после обеда, объясняла князю, почему ей нужно, не теряя времени, продолжать путь. Очевидно, Потемкин серьезно стоял за исполнение желания короля, и в одной из записок императрицы к князю сказано в несколько резком тоне: «Когда я что определяю, тогда обыкновенно бывает то не на ветру, как в Польше часто случалось; итак, еду завтра, как назначала, а ему желаю всякого благополучия... Право, батенька, скучно». В другой записке ее говорится: «Пожалуй, дай ему (гостю) учтивым образом чувствовать, что перемену делать в моем путешествии возможности нет»².

Когда вечером, после беседы в каюте императрицы, она дала почувствовать королю, что пора расставаться, Станислав-Август шепотом сказал Потемкину: «Есть ли надежда, что можно остаться далее?» Потемкин отвечал: «Нет». Вслед затем он ввел короля в особый кабинет, где Екатерина простилась с ним. Де Линь за тем рассказывал королю, что Потемкин говорил императрице: «Вы меня компрометировали перед королем и всей Польшей, столько сокращая свидание»³. В свою очередь, импе-

¹См. подробности у Лиске, 496—497.

²«Сб. Исторического общества», XXVII, 407—408. В другой записке к Потемкину, 25 апреля, сказано: «Я на тебя сержусь: ты сегодня ужасно как неловок» («Русская Старина», XVI, 239).

³Лиске, 498. Рассказ самого короля.

ратрица жаловалась на Потемкина, заметив на другое утро: «Князь Потемкин ни слова не говорил; принуждена была говорить беспрестанно; язык засох; почти осердили, прося остаться; король торговался на три, на два дня или хотя для обеда на другой день»¹.

Если вообще рассказ о замечании Потемкина, что Екатерина «компрометировала его перед королем и Польшей», заслуживает доверия, то нельзя не заметить, что желание Потемкина угодить королю легко могло находиться в связи с некоторыми честолюбивыми замыслами его в отношении к Польше. Такое предположение подтверждается и рассказом принца де Линя, будто он сам был свидетелем, как Потемкин делал выговор Браницкому за его образ действий в отношении к королю, причем раздражение князя дошло до того, что он едва не прибил Браницкого².

Король и Потемкин остались взаимно довольными друг другом. Может быть даже, что этому выгодному впечатлению, произведенному Станиславом-Августом на Потемкина, должно приписывать то обстоятельство, что король еще несколько лет оставался на престоле³. Существует рассказ, будто король предлагал Потемкину обратить его поместья, находившиеся в Польше, в особое владетельное княжество, зависимое от польской короны, подобно Курляндии, однако князь отклонил от себя это предложение⁴; но это не согласуется с воззрениями короля на события этого времени. Станислав-Август с трепетом взирал на опасность, грозившую ему в случае занятия Потемкиным какого-либо политического поста в Польше. Около этого времени ходили даже разные слухи об обширных интригах Потемкина в отношении к Польше. Завадовский 8 марта 1787 года писал к А.Р. Воронцову: «Граф А.А. (т.е. Безбородко) пишет ко мне, что Штакельберг, обще с Браницким и Потоцким, находящи-

¹ Дневник Храповицкого, 26 апреля 1787 г.

² Лиске, 499.

³ Castera, II, 125. То же писал Фиц Герберт в Англию, см. дневник Храповицкого, 16 марта 1787 г.

⁴ Лиске, 485.

мися в Киеве, интригу открыл свою против короля польского, считая на помощь князя Потемкина»¹.

Несмотря на разногласие между Потемкиным и Екатериной по вопросу о дальнейшем пребывании путешественников в Каневе, несмотря на слухи о нерасположении Екатерины к князю, мы не имеем основания думать, что императрица была недовольна князем. Она, напротив, была в восхищении от приготовлений Потемкина к дальнейшему путешествию. Недаром Гарновский писал Попову после того, как Екатерина со всей свитой уехала из Киева: «Со времени отъезда ее императорского величества из Киева не только все неприятные о его светлости слухи вдруг умолкли, но и все говорят теперь о его светлости весьма громко»².

Меры, принятые Потемкиным для путешествия по Днепру, удивляли и Екатерину, и ее спутников. Галеры были построены в римском вкусе и отличались огромными размерами и богатством убранства. На особенно большой галере «Десна» находилась огромная столовая, в которой императрица давала большие обеды. На галерах находилось около 3000 человек. Очень величественный вид имела флотилия, окруженная со всех сторон шлюпками и челноками.

В некоторых особенно живописных местах путешественники осматривали берега, на которых почти всегда толпился народ. Стреляли из пушек. Происходили маневры казаков. Екатерина наслаждалась прекрасной весенней погодой, хвалила благоуханный воздух, теплый климат, сожалела, что не на берегах Днепра построен Петербург, и проч. По распоряжению Потемкина многие скалы на Днепре были взорваны порохом для большей безопасности плавания. Тем не менее путешествие было несколько медленнее, чем ожидали. Екатерина в своих письмах к Павлу Петровичу и Марии Федоровне, Сегюр и принц де Линь в своих мемуарах и донесениях говорили о затруднениях и даже опасностях, с которыми приходилось бороться во время плавания по Днепру. Нигде, однако, не говорится о каких бы

¹ «Архив кн. Воронцова», XII, 38.

² «Русская Старина», XV, 23.

то ни было неприятностях для Потемкина, вследствие не совсем удачного плавания.

В Кременчуге, куда путешественники приехали через несколько дней, началось полное торжество Потемкина, с давних пор готовившегося с особенным великолепием приветствовать Екатерину во вверенном ему наместничестве. Для императрицы было приготовлено весьма удобное помещение с прекрасным садом. Екатерина была очень довольна. Зная об интригах недоброжелателей князя, она со своей стороны делала все возможное для распространения более выгодного мнения о Потемкине. В письмах к разным лицам она горячо хвалила Потемкина, особенно за приведение в надлежащее состояние войска.

В 1786 году была укомплектована армия. Некоторые из лучших полков находились в Кременчуге и очень понравились Екатерине, которой, таким образом, представился удобный случай полемизировать против недоброжелателей Потемкина. Так, например, она писала Еропкину: «Здесь нашла я треть конницы, той, про которую некоторые незнающие люди твердили доньше, будто она лишь исчисляется на бумаге, а в самом деле ее нет, однако же она действительно налицо и такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало, в чем прошу, рассказав любопытным, сослаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду и отдавали справедливость усердию ко мне и империи в сем деле служащим»¹. В другом письме, к Салтыкову, говорится: «Здесь я нашла три легкоконных полка, про которых покойный Панин и многие иные старушонки говорили, что они только на бумаге, но вчера я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные»².

Различие между Киевом и Кременчугом, т.е. между наместничествами графа Румянцева и князя Потемкина, бросалось в глаза. Сегюр, хваля успехи административной деятельности Потемкина, замечает, что Екатерина сказала князю: «До самого

¹ «Сочинения Екатерины», изд. Смирдина, III, 342.

² «Русский архив», 1864, 966. См. замечание об этих легкоконных полках в записках кн. Ю.В. Долгорукого в «Русской Старине», 1889, LXIII, 509 и 510.

Киева я могла думать, что механизм администрации в моей империи испорчен; здесь же я нахожу, что он действует с полной силой»¹. В письме к Гримму императрица хвалила прекрасный дом, в котором поместил ее Потемкин. «Кременчуг, — писала она, — прелестнейшая местность, какую мне случалось видеть; здесь все приятно. Мы нашли здесь расположенных в лагере 15 000 человек превосходнейшего войска, какое только можно встретить», и проч.² В таких же восторженных выражениях Екатерина сообщала о своем пребывании в Кременчуге Марии Федоровне и другим лицам³. Особенного внимания заслуживает следующее замечание в одном из писем к Салтыкову: «В Кременчуге нам всем весьма понравилось, наипаче после Киева, который между нами ни единого не получил партизана, и если бы я знала, что Кременчуг таков, как я его нашла, я бы давно переехала. Чтобы видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала князя Потемкина, надлежит приехать в его губернии, где все части устроены как возможно лучше и порядочнее; войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оные хвалят неложно; города строятся; недоимок нет. В трех же малороссийских губерниях, оттого что ничему не дадено движения, недоимки простираются до миллиона, города мерзкие и ничто не делается»⁴.

Вскоре после пребывания в Кременчуге Екатерина должна была встретиться с императором Иосифом II. Мы не знаем, справедливо ли замечание Гельбига, что не только императрица пригласила Иосифа к участию в путешествии по Южной России, но что и Потемкин неоднократно писал к императору об этом свидании⁵. Во всяком случае, князь в ту минуту, когда Екатерина встретила с Иосифом II на берегу Днепра, играл довольно важную роль. Рассказывая в письме к барону Гримму

¹ Segur. «Memoires», III, 134.

² «Сб. Исторического общества», XXII, 408—409.

³ Там же, 95, и «Русский архив», 1867, 1235.

⁴ «Русский архив», 1864, стр. 966.

⁵ «Minerva», 1798, II, 314.

об этой встрече с Иосифом, Екатерина шутила о странном положении, в котором очутились оба коронованные лица: «Он (Иосиф) рассчитывал обедать у меня; я же рассчитывала найти обед у фельдмаршала князя Потемкина; а сей последний вздумал поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку нового города. Мы нашли (в Кайдаках) князя Потемкина, только что возвратившегося из своей поездки, и обед не оказался. Но так как нужда делает людей изобретательными, то князь Потемкин затеял сам пойти в повара, принц Нассау в поваренки, генерал Браницкий в пирожники, — и вот их величествам никогда еще, с самого дня их коронаций, не случалось иметь столь блистательной прислуги и столь плохого обеда», и проч.¹

На другой день путешественники присутствовали при закладке храма в городе Екатеринославе. Ко времени прибытия императрицы на место постройки города по гигантским планам Потемкина, князем в Берлине была заказана статуя императрицы, которая, однако, не была готова в мае 1787 года². Когда Екатерина, сопровождаемая Иосифом II, приехала 8 мая к этому месту, оно, как пишет Самойлов, «уже имело вид приятного обиталища»³. В походной церкви, т.е. в шатре, раскинутом на берегу Днепра, отслужили молебен, а затем происходила закладка собора. Храм этот должен был походять на храм св. Петра в Риме. Мелочность честолюбия Потемкина доходила до того, что он приказал архитектору «пустить на аршинчик длиннее, чем собор в Риме»⁴. Иосиф II и Сегюр не без основания скептически относились к будущности Екатеринослава и в беседе между собой смеялись над честолюбием Потемкина. Скоро после закладки храма постройка его была приостановлена. Гораздо позже была построена на том месте, где предполагалось строить громадный собор, церковь в до-

¹ «Сб. Исторического общества», XXIII, 410; Segur, III, 138.

² «Сб. Исторического общества», XIII, стр. XIX.

³ «Русский архив», 1867, 1232.

⁴ Там же, 1865, 870.

вольно скромных размерах; фундамент проектированного собора, на который было истрачено более 70 000 рублей, в настоящее время составляет ее ограду. В музее Общества истории и древностей в Одессе до сих пор хранятся великолепные планы и рисунки колоссального проекта Потемкина. Однако в 1787 году Екатерина, как кажется, вполне разделяла оптимизм своего друга и сотрудника. На пути в Херсон она писала Еропкину: «Хорошо видеть сии места своими глазами; здесь все делается и успеваает... польза окажется со временем... здешние жители все без изъятия имеют вид свежий и здоровее, нежели киевские, и кажутся работающее и живее. Все эти примечания и рассуждения пишу к вам нарочно, дабы вы, зная оные, могли кстати и ко времени употребить сущую истину к опровержению предубеждений, сильно действующих иногда в умах людских. Все вышеописанное оспаривать может лишь слабость, либо страсть или неведение»¹.

В Херсон Екатерина приехала в великолепной колеснице, в которой сидела с Иосифом II и Потемкиным. Херсон удивил даже иностранцев, бывших в свите Екатерины. Крепость почти совершенно оконченная, большие казармы, адмиралтейство с богатыми магазинами, арсенал со множеством пушек, два линейных корабля и один фрегат, совершенно готовые на верфях, казенные здания, несколько церквей, частные дома, лавки, купеческие корабли в порту — все это свидетельствовало о неутомимой и успешной деятельности Потемкина². Тогда думали, что Херсон делается вторым Амстердамом³. Даже Иосиф II, весьма недоверчиво относившийся к реформам и проектам Потемкина и Екатерины, заметил о Херсоне: «Cela a l'air de quelque chose»⁴. В письме Екатерины к Салтыкову сказано между прочим: «Мы с удивлением и с немалым удовольствием увидели, что здесь сотворено... Степи обещают везде изобилие... где

¹ «Соч. Екатерины», III, 344—345.

² См. рассказы Сегюра, Самойлова и проч.

³ Колотов. «История Екатерины», III, 131.

⁴ Arneth. «Joseph II und Katharina», 359.

сажают, тут принимается и растет... Прошу вспомнить, что шесть лет назад не было ничего... Крепость не в пример лучше киевской... дома мещанские таковы, что и в Петербурге не испортият ни которую улицу; казармы гораздо лучше гвардейских»¹. Еще подробнее хвалила Екатерина в письме к Еропкину все виденное ею в Херсоне, заключая свой рассказ замечанием: «Я могу сказать, что мои намерения в сем крае приведены до такой степени, что нельзя оных оставить без дополнительной хвалы; усердное попечение везде видно, и люди к тому избраны способные»². В этом же тоне Екатерина писала к великим князьям Александру и Константину, к Марии Федоровне и проч.³ В письме к Гримму сказано между прочим, после подробного изложения всего того, что Екатерина видела в Херсоне: «Словом, благодаря попечениям князя Потемкина, этот город и этот край, где при заключении мира не было ни одной хижины, сделались цветущим городом и краем, и их процветание будет возрастать из года в год»⁴.

Также и английский дипломат Фиц Герберт, сопровождавший Екатерину, писал из Херсона: «По-видимому, императрица чрезвычайно довольна положением этих губерний, благосостояние которых действительно удивительно, ибо не далее как несколько лет тому назад здесь была совершенная пустыня. Князь Потемкин, — сказано, впрочем, далее в этом письме, — конечно, позаботился о том, чтобы представить все с наилучшей стороны»⁵. О несколько мелочном тщеславии Потемкина при церемонии спуска кораблей в Херсоне пишет очевидец, немецкий врач Дримпельман: «Государыня явилась запросто, в своем суконном капоте, с черной атласной шапочкой на голове. Граф Фалькенштейн также одет был в простом фраке. Князь Потем-

¹ «Русский архив», 1864, 969.

² «Соч. Екатерины», изд. Смирдина, III, 346—347.

³ Письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковым. СПб., 1873, 44. «Сб. Исторического общества», XXVII, 408 и XV, 108 и 110.

⁴ «Сб. Исторического общества», XXIII, 410—411.

⁵ Там же, XXVI, 183—184.

кин, напротив, блистал в богато вышитом золотом мундире со всеми орденами», и проч.¹

Иосифу и другим спутникам Екатерины Херсон понравился далеко не в такой мере, как самой императрице. Император, побывав в Херсоне еще до встречи с Екатериной и тщательно осмотрев фортификационные работы и проч., находил, что много здесь недоставало и военная администрация была далеко не совершенна; достойны внимания также его замечания о непрочности кораблей, построенных из сырого леса, о неудачном выборе места для постройки города и проч.² В этом же скептическом и строго критическом тоне говорит о деятельности Потемкина в Херсоне и граф Сегюр, который откровенно сообщил свое мнение самому князю³.

После пятидневного пребывания в Херсоне путешественники отправились в Крым через Кизикермен и Перекоп. Сооружая этот путь, Потемкин предписывал: «Дорогу от Кизикермена до Перекопа сделать богатой рукой, чтобы не уступала римским; я назову ее Екатерининский путь»⁴. В Крыму весьма эффектным эпизодом было окружение императрицы многочисленными депутациями от татар, кабардинцев и прочих. Этими манифестациями, устроенными Потемкиным, он хотел убедить Екатерину в расположении татар к России, между тем как современники считали татар весьма склонными освободиться от нового правительства⁵.

Крым произвел глубокое впечатление на императрицу, отдавшую и при этом случае Потемкину, как главному виновнику приобретения полуострова, полную справедливость. Из Бахчисарая она писала Еропкину: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничтожением бесславили приобретение сего края» и проч. В заключение сказано: «С сими мыслями и с

¹ «Русский архив», 1881, I, 40—43.

² Arneth. «Joseph II und Katharina», 355—359.

³ Segur. Memoires, III, 143—144.

⁴ Надеждина. Биография Потемкина в «Одесском альманахе», 1869, 61.

⁵ Arneth, 348.

немалым утешением ложусь спать сегодня, видя собственными глазами, что я не причинила вреда, но величайшую пользу империи»¹. И в письмах к Гримму, к Марии Федоровне и прочим Екатерина хвалила Тавриду. В беседе с разными лицами, ее окружавшими, она сказала между прочим: «Приобретение сие важно; предки дорого заплатили бы за то, но есть люди мнения противного, которые жалеют о бородах, при Петре I выбритых», и проч.² Без сомнения, Потемкин сам старался внушить императрице оптимистический взгляд, расходившийся с пессимизмом или скептицизмом Иосифа II, Сегюра и других спутников Екатерины.

Потемкин был, так сказать, героем путешествия императрицы. Недаром она в Бахчисарае прославляла Потемкина в стихах на французском языке. К слову сказать, императрица, хорошо писавшая в прозе, не отличалась стихотворным дарованием³. Потемкина хвалили за великолепный фейерверк, устроенный им в честь императрицы в Бахчисарае; кроме того, он удивил путешественников сооружением новой дороги до Инкермана через горы и вдоль по реке Каче⁴.

В Инкермане, где также был построен дворец, во время обеда вдруг отдернули занавес, закрывавший вид с балкона, и таким образом, совершенно неожиданно для всех, открылся вид прекрасной Севастопольской гавани. На рейде стояло 3 корабля, 12 фрегатов, 20 мелких судов, 3 бомбардирские лодки и 2 брандера. Открылась пальба из всех пушек. Это зрелище было чуть ли не самым эффектным моментом из всего путешествия Екатерины. Оно произвело на всех глубокое впечатление.

После обеда императрица вместе с Иосифом II поехала в Севастополь в особой шлюпке, заранее заказанной Потемки-

¹ «Соч. Екатерины», III, 348.

² Дневник Храповицкого, 21 мая 1787 г.

³ См. «Записки Храповицкого, 23 и 28 мая 1787 года»; «Мемуары» Сегюра; «Русский архив» 1867, 1513; Письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковым, 147.

⁴ Pallas, II, 41.

ным в Константинополе и совершенно сходной с султанской¹. Даже Иосиф II был в восхищении от этой великолепной гавани и предвещал ей великую будущность. В его письме к Ласи сказано между прочим: «Императрица в восхищении от такого приращения сил России. Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и нельзя вообразить себе, как все за ним ухаживают»².

К барону Гримму Екатерина писала из Севастополя: «Здесь, где тому назад три года ничего не было, я нашла довольно красивый город и флотилию, довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость»³.

Для проезда Екатерины из Севастополя по Байдарской долине, тогда почти целиком принадлежавшей князю Потемкину⁴, была также сделана новая дорога. Чтобы показать путешественникам пару ангорских коз в одном из своих имений, Потемкин заставил их проехать туда горами по тяжелым дорогам, так что придворные экипажи были приведены в страшный беспорядок и путешественники не раньше как в час пополудни приехали в Бахчисарай⁵. Отдохнув здесь день, они через Акмечеть, нынешний Севастополь, где Потемкин успел устроить сад в английском вкусе и несколько домов, поехали в Карасубазар. В этом городе князь имел прекрасный дворец, окруженный садом с фонтанами и искусственным водопадом. Немного повыше был построен дворец для Екатерины. Сад, вечером освещенный великолепнейшим обра-

¹ См. поручение Потемкина Булгакову заказать шляпку, от 7 января 1787 года из Севастополя, в «Русском архиве», 1865, 413.

² Arneth, 363—364. Екатерина подарила Потемкину пальмовую ветвь, которую получила от гроссмейстера Мальтийского ордена. См. «Записки Одесского общества», IV, 265.

³ «Сборник исторического общества», XXIII, 412.

⁴ «Русский архив», 1867, 1571.

⁵ О неудовольствии Иосифа по этому поводу см. Арнета, 366.

зом, удивил всех своей красотой¹. Фейерверк состоял из 300 000 ракет, и проч.²

Внешний блеск путешествия, маневры войска и флота, дворцы, сады и прочее — все это не мешало современникам относиться скептически к административной деятельности Потемкина. В письмах императора Иосифа II к Ласи встречаются более или менее едкие замечания об упадке городов в Крыму, особенно же о печальном состоянии Кафы, куда путешественники поехали из Карасубазара, о неудовольствии татар, готовых отделиться от России, о многих случаях выселения из Крыма в другие места, об отчаянном положении иностранцев, поселившихся в последнее время в Южной России, и о разных крупных промахах Потемкина как администратора. Но при всем том нельзя было не удивляться тому, что Потемкин в короткое время успел сделать на юге. Принц де Линь, отчасти даже и Сегюр восхищались тем, что было создано им³. Из бесед Иосифа II с Сегюром видно, однако, что они не ожидали особенно прочных результатов от административной деятельности Потемкина. Иосиф II, например, говорил: «Я вижу во всем этом гораздо более эффекта, нежели внутренней цены. Князь Потемкин деятелен, но он гораздо лучше умеет начинать, нежели довершать. Впрочем, так как здесь никаким образом не щадят ни денег, ни людей, то все может казаться нетрудным. Мы, в Германии и во Франции, не смели бы предпринять того, что здесь делается. Владелец рабов приказывает; рабы работают; им вовсе не платят или платят мало; их кормят плохо; они не жалуются, и я знаю, что в продолжение трех лет в этих вновь приобретенных губерниях, вследствие утомления и вредного климата болотистых мест, умерло около 50 000 человек; никто не жаловался, никто даже не говорил об этом». В другой раз Иосиф заметил: «Вы видите, что здесь ни во что не ставят жизнь и труды человеческие; здесь строятся дороги, гавани,

¹Segur, III, 195.

²Arnoeth, 367.

³De Ligne Oeuvres, III, 43.

крепости, дворцы в болотах; разводятся леса в пустынях без платы рабочим, которые, не жалуясь, лишены всего, не имеют постели, часто страдают от голода». Сегюр отвечал: «Все здесь начинается, ничто не оканчивается. Князь Потемкин часто оставлял то, что только что было начато; ни один проект не составляется солидно; ни один не исполняется до конца. В Екатеринославе мы видели начало города, который не будет обитаем, начало церкви, в которой никогда не будет службы; место, избранное для Екатеринослава, безводное; Херсон окружен опасной болотистой атмосферой. В последние годы степи опустели хуже прежнего. Крым лишился двух третей своего прежнего населения. Город Кафа разорен и никогда не поднимется более. Один Севастополь — действительно великолепное место, но еще пройдет много времени, пока там будет порядочный город. Старались украсить все временно для императрицы. После отъезда ее все чудеса исчезнут¹. Я знаю Потемкина; его пьеса сыграна, занавес упал; князь займется теперь задачами или в Польше, или в Турции. Настоящая администрация, требующая постоянства, не согласуется с его характером». Иосиф II кончил беседу, назвав все путешествие «галлюцинацией»².

Как бы то ни было, путешествием императрицы Потемкин удивил современников, как видно, между прочим, из письма Гарновского к Попову в июле 1787 года: «Я сомневаюсь, чтобы кто более превозносил хвалами поход ее императорского величества в Тавриду, как Евграф Александрович Чертков. Сие преимущество отдаю я потому, что он льстить не умеет. Он, между

¹ На этот счет любопытно замечание в письме Гарновского к Попову: «Вейкардт писал к Либерику: «После отъезда государыни в Тавриду остались мы здесь (в Херсоне) как овцы без пастыря или как сироты без отца. Есть и пить нечего, купить нечего, да и кого об оном спросить — не знаем», и проч. «Русская Старина», XV, 27. Почти все дворцы, построенные по поводу путешествия Екатерины, исчезли. См. частности этого упадка тотчас после 1787 г. в соч. Арс. Маркевича стр. 59 и след.

² Segur. Mémoires, III, 149, 213—214. И в беседах с герцогом Ришелье Иосиф II смеялся над результатами деятельности Потемкина. См. «Сб. Исторического общества», LIV, 132.

прочим, рассказывал почти так: «Я был с его светлостью в Тавриде, в Херсоне и в Кременчуге месяца за два до приезда туда ее величества. Нигде там ничего не видно особенного; словом, я сожалел, что его светлость позвал туда ее императорское величество по-пустому. Приехав с государыней, Бог знает, что там за чудеса явились. Черт знает, откуда взялись строения, войска, людство, татарва, одетая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, Бог знает что... Какое изобилие в яствах, в напитках, — словом, во всем — ну, знаешь, так, что придумать нельзя, чтоб пересказать порядочно. Я тогда ходил как во сне, право, как сонный. Сам себе ни в чем не верил, щупал себя: я ли? где я? не мечту ли или не привидение ли вижу? Ну! надобно правду сказать: ему, ему только одному можно такие дела делать, и когда он успел все это сделать? Кажется, не видно было, чтоб он в Киеве занимался слишком делами... ну, подлинно удивил! Не духи ли какие-нибудь ему прислуживают»¹.

Любопытно также письмо Сегюра к Потемкину, писанное тотчас же после путешествия. Тут сказано, между прочим, по поводу заявления о намерении поехать во Францию: «Я там с восторгом опишу все те чудные картины, которые вы представили нашим взорам: коммерцию, завлеченную в Херсон, несмотря ни на зависть, ни на болота; флот, построенный в два лишь года каким-то чудом в Севастополе, ваш Бахчисарай, напоминающий «Тысячу и одну ночь», вашу Темпейскую долину²; ваши празднества, почти баснословные, как в Карасубазаре; ваш Екатеринослав, где вы собрали в три года более монументов, нежели иные столицы в три столетия; эти пороги, которые вы подчинили своей власти, в ущерб авторитетности историков, географов и журналистов, и ту гордую Полтаву, на полях которой вы отвечали подвигам своих семидесяти эскадронов на критики, которыми невежество да зависть клеветали на вашу администрацию и опытность вашей армии. Если мне не поверят — вы в том виноваты: зачем сотворили столь много чудес в столь

¹ «Русская Старина», XV, 33.

² Темпейской долиной одна английская путешественница назвала Байдарскую долину.

малое время и не гордились ими перед всеми, пока не показали нам их всех вдруг», и проч.¹

Из всего этого видно, что Потемкин одним казался чародеем, гениальным преобразователем, умеющим создавать из ничего города, села и проч., другие же видели в нем фокусника, шарлатана, обманщика. Гельбиг рассказывает, что большая часть селений, показанных на пути императрице, было не что иное, как театральная декорация²; благодаря полицейским распоряжениям толпа людей, пригнанных издалека, украшала всюду дорогу, чрез которую проезжала Екатерина; ей пять или шесть раз показывали одно и то же громадное стадо скота, которое по ночам гнали из места в место; Потемкин показывал ее богатые склады хлеба, в котором мешки были наполнены не пшеницею, а песком; базары на пути императрицы были также не чем иным, как искусственным драматическим представлением; великолепные сады в Кременчуге и других городах тотчас же после краткого пребывания там Екатерины были запущены, превратились опять в голую степь, и проч. Принц де Линь, участвовавший в этом путешествии, называет рассказ о театральных декорациях, представляющих села и деревни, нелепою баснею, но говорит, что действительно на пути встречались «города без улиц, улицы без домов, дома без крыш, без дверей и без окон»; императрице показывали лишь казенные помещения; она не прогуливалась пешком и поэтому видела меньше, чем некоторые из ее спутников³. Такое же мнение об административной деятельности Потемкина высказывал тогда князь М.М. Щербатов в одном из своих сочинений, ходивших по рукам в последнее время царствования Екатерины. По поводу путешествия ее он заметил довольно резко: «Монархиня видела и

¹ «Записки Одесского общества», IX, 230. Число 24 апреля 1787 г. неверно; должно быть 24 августа. Представление Сегуровой трагедии «Кориолан», о котором говорится в этом письме, происходило 17 августа 1787 г. (см. Дневник Храповицкого).

² «Die Hauser und Kirchthurme waren nur auf Bretten gemalt». «Minerva», 1798, XI, 300 и след.

³ См. письмо его из Тулы на обратном пути, «Oeuvres», II, 49.

не видала, и засвидетельствование и похвалы ее суть тщетны, самым действием научающие монархов не хвалить того, чего совершенно сами не знают»¹.

Расставшись с Потемкиным в Харькове, она пожаловала ему название «Таврического»². Кроме того, он получил в подарок 100 000 рублей «за труды и старание в доставлении продовольствия войскам, с выгодой и сбережением казны»³. Важнейшую же наградой были письма Екатерины к Потемкину, писанные тотчас же после ее пребывания в Южной России. Так, например, она писала ему 25 июня 1787 года из села Коломенского: «Мы здесь чванимся ездой и Тавридой и тамошними генерал-губернаторскими распоряжениями, кои добры без конца и во всех частях». Из Твери 6 июня: «Твои чувства и мысли тем наипаче милы мне, что я тебя и службу твою, исходящую из чистого усердия, весьма, весьма люблю». В другом письме: «Слава Богу, что ты здоров, пожалуй поберегись... Бог с тобою... я здорова. Котенок твой доехал со мною здорово же... Мы без тебя во всей дороге, а наипаче на Москве как без рук... При великих жарах, кои у вас на полдень, прошу тебя всепокорно: сотвори милость, побереги свое здоровье, ради Бога и ради нас; и будь столь доволен мною, как я тобою». 13 июля из Царского Села: «Третьего дня окончили мы свое 6000-верстное путешествие, приехав на сию станцию в совершенном здоровье, а с того часа упражняемся в рассказах о прелестном положении места вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении, попечении и порядке, вами устроенном повсюду. Итак, друг мой, разговоры наши почти непрестанные замыкают в себе либо прямо, либо с боку твое имя, либо твою работу. Пожалуй, пожалуй, пожалуй будь здоров и приезжай к нам безвреден, а я, как всегда, к тебе и дружна, и доброжелательна». 27 июня: «Между тобою и мною, мой друг, дело в кратких словах: ты мне служишь, а я признательна, вот и все тут; врагам своим

¹ «Чтения Московского общества истории и древностей», 1860, I, 80.

² «Записки Одесского общества», VIII, 222.

³ «Сб. Исторического общества», XXVII, 413.

ты ударил по пальцам усердием ко мне и ревностью к делам империи»¹.

17 июля Потемкин писал из Кременчуга: «Матушка государыня! Я получил ваше милостивое письмо из Твери. Сколь мне чувствительны оного изъяснения, то Богу известно. Ты мне паче родной матери, ибо попечение твое о благосостоянии моем есть движение, по избранию учиненное. Тут не слепой жребий. Сколько я тебе должен, сколь много ты сделала мне отличностей; как далеко ты простерла свои милости на принадлежащих мне, но всего больше, что никогда злоба и зависть не могли мне причинить у тебя зла и все коварства не могли иметь успеха. Вот что редко на свете: непоколебимость такого степеня (sic) тебе одной предоставлена. Здешний край не забудет своего счастья. Он тебя зрит присно у себя, ибо почитает себя твоею вотчиною и крепко надеется на твою милость... Прости, моя благотворительница и мать; дай Боже мне возможность доказать всему свету, сколько я тебе обязан, будучи по смерти вернейший раб», и проч.² Между бумагами императрицы найден проект надписи на медали, которая должна была увенчать память о путешествии. Из тридцати восьми различных надписей Екатерина выбрала слова «Путь на пользу». Эта надпись находится на медали, вырезанной в 1787 году³. Екатерина была довольна своим путешествием; она считала деятельность Потемкина полезною.

Но эта деятельность Потемкина на юге, в связи с путешествием Екатерины, подала повод к новому столкновению России с Турцией. Во время путешествия Екатерины Потемкин был декоратором, чичероне и *maitre de plaisir*. Теперь он должен был действовать в качестве полководца.

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 415—419.

² «Русская Старина», XII, 699—700.

³ См. Segur, «Memoires», III. См. также письма Екатерины к Гриму в «Сб. Исторического общества», XXI, 411, 412.

ГЛАВА VI

Начало турецкой войны

Путешествие Екатерины, имевшее целью контроль деятельности князя Потемкина, легко могло получить характер политической демонстрации. То, что самим путешествовавшим казалось *partie de plaisir* колоссальных размеров, в глазах Западной Европы могло служить выражением наступательной политики России. Во время путешествия на юг были сосредоточены различные отряды войск. Кроме того, громадное скопление там же значительных военных припасов и снарядов могло быть принято за демонстрацию против Оттоманской Порты и ее защитников¹.

Душой этой политической демонстрации был Потемкин. Он, как мы видели, в продолжение десяти лет главным образом занимался восточным вопросом; он был виновником присоединения Крымского полуострова к России; о нем за границей в 1786 году рассказывали, что он сделается королем Тавриды²; он во время путешествия Екатерины стоял на первом плане, показывая императрице и Иосифу II построенный им флот, сооруженные им гавани, приготовленные им войска; он в то же время

¹См. появившуюся немного позже брошюру Вольнея (Volney), «*Considerations sur la guerre actuelle*», 13.

²См. письмо Сожи (Saugy) к С.Р. Воронцову из Швальбаха от 29 июля 1886 г. в «Архиве кн. Воронцова», XXVII, 189.

переписывался с русским послом в Константинополе Булгаковым, и проч. Не без основания современники считали вероятным, что инструкции, данные Потемкиным Булгакову, повели к войне.

Потемкин пользовался безусловным доверием императрицы. В ее секретнейшем рескрипте к нему от 16 октября 1786 года сказано, что война с Портой в ближайшем будущем неминуема, и далее прибавлено: «С особенным удовольствием приемлем мы план, вами начертанный... вверив вам главное начальство над армией, даем вам полную власть и разрешение распространить все поиски, кои к пользе дела и к славе оружия нашего служить могут. Посланник наш, Булгаков, имеет уже от нас повеление посылать дубликаты своих донесений к вам и предписания ваши по службе нашей исполнять. Мы дали ему знать, что, как скоро получит от нас уведомление о выезде из Царьграда, должен предъявить Порте причины тому и требовать безопасного отъезда»¹. 13 декабря 1786 года Потемкин сообщил Булгакову выписку из этого повеления, указывая на вверенную ему власть «начинать военные действия»². Через Булгакова Потемкин грозил Порте немедленным разрывом, самыми решительными действиями.

Хотя другие сотрудники Екатерины не могли знать о широком плане Потемкина объявить Порте войну по своему усмотрению, они все-таки видели в нем виновника предстоявшей войны. Сегюр во время путешествия приставал к Безбородке с требованием объяснить ему положение дел и, главным образом, сказать, действует ли Булгаков сообразно с данными ему инструкциями или руководствуется ли он собственными соображениями. Сегюру дали почувствовать, что Булгаков действовал отчасти по внушениям Потемкина, расположенного к войне. Сегюр рассказывает даже в своих «Записках», будто Екатерина в беседе с ним упрекала Потемкина в чрезмерной горячности³. Потемкин же в своих

¹ См. мою статью «Разрыв между Россией и Турцией в 1787 году» в «Журнале Министерства народного просвещения», CLXVIII, отд. 2, 138.

² «Сб. Исторического общества», XLVII, 191—192.

³ Segur. «Memoires», III, 293.

разговорах с Сегюром резко обвинял Францию в том, что эта держава поддерживала варваров-турок, и говорил о необходимости определить для Турции более удобные границы ради избежания дальнейших столкновений. «Я понимаю, — возразил Сегюр, — вы хотите занять Очаков и Аккерман — это почти то же самое, что требовать Константинополя; это значит объявить войну с целью сохранения мира». Далее Потемкин выразил желание сделать господарей молдавского и валахского независимыми¹.

Нельзя удивляться после этого тому, что Сегюр, когда наконец дело дошло до войны, считал князя Потемкина главным виновником разрыва. Потемкин на обратном пути в Петербург расстался с путешественниками и отправился на юг, как бы для принятия мер на случай войны². Значительное количество войск находилось уже около турецких границ. Понятно, что Потемкин и Булгаков рассчитывали на это обстоятельство, могли увлечься и чрезмерными требованиями заставить Порту объявить войну. В Херсоне во время путешествия находился Булгаков; туда же приехал из Константинополя австрийский дипломат Герберт; современники придавали большое значение переговорам, происходившим в Херсоне, но весьма лишь немногие лица могли иметь сведения о том, что было решено в этом месте. Недаром Сегюр жаловался, что в России все происходило в глубокой тайне и разве только Екатерина, Безбородко и Потемкин знали положение дел. В то время как Безбородко уверял графа Сегюра в том, что Россия желает сохранить мир, Булгаков грозил туркам вторжением в пределы Турции 60 000 войска под начальством князя Потемкина.

При всем том нельзя утверждать, чтобы Потемкин, воспользовавшись путешествием императрицы, старался во что бы то ни стало внушить ей желание тотчас же начать войну. И сама Екатерина не желала своим появлением на берегах Черного моря подать повод к разрыву с Портой. Тем не менее именно это путешествие Екатерины и образ действий Потемкина в это вре-

¹Segur. «Memoires», III, 106.

²Там же, 223.

мя содействовали объявлению турками войны. Этот кризис мог сделаться роковым для князя.

Потемкин преобразовал войско, строил военные корабли, арсеналы, верфи, магазины, гавани. Екатерина была весьма довольна тем, что успела осмотреть во время своего пребывания в наместничестве князя. Теперь Потемкин должен был доказать на деле, что его деятельность не была тщетной, что все слухи о ничтожности результатов его администрации были лишены основания.

К лицам, скептически относящимся к деятельности Потемкина, как мы видели выше, принадлежал император Иосиф II. В его письмах к фельдмаршалу Ласи встречаются весьма подробные указания на вооруженные силы России. Он был крайне недоволен и постоянно повторял, что внешнему блеску армии и флота не соответствовала внутренняя прочность и сила. Войско было одето в новые и весьма изящные мундиры, но у конницы, например, сабли были негодны. Одежду солдат Иосиф находил несоответствующей условиям климата, отчего они заболели часто лихорадкой. Больных было вообще весьма много, а лазаретная часть страдала от многих недостатков. При страшной дороговизне на юге офицеры нуждались в существенном и иногда терпели голод, а солдаты ходили без рубах. Лошади, не находившие достаточного корма, походили на тощих кляч. Комплект полков был далеко не полный. Всего войска в распоряжении Потемкина считалось на бумаге 100 000 человек; на деле же, как полагал Иосиф, было не более 40 000, из которых многие хворали, а другие были заняты разными работами на стройках. Так, например, во время путешествия императрицы не успели собрать надлежащее число лошадей для продвижения галер по Днепру; несколько сотен солдат с утра до вечера, находясь в воде, тянули эти галеры, что сильно поразило Иосифа. Состояние крепостей также казалось Иосифу весьма неудовлетворительным. Он находил, что стены Херсонской крепости были сделаны из песка, готового каждую минуту рассыпаться. «К приезду Ее, — писал Иосиф, — хотели стрелять из пушек, находившихся на крепостном валу, но опасались, что от грома их может обрушиться вал». При постройке были сделаны, по мне-

нию императора, большие ошибки. У Кинбурнской крепости он также находил профили слишком низкими. Числу пушек не соответствовало количество снарядов. Опыты над бомбами и брандскугелями, сделанные в присутствии императора, не удавались. О военных кораблях Иосиф писал, что материал, из которого они построены, никуда не годится. Матросы ему казались неопытными: это были обыкновенные рекруты, переименованные в матросов; они должны были лазить по мачтам и такелажу, часто падали, ломали себе руки и ноги, и проч. Далее Иосиф находил, что калмыки стреляли довольно плохо. Ему казалось, что гренадерские полки были созданы лишь для того, чтобы раздать новые офицерские места людям, которым Потемкин хотел оказать милость¹.

В этом же духе отзывались и другие современники, иностранцы и русские. Сиверс в апреле 1787 года считал войну почти невозможной, потому что, по его мнению, Россия вовсе не была к ней подготовлена. При этом Сиверс выразил надежду, что по крайней мере граф Румянцев откроет императрице глаза относительно печального состояния военной администрации². Саксонский дипломат Гельбиг, сообщая в донесении своему правительству о русской армии, заметил, что численность ее на бумаге сильно преувеличена и смертность в войсках ужасна; такие же данные встречаются в донесениях прусского дипломата Келлера³. Французского дипломата Сегюра забавляли выходки шута Потемкина, Моссе, смеявшегося над бедственным состоянием России в начале войны и указывавшего на пустоту в казне, на неполноту состава армии и на то, что война не имеет другой цели, кроме доставления Потемкину Георгиевской ленты⁴. С различных сторон старались доказать императрице, что в интересах России необходимо было желать сохранения

¹Arneth. «Joseph II u. Katharina». Приложение.

²Blum. «Ein russ. Staatsmann», II, 482.

³Herrmann. «Gesch. d. russ. Staats», VI, 155, 156. Также многие данные в соч. Гельбига о Потемкине, «Minerva», 1798, I, 546, II, 488, 493 и проч.

⁴Segur, III, 456.

мира, что Потемкин представлял средства России в слишком выгодном свете¹.

Особенно резко осуждал князь Щербатов образ действий Потемкина. Говоря о неудачных операциях в начале войны, о медленности военных действий, он замечает: «Потемкин, человек, носящий на себе особливо милость и доверенность монаршую, могущий все, что захочет, генерал-губернатор к турецким границам прилегающих губерний и президент военных коллегий, поскакал на турецкие границы. При таких обстоятельствах кто бы не подумал, чтобы князь Потемкин, при первом открытии войны, не вступил в неприятельские области, чтобы флот наш, который в Севастопольском порту показывали государыне и германскому императору, не выступил в море и не пошел бы прямо к Константинополю или, по крайней мере, к Синопу и не опустошал бы области турецкие... Чего не хватало? Пять лет мы готовились к войне; войска были отовсюду собраны, артиллерия привезена, флот готов, все показано монархине, все она похвалила... Стекались, кажется, случаи для обвинения пышного начальника», и проч.² Щербатов, на указанных основаниях, приходит к заключению, что Потемкин должен был или позаботиться о приведении в надлежащее состояние войска и флота, или же не начинать войны с Портой.

И правда, оказалось, что средства Потемкина во время войны были недостаточны. Медленность и незначительность успехов в первый год борьбы современники не без основания объясняли тем, что князь, несмотря на громадные суммы, истраченные им на войско и флот, не вполне был приготовлен к войне. Сравнительно скромные успехи не соответствовали внешнему блеску армии и флота, чрезвычайно понравившихся императрице. Потемкин обвинялся в небрежности, беспечности, даже в трусости, а его неумению вести дело приписывались неудачи первого времени войны, особенно же медлительность в важнейшей операции — осаде Очакова.

Подробное изложение деятельности Потемкина в области

¹ Негтманн, VI, 164. Донесение Гельбига.

² «Чтения Московского общества», 1860, 78—80.

дипломатии по случаю разрыва России с Турцией в 1787 году и в качестве полководца во время войны до 1791 года выходило бы из рамок нашего сочинения. Мы ограничиваемся указанием на некоторые характерные черты этих важных событий для освещения нрава Потемкина и места, занимаемого им в истории этой эпохи. И в этом случае, как и в других главах нашего очерка, мы будем обращать главное внимание на отношения Потемкина к Екатерине.

Ко времени разрыва между Россией и Турцией относится множество писем Екатерины к Потемкину. Из них видно, в какой мере императрица стояла выше князя по силе воли и умственным способностям. Порой Потемкин, в первое время войны, падал духом, унывал, обнаруживал малодушие. Екатерина старалась ободрить его, наставляла, руководила его действиями. Во все это время князь пользовался полным доверием императрицы, между тем как почти все современники, более или менее знакомые с ходом дел, порицали его образ действий и считали его виновником неудач в войне.

Скоро после того, как Екатерина после пребывания на юге рассталась с Потемкиным на пути в столицу, она узнала о разных действиях Порты, готовой объявить войну России. Тогда она написала Потемкину, указывая, между прочим, на события в Турции: «Против этого всякие слабые меры действительны быть не могут; тут не слова, а действия нужны, нужно, чтобы сохранить честь, славу и пользу государя и государства»¹.

Екатерина, основываясь на данных, сообщенных ей Потемкиным, считала Россию хорошо для войны приготовленной и заметила в беседе с Храповицким (1 сентября), что «в две недели все войска могут быть на своих местах»². При всем том императрица, однако, сильно беспокоилась. 3 сентября она плакала, жалуясь на «отлучку князя» и замечая, что «в течение тринадцати лет сделала привычку обо всем обстоятельно говорить и советоваться» с Потемкиным. «Что меня более тре-

¹«Сб. Исторического общества», XXVII, 421.

²Дневник Храповицкого, 1 и 2 сентября 1787 г.

вожит, — сказала она, — так это, что князь ничего решительно не пишет, как будто бы и он чем-нибудь нечаянно встревожен»¹.

Агент Потемкина в Петербурге — Гарновский, наблюдавший зорко за настроением умов в столице в отношении к князю, писал в это время Попову: «Несмотря, что по случаю бытности Ее Императорского Величества в Тавриде, его светлость поднялся гораздо выше, остались люди, которые роют подкопы, да и рыть, доколе партия противоборствующая его светлости не истребится, не перестанут». Гарновский находил, что в этом отношении нельзя надеяться даже на графа Безбородко, находившегося в близких отношениях с недоброжелателями князя. Гарновский опасался, что люди влиятельные станут препятствовать усиленному набору рекрут, желая «сделать князю маленькое шиканство». Между тем как одни желали Потемкину успеха, другие ожидали, что его положение делается опасным. «Если бы не он, то бы не было войны», — говорили в иностранной коллегии. Зато Екатерина оставалась верной своим взглядам. Мамонов в сентябре 1787 года говорил Гарновскому: «Я вас уверяю, что князь в мыслях государыни в таком положении, что никто не дерзнет сделать что-нибудь вопреки ему»². Было устроено самое быстрое сообщение между главной квартирой Потемкина и императрицей. Для курьеров на каждой станции стояло по двенадцать лошадей. Однако князь вообще писал очень редко. В записке Екатерины от 20 сентября сказано: «Третья неделя, как я от вас не имею ни единой строки, почему нахожусь в великом душевном беспокойстве, столько по делам, как и о вашем здоровье; уведомите меня чаще о том и другом»³.

Наконец Потемкин, командовавший в это время Екатеринославской армией, выразил желание приехать в Петербург. Екатерина была недовольна и начала письмо к князю такими

¹ Записки Гарновского, «Русская Старина», XV, 247.

² «Русская Старина», XV, 244, 245, 249, 259.

³ «Сб. Исторического общества», XXVII, 423.

словами: «Я думаю, что в военное время фельдмаршалу надлежит при армии находиться». Однако по просьбе Мамонова, благоволившего к Потемкину в это время, редакция письма была смягчена¹.

В это время начались военные действия на берегах Черного моря, преимущественно у Кинбурна, но Потемкин в них не участвовал. Екатеринославская армия была еще довольно далеко от берегов Черного моря, где находился Суворов с отрядом войск. Кинбурн был недостаточно укреплен, и Потемкин, как видно из его переписки с Екатериной, считал положение крепости весьма опасным; он падал духом и не верил в возможность отстоять Кинбурнскую крепость. Екатерине приходилось утешать его. 23 сентября она писала ему: «Ради Бога, ради меня береги свое драгоценное для меня здоровье; я все это время была ни жива ни мертва от того, что не имела известия. Молю Бога, чтобы вам удалось спасти Кинбурн», и проч. 24 сентября она писала: «Я с немалым удовольствием вижу, что ты моим письмам даешь настоящую их цену; они суть и будут искренно дружеские, а не иные. Беспокоит меня твое здоровье: я знаю, как ты заботлив, как ты ревностен, рвась изо всей силы; для самого Бога, для меня имей о себе более прежнего попечение; ничего меня не страшит, кроме твоей болезни. В настоящее время, мой милый друг, ты не просто честный человек, который живет и все делает, как ему угодно; вы принадлежите государству и мне; ты должен, приказываю тебе, беречь свое здоровье; я должна сделать это, ибо благо, защита и слава империи поручены твоим заботам, и нужно быть здоровым и телом и душой, чтобы исполнить дело, которое ты имеешь на руках; после этого материнского увещания, которое прошу принять с покорностью и послушанием, буду продолжать... Дай Боже не потерять Кинбурна, ибо всякая потеря неприятна; но положим так, то для того не унывать, а стараться как ни на есть отомстить и брать реванш; империя останется империей и без Кинбурна; то ли мы брали и потеряли? Всего лучше, что Бог вливает бодрость в наших солдат; там да и здесь не уныли, а публика лжет в свою

¹ «Русская Старина», XV, 214.

пользу, и города берет, и морские бои и баталии складывает, и Царьград бомбардирует Войновичем; я слышу все это с молчанием и у себя на уме думаю: был бы мой князь здоров, то все будет благополучно и поправлено, если бы где и вырвалось что неприятное. Усердие А.В. Суворова, которое ты так живо описываешь, меня весьма обрадовало; ты знаешь, что ничем так меня нельзя угодить, как отдавая справедливость трудам, рвению и способности». Затем Екатерина, сообщив разные подробности о делах в военной администрации, об образе действий различных европейских держав и проч., продолжает: «Молю Бога, чтобы тебе дал силы и здоровье и унял ипохондрию. Как ты все сам делаешь, то и тебе покою нет; для чего не берешь к себе генерала, который бы делал мелкие детали; скажи, кто тебе надобен, я приплю; на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтобы один из них занялся мелочью, а главнокомандующий тем не замучен был. Что не проронишь, в том я уверена, но, во всяком случае, не унывай и береги свои силы; Бог тебе поможет и не оставит, а царь тебе друг и подкрепление; и ведомо, как ты пишешь и по твоим словам, проклятое оборонительное состояние, и я его не люблю; старайся его скорее оборотить в наступательное, тогда тебе да и всем легче будет, и больных будет меньше и не все на одном месте будут. Написав ко мне семь страниц да и много иного, дивишься, что ослабел! Когда увидишь, что отъехать тебе можно будет, то приезжай к нам; я очень рада буду тебя видеть всегда»¹.

Нельзя не сожалеть о том, что до нас дошли весьма лишь немногие письма Потемкина, относящиеся к этому времени. Мы только знаем, что объявление войны турками для него было делом неожиданным и он сознавал, с какими затруднениями ему предстояло бороться, так как ни войско, ни флот не были готовы к открытию действий. Еще в конце августа он писал: «Весьма нужно протянуть два года, а то война прервет построение флота»². Не прошло после этого двух недель, как Потемкин, видя, что война неминуема, в письме к императрице выразил желание ос-

¹«Сб. Исторического общества», XXVII, 426—428.

²«Русская Старина», XVI, 442.

тавить свой пост главнокомандующего, приехать в Петербург, удалиться в частную жизнь, «скрыться». Екатерина, удивляясь такому малодушию князя, писала ему 25 сентября: «Теснит грудь мою ваше собственное состояние и ваши спазмы, чувствительность и горячность, которые производит усердие; понимаю весьма, что возбуждает в вас нетерпеливость; я сама весьма часто в таком положении, паче же тогда, когда дела таковой важности, как ныне; но ничего хуже не можешь делать, как лишить меня и империю низложением твоих достоинств человека самого нужного, способного, верного, да притом и лучшего друга; оставь унылую такую мысль; ободри свой дух; укрепи свой ум и душу против всех затруднений и будь уверен, что ты победишь их с некоторым терпением; но это настоящая слабость, чтобы, как пишешь ко мне, низложить свои достоинства и скрыться, отчего? я не ведаю; не запрещаю тебе приехать сюда, если ты увидишь, что твой приезд не расстроит тобою начатое, либо производимое, либо судишь, что пребывание здесь нужнее, нежели там, где ты теперь; приказание к фельдмаршалу Румянцеву для принятия команды, когда ты ему сдашь, посылаю к тебе; вручишь ему оное как возможно позже, если последуешь моему мнению и совету; с моей же стороны, пребываю хотя с печальным духом, но со всегдашним моим дружеским доброжелательством». В приписке сказано: «Как отъедешь от своего нынешнего поста, кому поручишь Кавказский корпус? О сем фельдмаршал Румянцев и о тамошних делах сведения не имеет и едва ли может оными управлять, и что из этого выйдет, не ведаю; ты сам знаешь, какой трудной мне показывается всякая мысль, к которой я никак не приготовлена, но, однако, на такой для меня трудный шаг я решилась, поскольку говоришь, что здоровье твое того требует; здоровье твое мне нужно; я тебе его желаю, равномерно и продолжения дел, славных для тебя и империи. Дай Боже, чтобы ты раздумал сдать свое командование фельдмаршалу Румянцеву; не понимаю, как одному командовать ужасной такой громадой, разве в такое время, когда заведомо будет безопасно от неприятельских нападений или предприятий»¹.

¹ «Сб. Исторического общества», 428—430.

По-видимому, Екатерина, сильно озадаченная странным образом мыслей Потемкина и даже изъявляя готовность исполнить его просьбу об увольнении его от главнокомандования над Екатеринославской армией, все-таки не теряла надежды, что он останется на своем посту. Она и после этого не переставала почти ежедневно отправлять письма к князю, повторяя свою просьбу, чтобы он писал почаще¹. Просьба князя об увольнении, впрочем, для всех других оставалась тайной, хотя при дворе ходили слухи об унынии Потемкина. Гарновский писал 30 сентября о замечании Глебова: «Знаем, что князь болен; чудная болезнь: после горячки сделалась лихорадка. Знаем и то, что князь просится сюда; узнали графу Петру Александровичу (Румянцеву) цену. Двор (Екатерина) уважает его теперь более князя»².

Вскоре императрица получила новое неутешительное известие от Потемкина. Как видно из ее письма к императору Иосифу II³, она надеялась на действия черноморского флота, и Потемкин, желая встречи с турками на море, приказал контр-адмиралу Войновичу собрать флот и «провести дело». «Хотя бы всем погибнуть, — сказано в его ордере, — но должно показать свою неустранимость к нападению и истреблению неприятеля. Это объявить всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть»⁴.

Вышло иначе. Эскадре было велено идти к Варне и запереть или истребить стоявшую там турецкую эскадру. На пути русские корабли были застигнуты страшной бурей, продолжавшейся несколько дней. Они потерпели сильное повреждение. Это новое несчастье окончательно отняло дух у Потемкина. Любимое его создание — флот, был разбит бурей; сын счастья пришел в совершенное отчаяние. «Матушка государыня, — писал

¹ См., например, краткое письмо от 30 сентября в «Сб. Исторического общества», XXVII, 432.

² «Русская Старина», XV, 255—256.

³ Arneth. «Joseph II und Katharina», 301.

⁴ «Жизнь Ушакова», соч. Скаловского, I, 53.

он 24 сентября, — я стал несчастлив; при всех мерах возможных, мной предпринимаемым, все идет наоборот. Флот севастопольский разбит бурей; остаток его в Севастополе, все малые и ненадежные суда и, лучше сказать, не употребительные; корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности; нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, что я себя чувствую (sic); не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мертв, я все милости и имения, которые получил от щедрот ваших, повергаю к стопам вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к графу Петру Александровичу (Румянцеву), чтобы он вступил в начальство, но, не имея от вас повеления, не думаю, чтобы он принял, и так, Бог весть, что будет. Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком; но что я был вам предан, тому свидетель Бог». В отчаянии Потемкин ко всему этому еще прибавил свое соображение, что надобно вывести войска из Крыма¹. В другом письме он снова говорит о потере флота, о своем отчаянии: «Правда, матушка, что рана сия глубоко вошла в мое сердце. Сколько я преодолевал препятствий и труда понес в построении флота, который бы через год предписывал законы Царюгороду! Преждевременное открытие войны принудило меня предпринять атаковать отдельный флот турецкий с чем можно было; но Бог не благословил. Вы не можете себе представить, сколь сей печальный случай меня почти поразил до отчаяния»².

Как видно, Потемкин был страшно расстроен и потрясен. Недаром считался он главным виновником войны; на нем лежала теперь вся ответственность; он не рассчитывал на успех, упал духом и серьезно помышлял о выходе в отставку. Публика ожидала осады Бендер и Очакова, экспедиции против Константинополя, а между тем главнокомандующий, одержимый ипохондрией, думал об уступке Крымского полуострова туркам! После блистательного путешествия Екатерины, после того как

¹ Соловьев. «Падение Польши», 176. Нельзя не сожалеть, что письмо Потемкина сообщено не целиком, а в извлечении.

² Там же, 177.

князь старался убедить всех в том, что его административная деятельность была в высшей степени успешна и полезна для края, что меры, принятые им на случай войны, были вполне целесообразны и достаточны, можно было удивляться, что он ограничивался лишь обороной границ, не предпринимал ничего решительного и предавался бездействию в Елисаветграде.

К счастью для Потемкина, в публике никто не знал о содержании переписки его с императрицей. Если Екатерина оставляла его посту, то объяснить это можно только личным ее расположением к нему да отчасти недостатком «горячих голов», способных людей, на который так горько жаловалась она в беседах своих с Храповицким. Наконец, она могла думать, что Потемкин лишь временно упал духом. Поэтому она после получения печального известия о повреждении флота всячески старалась ободрить его. Она писала к нему 2 октября: «Известие, конечно, не радостное; но, однако, ничто не пропало; сколько буря была вредна нам, авось либо столько же была вредна и неприятелю, ни уже что ветер дул лишь на нас; как ни ты, ни я сему не причиной, то о сем уже более и говорить не стану, а надеюсь от добрых твоих распоряжений, что стараться будут исправить корабли и ободрить людей, будь они унылы, чего, однако, я не примечаю; я сожалею крайне, что ты в таком крайнем состоянии, как ты пишешь, что хочешь сдать команду, сие мне всего более печально. В письмах твоих от 24-го ты упоминаешь о том, чтобы вывести войска с полуострова; если это исполнишь, то родится вопрос: что же будет и куда девать флот севастопольский? У Глубокой, знаю, что пристань и прежде признана неудобной. Я надеюсь, что это от тебя письмо было в первом движении, когда мыслил, что весь флот пропал, и что мысль такую не исполнишь без необходимой крайности. Я думаю, что всего бы лучше было, если бы можно было сделать поход на Очаков либо на Бендеры, чтобы оборону, тобой самим признанную за вредную, превратить в наступление. Начать же войну эвакуацией такой провинции, которая сейчас не в опасности, кажется, спешить не для чего, равномерно сдать свою команду, сложить достоинство, чины и неведомо что, надеюсь, что удержишься, ибо не вижу к тому ни резонов, ни нужды, а

приписываю это чрезмерной твоей чувствительности и горячему усердию, которые имели не такой успех, как ожидали; но в таких случаях всегда прошу ободриться и подумать, что добрый дух и неудачу поправить может; все это пишу тебе как лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и более еще имеет расположения, нежели я сама, но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я здорова... По твоему желанию и теща тебя, я послала к тебе желаемый тобою рескрипт о сдаче команды; но признаюсь, что это распоряжение мне отнюдь не мило и не славно; никто на свете тебе не желает более добра, как я, и для того тебе так говорю, как думаю. Если же уже сдал команду, то прошу приехать сюда скорее, чтобы я могла тебя иметь возле себя и чтобы ты мог сам узнать, как я думаю и о сем сужу; здесь найдешь, что я, как всегда, к тебе с дружеским и искренним доброжелательством». В письме есть следующая приписка: «А вот как я о сем сужу: (по-французски) что ты нетерпелив, как пятилетнее дитя, между тем как дела, порученные тебе в это время, требуют непоколебимого терпения. Прощай, мой друг. Ни время, ни отдаленность и никто на свете не переменят моего образа мыслей к тебе и об тебе». И еще другой постскриптум: «Пришло ко мне на ум еще по случаю того, что пишешь о выводе войск с полуострова, что через то туркам и татарам открылась бы тогда дорога, так-то сказать, в сердце империи; ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону; в прошедшие времена мы занимали Крым, чтобы укротить оборону; а теперь Крым в наших руках; как флот починится, то надеюсь, что эта идея совсем исчезнет и что оно представлялось только тогда, когда ты думал, что флота нет; но если хочешь, я тебе дюжинку фрегатов велю построить на Дону; ведь и Севастопольский флот им же пользуется и ныне»¹.

Очевидно, императрица и в это время не переставала высоко ценить способности Потемкина, питала к нему доверие и относилась дружески. Гарновский упоминает о намерении Екатерины отправить к князю именно в это время какие-то подарки; к этому же времени относится поднесение Екатерине мраморного бюста

¹«Сб. Исторического общества», XXVII, 433 и 434.

Потемкина, сделанного Кенигом¹. Из того же источника мы узнаем, что в среде высших сановников были слышны неблагоприятные отзывы об образе действий Потемкина. Так, например, в Совете говорили: «Мы знали, что князь погорячился, дав флоту повеление выступать в море в такое время, которое к выходу судов совсем неспособно». Доброжелатели Потемкина защищали его. Гарновский выставлял на вид, что в Петербурге нельзя составить себе точного понятия о соображениях командующего флотом. Граф Мусин-Пушкин, как замечает Гарновский, «стоя грудью» за Потемкина, сказал: «Дай Бог, чтобы князь завладел Очаковым, хотя с потерей десяти тысяч людей». Гарновский передает также следующее замечание императрицы о Потемкине: «Честь моя и собственная княжая требует, чтобы он не удалялся в нынешнем году из армии, не сделав какого-либо славного дела, — хотя бы Очаков взял. Бог знает, отчего он унывает и почти печальные письма пишет. Должно мне теперь весь свет удостоверить, что я, имея к князю неограниченную во всех делах доверенность, в выборе моем не ошиблась». В это время ходили слухи, что Екатерина намеревалась вызвать Потемкина в Петербург, а командование всей армией поручить Румянцеву; говорили, что князь Потемкин «держится одними интригами»².

В это время в Петербурге шла борьба между сторонниками Румянцева и приверженцами Потемкина. К последним принадлежал Мамонов. Однажды за столом, когда императрица предложила выпить за здоровье предводителей обеих армий, Мамонов сделал демонстрацию в пользу Потемкина, сказав: «Да здравствует предводитель Екатеринославской армии!» При этом он заметил, что никто не может быть преданнее, чем Потемкин. Зато другие старались вредить князю. Так, например, Завадовский, узнав, что Потемкин после разбития бурей черноморского флота написал Румянцеву отчаянное письмо, сообщил об этом Екатерине. Передавая это Гарновскому, Мамонов заметил: «Напрасно князь пишет чувствительность свою изображающие письма к таким лицам, которые не только цены великости духа его

¹«Русская Старина», XV, 256 и 257.

²Там же, 263 и 264.

не знают, но и злодействуют его светлости. Любя его светлость, как родного отца и благодетеля моего, желал бы я предостеречь его удержаться от такой вредной для него переписки, служащей забавой злодеям его». Далее Мамонов, в интересах Потемкина, опасался его приезда в Петербург. «Вот будут тогда злодеи, — сказал он, — иметь повод к разным толкам. Государыня, любя его и почитая честь его нераздельно со своей сопряженной, крайне сего боится; знаете ли, государыня уверяла меня, что князь по получении позволения прибыть сюда тотчас сюда прибудет, и хотела со мной об заклад биться, а я уверял, что князь, не устроив тамошних дел, не прибудет. Слава Богу, что стало по-моему. Как государыня этому рада! Да и зачем князь прибыл бы, не сделав никакого славного дела». В заключение этого разговора Мамонов заметил: «Князю некого здесь опасаться. Доколе я буду, что теперь есть, никто против князя ничего не посмеет; я вам честью клянусь в этом».

Образ мыслей Мамонова главным образом объясняется расположением императрицы к Потемкину. Она же не переставала утешать князя, наставлять его, беседовать с ним о всех текущих делах. В ее письме от 9 октября сказано между прочим: «Твои бесчисленные заботы я понимаю и весьма жалею, что ты ночи не спишь и в крайней слабости; потеря флота севастопольского не тебе одному нанесла удар; я это несчастье с тобой делю. Что ты ничего не упустил, о сем ни я и никто не сомневается».

Затем императрица дает князю советы о сохранении здоровья. Далее сказано: «Радуюсь, что ты теперь спокойнее, что ты стараться будешь о своем здоровье, как о делах моих, всякий раз, когда вспомнишь, что ты мне нужен и надобен... Если бы Очаков был в наших руках, то бы и Кинбурн был приведен в безопасность; я невозможного не требую, но лишь пишу, что думаю. Прошу прочесть терпеливо; от моего письма ничто не портится, ни ломается, лишь перо тупится и то не беда. Будь здоров, а не болен, вот чего я желаю; будешь здоров и сюда приедешь, тогда переговорим, о чем нужно будет. Я свое бес-

¹ Гарновский в «Русской Старине», XV, 474, 477—478.

покойство мало считаю и в счет не ставлю, авось либо Бог силу даст снести; один способ есть уменьшить мое беспокойство: чаще пиши и уведоми меня о состоянии дел», и проч.¹.

Удачное действие Суворова под Кинбурном ободрило Потемкина. 1 октября отражено нападение турок на эту крепость. Успех этот произвел хорошее нравственное влияние не только на войско, но и на главнокомандующего. В письме от 5 октября Потемкин благодарил Суворова², но все еще не переходил к наступательным действиям и просил императрицу позволить ему употребить, в случае надобности, один корпус Украинской армии³.

Узнав об этом, Екатерина опять-таки выразила желание, чтобы были приняты меры к захвату Очакова. Вникая во все подробности военных действий, императрица не переставала просить князя беречь свое здоровье и не слишком тревожиться в случае каких-либо неудач. Так, например, она, узнав, что один из русских кораблей, поврежденный бурей, попал в руки турок, писала: «Что делать, быть так; прошу тебя только сего отнюдь не брать с лишней чувствительностью»⁴. Подробные и частые письма Екатерины к Потемкину в это время доказывают, что она действительно нуждалась в его советах и высоко ценила его мнение относительно всех политических вопросов. Все это, однако, не мешало ей удивляться медленности военных действий на юге и сожалеть об ипохондрии князя. В начале ноября Мамонов сказал Гарновскому: «Я рад, что князь стал повеселее; если бы он знал, сколько стоило мне это труда»⁵.

Потемкин действительно немного оправился духом. По крайней мере, он в ноябре месяце из Елисаветграда приехал в Херсон для осмотра галерного флота, сооружение которого было предметом его забот во все это время. При этом случае он ос-

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 436—437.

² Smitt. «Suworow», I, 293.

³ «Записки Энгельгардта», 69.

⁴ «Сб. Исторического общества», XXVII, 441.

⁵ «Русская Старина», XV, 480.

мотрел Лиман и довольно близко подошел к Очаковской крепости, так что шлюпка его находилась в опасности. До нее долетали турецкие пули. Разговаривая с флотскими офицерами о кинбурнском деле, он заметил: «Турки наверное в будущую кампанию придут в Лиман для отмщения вам за вашу отвагу и за причиненные беспокойства; но я надеюсь на всех вас, что покажете им, какова Херсонская гребная флотилия»¹.

Екатерине князь в письме от 1 ноября объяснял подробно, почему не так быстро, как она ожидала, можно было приступить к осаде Очакова. «Кому больше на сердце Очаков, как мне? — говорится в этом письме. — Несказанные заботы от сей стороны на меня все обращаются. Не стало бы за доброй волей моей, если бы я видел возможности. Схватить его никак нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не может, — и к ней столь много приготовлений!.. Если бы следовало мне только жертвовать собою, то будьте уверены, что я не замешкаюсь минуты; но сохранение людей столь драгоценных обязывает идти верными шагами»².

Преждевременное начало войны и сопряженные с ним невзгоды внушали и Потемкину, и Екатерине желание, как бы поскорее освободиться от войны³. За письмо от 1 ноября императрица хвалила князя: «Спасибо тебе, что ты откровенно и прямо дружески ко мне пишешь и, при всех хлопотах по месту и должности, однако, не оставляешь меня подробно уведомить; я это принимаю с отличным сердечным чувством и тобой чрезвычайно довольна, и ты развернул свету в нынешнее время такое обширное и искусственное знание и поведение, которое моему выбору и тебе делает честь, и я тебя люблю вдвое больше. Вижу, что Очаков тебе делает заботу; я тут же, отдавая тебе полную волю, лишь Бога прошу, чтобы благословил твои добрые предприятия... Что хлопоты тебя не допустят побывать здесь хотя на короткое время, о сем весьма жалею: я бы к тебе

¹ Самойлов в «Русском архиве», 1867. 1242, 1566—1567.

² Соловьев. «Падение Польши», 178.

³ См. ее письмо к Потемкину от 4 ноября 1787 г. в «Сб. Исторического общества», XXVII, 445 и след.

бы поскакала, если это возможно было сделать без прибавления хлопот. Что твое здоровье поправляется, это служит мне к великому утешению, поскольку люблю тебя весьма и тобой очень, очень довольна... Прощай, мой друг. Бог с тобой, и никогда чтобы тебе на ум не приходило, чтобы ты мною мог быть позабыт. Александр Матвеевич (Мамонов) тебя как душу любит». В другом письме сказано: «Будь здоров, бодр, весел и благонадежен на лучшего твоего друга, то есть на меня, и напиши мне, что признаешь меня таким»¹.

Как видно, императрица считала нужным нравственно поддерживать Потемкина. Хотя она не была довольна медлительностью дел, она не подвергала строгой критике образ действий главнокомандующего. Только однажды Екатерина выразилась более энергично, но все-таки осторожно, порицая нерешительность князя и вялость военных операций. В ее письме от 23 ноября сказано: «Из многих ваших писем мне бы показаться могло, что вы колеблетесь в выполнении вами же начертанного и уже начатого плана в рассуждении турок и относительно до того; но я этих мыслей себе никак не позволяю и выбрасываю из головы, потому что не могу себе вообразить, чтобы в мыслях ваших находились подобные колебания, ибо нет ни славы, ни барыша, предприняв какое дело и горячо его поведя, потом не доделав, самовольно исковеркать, чтобы начать другое. Оборону границ вы вели с большим успехом; даст Бог здоровья, мой друг, поведешь с успехом и наступательные действия»².

Из последнего замечания можно заключить, что императрица неудачный ход дел на юге приписывала главным образом ипохондрии князя. К тому же последний в это время оставлял Екатерину иногда по целым неделям без всяких известий, чем она была крайне недовольна. В декабре Гарновский писал Попову: «Государыня находится в великой задумчивости и часто со слезами пеняет на светлейшего князя». Он же пишет, что Екатерина сказала: «Если бы знал, каково у меня на сердце, то бы

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 451—452.

² Там же, 454.

он не мучил меня долговременным молчанием»¹. В записке Екатерины к Безбородке, относящейся к этому времени, сказано: «Пошлите нарочного по дороге к Кременчугу, который бы навевывался на каждой почте, не пропал ли или не занемог ли какой курьер от князя»². К самому Потемкину она писала 30 декабря: «Я тобой, мой друг, во всем была бы чрезвычайно довольна, если бы ты мог себя принудить чаще ко мне писать и непременно отправлять еженедельного курьера; сей бы успокоил не только мой дух, сберег бы мое здоровье от излишних беспокойств и отвратил бы не одну тысячу неудобств; в сей час ровно месяц, как от вас не имею ни строки; из каждой губернии, кроме имя мое носящей, получаю известия дважды в месяц, а от вас и из армии ни строки, хотя сей пункт есть тот, на который все мысли и желания устремлены; это значит заставить меня умирать тысячью смертей, а не одной смертью; вы ничем живее не можете мне показать привязанности и благодарности, как писать ко мне чаще; а писать из месяца в месяц, как ныне, это есть самый суровый поступок, от которого я страдаю ежечасно и который может иметь самые злые, неожиданные и нежелательные от вас следствия»³.

Недоброежелатели князя радовались такому неудовольствию Екатерины. Так, например, Алексей Орлов резко порицал Потемкина при этом случае⁴. Безбородко жаловался графу С. Р. Воронцову: «По месяцу почти курьеров не имеем»⁵. В городе говорили, что императрица отправила князя Репнина на смену Потемкина. Граф А. Р. Воронцов говорил: «На месте Румянцева я бы просил государыню, чтобы не только армию, но и князя поручила мне в команду, а иначе от нее бы отказался... Как можно требовать, чтобы все повиновалось князю... Все только то хорошо, что делает князь... Что мы — чучелы что ли?» Па-

¹ «Русская Старина», XV, 494, 496, 497.

² «Сб. Исторического общества», XXVII, 461.

³ Там же, 459.

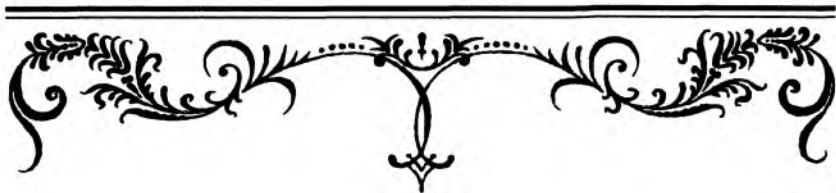
⁴ «Русская Старина», XV, 693.

⁵ «Сб. Исторического общества», XXVI, 404.

вел был недоволен Потемкиным, приписывая ему нежелание императрицы отпустить его в армию. Вяземский жаловался на Потемкина, требовавшего более и более денег; другие говорили, что он «морит солдат»¹. Таким образом, князь к концу года находился в крайне неловком, даже в опасном положении.

¹«Русская Старина», XV, 478, 483, 487. Дневник Храповицкого, 6 октября 1787 г.

ГЛАВА VII

Очаков

Уже в ноябре 1787 года императрица с нетерпением ожидала взятия Очакова, но эта крепость была занята лишь в декабре 1788 года. Такую медлительность военных действий приписывали неумению Потемкина взяться за дело. Румянцев в 1788 году с успехом поражал турок за Прутом, тогда как армия Потемкина вяло передвигалась в направлении к Очакову. Война началась в августе 1787 года. До зимы Потемкин мог бы сделать многое, если бы приготовления к походу были своевременны и правильно закончены. Бездействие войск дало туркам возможность сильнее укрепиться в Очакове, усилить гарнизон, улучшить флот. К сожалению, у Потемкина как главнокомандующего не было определенного плана действий, да к тому же еще он в это время часто болел. Сильное же повреждение флота окончательно подорвало его энергию. Избалованный счастьем, привыкший к постоянному исполнению своих малейших желаний, он приходил в отчаяние от того, что военные действия затягивались, тогда как он рассчитывал кончить все одним ударом¹.

Императрица в свою очередь не переставала утешать Потемкина, оказывая ему полное доверие. Она писала ему 11 января: «Что твои заботы велики, о том нимало не сомневаюсь,

¹Петров. «Вторая турецкая война», I, 106.

но тебя, мой свет, станет на большие и малые заботы; я дух и душевные силы моего ученика знаю и ведаю, что его на все достанет; однако будь уверен, что я тебя весьма благодарю за твои многочисленные труды и попечения: я знаю, что они истекают из горячей любви и усердия ко мне и к общему делу... Будь уверен, что хотя заочно, но мысленно всегда с тобой и вхожу во все твои беспокойства по чистосердечной моей к тебе дружбе и то весьма понимаю, что будущие успехи много зависят от нынешних приготовлений и попечений... Я молю Бога, чтобы укрепил твои силы душевные и телесные... я тебя люблю и полную справедливость отдаю твоей службе»¹. В письме от 26 января говорится, между прочим: «Пришло мне на ум, что ты мои шубки любишь, а которые есть, я чаю, уже стары, и для того вздумала снабдить тебя новой; носи ее на здоровье»². В других письмах, относящихся к этому времени, находим, между прочим, следующие выражения: «Слушай, папа, я тебя очень люблю»... «Радуюсь, что шубка моя тебе понравилась; китайских два шлафрока посылаю; я не сомневаюсь, что везде увижу твою ко мне любовь, верность и усердие; я сама, ваша светлость, вас очень, очень и очень люблю». В письме, написанном в марте, говорится: «Я без тебя как без рук, и сама затруднения нахожу тут, где с тобой не находила: все опасаясь, чтобы чего не проронили». И дальше: «Добрый твоим распоряжением надеюсь, что все ко времени поспеет; жалею лишь о том, что ты из сил выбился». Сообщая в апреле о слухе, будто бы Турция желает заключения мира, императрица писала: «Я сего от сердца желаю, дабы ты сюда возвратился, и я не была бы без рук, как ныне. Как возьмешь с Божьей помощью Очаков, тем и кончится»³.

Иногда и Потемкину приходилось утешать императрицу, которая жаловалась на большое число больных, на хлопоты и заботы по случаю войны. «В сем случае что вам делать? — писал князь однажды. — Терпеть и неизменно надеяться на Бога.

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 464—467.

² Там же, 469.

³ Там же, 470—486.

Христос вам поможет. Он пошлет конец напастям. Пройдите вашу жизнь: увидите, сколько неожиданных от Него благ по несчастью вам приходило. Были обстоятельства, где способные казались пресечены пути, — вдруг выходила удача¹.

Иногда Екатерина с нетерпением ожидала писем от Потемкина. «У меня письма князя не лежат без ответов; лишь бы был в переписке столь аккуратен, сколько я, и не заставлял бы меня ожидать своих курьеров»², — писала императрица в январе. Вообще же она была очень довольна князем. Мамонов также говорил о своей готовности во всех отношениях отстаивать интересы Потемкина и заботиться о доставке ему достаточных сумм денег³. Гарновский писал Попову, что друзья Потемкина действовали в его пользу, замечая при этом: «На князя говорили, что денег много потрачено попусту; теперь государыня сама видела Херсон и разные в тех местах заведения, то может ли кто ее после этого уверить, что деньги истрачены даром?» Далее Гарновский писал: «Очаковым занимается площадь, публика, Совет и двор. Двор (т.е. Екатерина) имеет к его светлости доверенность, но прочие три части разглагольствуют о сем сходно с их познаниями, не посоветуясь однако же никогда с пятью чувствами, им дарованными. Некто из Совета, производя безрассудные ропоты на упущения и входя в споры, давно бы уже в семь дней завладел Очаковым, если бы Бог всех зверей наделил рогами». Зато Мамонов не терпел, чтобы в его присутствии что-либо говорили против князя. Великий же князь Павел Петрович обнаруживал явную холодность в обращении со всеми теми лицами, которые могли считаться приверженцами Потемкина, и князь Вяземский жаловался на громадность сумм, требуемых Потемкиным для продолжения военных действий⁴.

Екатерина всегда оставалась верной своим взглядам на необычайные способности Потемкина. Разговаривая в апреле 1788

¹ Соловьев. «Падение Польши», 180.

² «Записки Гарновского» в «Русской Старине», XV, 695.

³ Там же, 696.

⁴ «Русская Старина», XV, 698—699, 716—720.

года с Храповицким о «горячих головах», она заметила, между прочим¹, что «теперь один князь Потемкин-Таврический» (т.е. из «горячих голов»). Искренно заботясь о здоровье князя, императрица была очень довольна начальником канцелярии князя, Поповым, который советовал ей в письмах к князю «попенять на крайнее о своем здоровье нерадение» его².

Недоброжелатели Потемкина в мае распускали слух и говорили Екатерине, что в екатеринославской армии больных и умирающих много оттого, что людей вместо хлеба, будто бы за неимением его, кормят кутьей; Гарновский жаловался особенно на графов Воронцова и Завадовского, старавшихся вредить Потемкину³. Недаром князь писал Екатерине 5 мая: «Дела много; не до того, чтобы заниматься о злодействах, на меня устремленных, а скажу только, что, матушка государыня, полагаю всю и во всем пространстве надежду на вас и из-за сей презираю злость». Прочитав Храповицкому это письмо, императрица сказала: «Конечно, князь может надеяться; оставлен не будет; он не знает другого государя; я сделала его из сержантов фельдмаршалом; не такие злодеи его ныне, каковы были Гр. Орлов и граф Н.И. Панин. Князь Орлов всегда говорил, что Потемкин умен, как черт»⁴.

Спустя несколько дней, однако, Потемкин озадачил императрицу повторением предложения покинуть Крым. В его письме от 10 мая сказано: «Дай Боже помощь; но при том помяну мою прежнюю мысль, что, не имея там крепостей надежных, ни флота еще сильного, гораздо бы лучше было оставить и, дав войти неприятелю, его выгнать. Войска же тамошние, находящиеся за Перекопом, могли по обстоятельствам действовать и умножить наше пититное⁵ число, а теперь они, кроме обороны, по которой привязаны к Севастополю, в Тавриде, как в кошеле, лежать должны». В этом же письме Потемкин писал далее:

¹ Дневник Храповицкого, 4 апреля 1788 г.

² «Русская Старина», XVI, 6.

³ Там же, 10.

⁴ Дневник Храповицкого, 12 мая 1788 года. Письмо Потемкина от 5 мая напечатано в «Русской Старине», VIII, 727—728.

⁵ Малое.

«Матушка, всемилостивейшая государыня! Я и пойду и буду действовать со всею ревностью, несмотря на новость моей пехоты, которая почти вся из рекрут; я везде собой показывать стану пример, с охотой принесу в жертву жизнь мою вам, моей матери, государству и, можно сказать, христианству, надеясь несомненно, что Бог мне поможет. Я везде сделал всевозможные распоряжения против неприятельских покушений, но как успехи военные перемене подвержены, то если бы, за всеми моими стараниями где-либо неприятель получил выигрыш, — не причтите, милостивейшая государыня, мне в вину. Бог видит, сколько я распален желанием принести вам славу»¹.

Императрица была тронута этим изъявлением готовности умереть за нее, за Россию и «за христианство». Сообщая Храповицкому о содержании письма Потемкина, она сказала: «Сам с рекрутами идет доказать свое усердие и умереть христианом; в войне обстоятельства переменны: может быть, и турки некоторые удачи получают. Не хочу, чтобы он жертвовал собой»².

Зато императрица не понимала, каким образом Потемкин мог думать об оставлении Крыма, между тем как соображения князя могут быть объяснены его самолюбием. Крымские войска он хотел присоединить к своей армии, чтобы обеспечить ей легкий успех³. Екатерина же была крайне недовольна предложением князя и писала ему: «На оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу; об нем идет война, и если это гнездо оставить, тогда и Севастополь, и все труды и заведения пропадут, и опять возобновятся набеги татарские на внутренние провинции; и кавказский корпус от тебя отрезан будет, и мы в завоевании Тавриды тогда упражнены будем и не будем знать, куда девать военные суда, кои ни в Днепре, ни в Азовском море не будут иметь убежища; ради Бога не пускайся на эти мысли, кои мне понять трудно и мне кажутся неудобными, потому что лишают нас многих приобретенных миром и войной выгод и поль-

¹ «Русская Старина», XVI, 460.

² Дневник Храповицкого, 17 мая 1788 г.

³ Петров, I, 107.

зы. Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с него, чтобы держаться за хвост. Впрочем, будь благонадежен, что мыслей и действий твоих, основанных на усердии, ревности и любви ко мне и к государству, каков бы успех ни был, тебе всеконечно в вину не причту». «Кому известно сколько, как мне самой, — говорила Екатерина в конце своего письма, — с открытия войны сколько ты трудов имел: флот чинил и строил, формировал снова пехоту и конницу, собрал в голодное время магазейны, снабдил артиллерию волами и лошадьми, охранял границу так, что во всю зиму ни кога не пропускал», и проч.¹

Совсем иначе, т.е. гораздо менее выгодно, отзывались об образе действий Потемкина люди, хорошо знакомые с положением дел. К числу их принадлежал принц де Линь, находившийся в лагере Потемкина в качестве военно-дипломатического агента Австрии. Некоторые из его писем к Иосифу II и Сегюру весьма интересны. «Я желал представить вам отчет, — писал он императору, — о ваших неприятелях и друзьях: первые, однако, слишком далеко отсюда, последние же слишком самолюбивы. Какая разница между русской армией в нынешнем и той же армией в прошлом году. Какую ревность вы видели здесь... Наконец, я сюда приехал. Боже, что за погода, что за дороги, что за зима, что за главная квартира в Елисаветграде!.. Я думал, что князь Потемкин будет рад моему приезду. Я бросился обнимать его и спрашиваю: «Что же Очаков?» Он отвечает мне: «Бог мой, в Очакове 10 000 человек гарнизона, а у меня во всей армии столько не будет. У нас во всем недостаток. Я самый несчастный человек, если Бог мне не поможет». — «Как же, — перебиваю я его, — мне говорили, что у вас начинается осада?» А Потемкин в ответ: «Напротив, дай Боже, чтобы татары не напали на нас здесь и не предали все огню и мечу. Бог меня спас... я считаю чудом, что мог еще отстоять столь обширные границы». «Где же татары?» — спрашиваю я. «Везде, — отвечает князь, — а затем еще стоит сераскир со множеством турок у Аккермана; 12 000 турок под Бендерами сторожат берег Днестра и 6000 в Хотине». Во всем этом не было ни одного

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 491—493.

слова правды. Но мог ли я думать, что Потемкин захочет обманывать тех, в помощи кого он нуждался. «Вот, — сказал я ему, — письмо императора, в котором изложен план войны... Его величество поручил мне спросить вас, что вы предполагаете делать?» Князь возразил, что на другой же день письменно сообщит мне свои соображения. Жду день, два, три дня, неделю, две недели; наконец мне доставлен план кампании, заключающий в себе следующее: «С помощью Божьей я атакую все, что встречу между Бугом и Днестром»¹.

Таков был Потемкин в это время. Он опасался набега татар, что казалось в высшей степени забавным принцу де Линю. Два раза последний в насмешливом тоне писал к Сегюру об этих татарах.

Как видно, ипохондрия князя мешала ему заняться составлением подробного плана кампании. В общих чертах союзники договаривались, что Австрия попытается взять Белград, а русское войско займется осадой Очакова; но в частности ничего не было определено. Потемкин не дорожил временем. Французский инженер Лафит, особенно деятельно трудившийся над укреплением Очакова, писал к графу Сегюру, что крепость эта не устояла бы против быстрого и решительного нападения. Нельзя поэтому удивляться тому, что Сегюр находил образ действий князя, постоянно обвинявшего австрийцев в бездействии, непростительным². В продолжение нескольких месяцев Потемкин занимался сборами войска и изготовлением снарядов, необходимых для осады Очакова. А между тем условия успеха становились менее и менее благоприятными. Из перлюстрации письма от принца Нассау-Зиген к Сегюру из Варшавы императрица узнала, что по плану принца можно было взять Очаков в апреле, что Суворов был согласен с этим и гарнизон тогда не превосходил 4000 солдат³. Однако при недостатке во всем необходимом в армии Потемкин не мог предпринять ничего решительного. В «Записках Державина» сказано: «В 1788 году в армии князя Потемкина был крепкий не-

¹ «Oeuvres du prince de Ligne». Paris, 1800, II, 58—61.

² Segur. «Memoires», III, 352.

³ Дневник Храповицкого, 10 декабря 1788 г.

достаток в хлебе. Он велел в марте месяце купить в разных губерниях; но так как в этом году родился хлеб худо, то и не мог он удовлетворить требованию». Принц де Линь писал в апреле из лагеря Потемкина императору Иосифу II: «Если бы у нас были съестные припасы, мы отправились бы в поход; если бы мы имели понтоны, то имели бы возможность переходить через реки; если бы были у нас бомбы и ядра, мы приступили бы к осаде крепостей, — но именно забыли запастись всем этим (*on n'a oublié que cela*), и теперь князь велел привезти эти вещи по почте. Транспорты и покупка амуниции стоят миллионы рублей... Мы здесь ровно ничего не делаем. На днях я упрекнул князя в бездействии»... «На днях, — говорил де Линь в другом письме, — я сказал князю, что призову 6000 кроатов для взятия Очакова, с которым так церемонится здешняя армия... Императрица в крайнем удивлении, что я пишу к ней; но я люблю быть откровенным; мне неприятно писать о князе, что он мог сделать гораздо более, нежели делает».

Несмотря на все это, личность Потемкина сильно нравилась принцу де Линю. Хотя он часто смеялся над изнеженностью и причудами князя, но иногда и хвалил его. Так, например, в мае, говоря о поездке князя в Херсон для осмотра галерной флотилии, он ставил ему в большую заслугу, что он так скоро создал эту флотилию. И после кончины Потемкина он в восторженном тоне говорил о необычайных способностях князя. Зато весной 1788 года он часто выходил из терпения, имея дело с князем. «Я здесь, — писал он из Елисаветграда, — состою нянькой. Мой ребенок велик, силен и упрям. Вчера он мне сказал: «Неужели вы воображаете, что приехали сюда для того, чтобы водить меня за нос?» «Неужели, — возразил я ему, — вы думаете, что я вообще приехал бы сюда, если бы не имел этого намерения? Любезный князь, вы ленивы и неопытны; потому для вас это самое лучшее. Зачем не хотите вы верить себя человеку, влюбившемуся в вашу славу и только мечтающему о могуществе двух империй? Вам недостает весьма немного для того, чтобы быть совершенством, но гений ваш бессилен, если он не будет поддерживаем доверием и дружбой». Князь заметил: «Дайте перейти вашему императору через Саву — и я двинусь за Буг». «Значит, — возразил я, — вы считаетесь

комплиментами, как щеголи у дверей салона. Мой государь уступает вам первый шаг: против него действует турецкая армия. Перед вами же нет никакой армии». — «Думаете ли вы, — спросил он наконец, — что император пожалует нас знаком ордена Марии-Терезии и примет знаки Георгиевского креста для раздачи отличившимся в обеих армиях?» Тут я увидел, куда метил князь. Он имеет страсть к знакам отличия. У него их только двенадцать; я же уверил его, что взятие Очакова непременно доставит ему наш орден высшей степени (*notre grande croix*), а если бы содействовал он взятию нашими войсками Белграда, то приобрел бы даже право на орден св. Стефана. Прошу ваше величество подтвердить мое сообщение; и если бы можно было уговорить его величество, католического короля, дать ему орден Золотого Руна, то мы могли бы совершенно рассчитывать на князя»¹.

Потемкин оставался в Елисаветграде до мая месяца. Тогда только решился он отправиться на юг для начала военных действий. Специалисты впоследствии обвиняли его в том, что он сделал большую ошибку. «Чтобы парализовать стратегическое значение Очакова, — пишет полковник генерального штаба Петров, — достаточно было бы наблюдать его отдельным отрядом, а с главными силами армии следовало идти к Дунаю и скорее соединиться с австрийцами для общего наступления к Балканам»².

Особенно важными оказались действия на море около Очакова. Недаром в России надеялись на флот, постройка и снаряжение которого было по преимуществу предметом забот князя Потемкина. Флот этот в Севастополе чрезвычайно понравился Екатерине, отчасти даже Иосифу и внушал сильные опасения Сегюру. Роль его могла быть чрезвычайно важной. При помощи этого флота можно было отрезать Очаков от Турции, воспрепятствовать подвозу свежих войск и припасов в осажденную крепость. Вот почему князь употребил громадные средства на постройку кораблей и предался сильному отчаянию, когда осенью 1787 года корабли эти серьезно пострадали от бури. Весной 1788 года он предписал флоту подойти к Очакову и стараться не пускать туда турецкого

¹Oeuvres, II, 62 и след., 86 и след.

²Петров. «Вторая турецкая война», I, 130.

флота¹. Приготовлением ко всему этому Потемкин объяснял свое бездействие по отношению к сухопутному войску. В негодовании писал он императрице 19 мая: «Я слышу, будто император вам и, через посла, вице-канцлеру жаловался на несодействие армии. С какой стати меня они тут припутывают? Войска, мне вверенные, большей частью охранять должны границы; наступательное же у меня на один пункт, то есть на Очаков, для чего я должен путем собраться и взять все меры, чтобы не плакаться... По нечаянной войне мне было нужно сделать в четыре месяца то, что бы должно было в два года произвести. Пускай другой мог бы возыметь кураж чинить совсем разбитый погодою флот, настроить гребных судов, могущих ходить в море, такое множество и сформировать совсем вновь шестнадцать батальонов пехоты, до десяти тысяч совсем новой конницы, составить большой магазин подвижной, снабдить ужасным числом волов, изворачиваться в пропитании — и все это в четыре месяца на степях, без достаточных квартир, а паче на Кинбурнской стороне, где с лишком на десять тысяч людей в три недели было нужно построить жилища». Далее князь писал: «Матушка, всемиловейшая государыня, вы видите, с какой охотой я поеду». В другом письме говорится: «Я бы был уже сам за Бугом, но нужно дожидаться из Херсона уведомлений»².

Ожидая столкновений между русским и турецким флотами в Очаковском лимане, Потемкин опасался неудачи. «Не те турки, — писал он, — и черт их научил. Флотилия их на лимане сильна и тяготит меня много». Он жаловался также и на австрийцев: «Император ничего не делает». В тот же день он доносил о морском сражении (7 июня), в котором русский флот одержал верх. К его рассказу прибавлено: «Если бы брандеры наши из Херсона поспели, то бы, конечно, дело было решительное». На каждом шагу являлись препятствия, затруднения. В первых числах июня, именно в то время, когда князь решился двинуться из Елисаветграда, он заболел; 15 июня он писал: «Я уже в

¹ О состоянии флота в это время см. подробное изложение в «Истории черноморского флота» в «Записках Одесского общества», IV, 292 и след.

² «Русская Старина», XVI, 462—468.

это время был бы под Очаковым, но дожди сильные и необычные отняли у меня способ переправиться в том месте, где было удобней... Хлопотам не было конца». Сообщив в восторге о второй и более важной победе над турецким флотом, Потемкин писал: «Вот, матушка, сколько было заботы, чтобы в два месяца построить то, чем теперь бьем неприятеля», и проч.¹

На самого Потемкина известие о морской победе 17 июня подействовало чрезвычайно сильно. В самых восторженных выражениях он говорил об этом событии с принцем де Линем и видел в нем Божий промысел, особое, оказанное ему Провидением, покровительство.

Екатерина все время была очень довольна Потемкиным. В мае, получив подробные известия от князя, она сказала: «Если бы и вся Россия вместе с фельдмаршалом (Румянцевым) против князя восстали, я с ним»². В конце июня Гарновский писал Попову: «Двор (т.е. Екатерина), столько важных успехов на воде не ожидавший, ныне восхищением оных упоенный, — вне себя», и проч.³ Опасность, грозившая в это время России со стороны Швеции, заставляла Екатерину сожалеть об отсутствии Потемкина. Переписываясь с ним о всех подробностях разрыва с Густавом III, она, обсуждая вопрос, отправить ли Грейга с флотом в Средиземное море или нет, заметила: «Если бы ты был здесь, я бы решилась в пять минут что делать, переговорив с тобой»⁴. Но императрица по-прежнему продолжала желать, чтобы Потемкин занялся главной задачей — осадой Очакова. «Дай Боже услышать скорее о взятии Очакова», — писала она князю 18 июня, т.е. за полгода до занятия этой крепости. По получении известия о первом морском сражении она писала Потемкину о раздаче разным лицам наград: «А тебе скажу, что ты — друг мой любезный и что я тебя много, много и очень много люблю и качества твои чту и на-

¹ «Русская Старина», XVI, 468, 470, 474.

² «Записки Гарновского» в «Русской Старине», XVI, 9.

³ «Русская Старина», XVI, 19.

⁴ «Сб. Исторического общества», XXVII, 491—493.

деюся от тебя видеть величайшие услуги. Будь лишь здоров и благополучен». В письме после второй победы сказано: «Тебя, моего друга, благодарю за твои труды и попечение... даруй тебе Боже Очаков взять без потери всякой». На просьбу Потемкина отправить к нему две тысячи хороших матросов¹ императрица ответила: «О том теперь и думать нельзя, чтобы единого матроса тронуть; нельзя ли тебе пленных греков употребить? а как здесь пооглядимся, тогда, что можно будет, того пошлем». 3 июля, после сообщения разных подробностей о войне со Швецией, императрица спрашивала: «Что делает очаковская осада?» В письме от 13 июля, в котором сообщалось князю о наградах за вторую битву в Лимане, между прочим говорится: «К тебе же, моему другу, как строителю флота, приказала, сделав, послать большое золотое блюдо с надписью и на нем шпагу богатую с лаврами и надписью»².

Эти подарки, стоившие более 30 000 рублей, были отправлены в конце августа.

Кроме того, Потемкину было дозволено иметь штат «генерал-фельдмаршальский от флота черноморского»³.

Узнав, что Потемкин во время рекогносцировок подвергал свою жизнь опасности, Екатерина писала ему: «Теперь прошу тебя унимать свой храбрый дух и впредь не стать на батарею, где тебя и всех с тобой находящихся могли убить одной картечью; к чему бы это? разве еще у меня хлопот мало? уморя себя, уморишь и меня. Сделай милость, вперед удержишься от подобной потехи». Но и в этом письме, от 14 июля, сказано: «Дай Боже тебе успех на Очаков»⁴. Возвращаясь и в следующих письмах к мысли об Очакове, императрица постоянно повторяла желание, чтобы занятие крепости не стоило слишком больших жертв людьми. Это обстоятельство достойно внимания потому, что медленность дей-

¹См. «Русская Старина», XVI, 474—475.

²«Сб. Исторического общества», XXVII, 498—509. О блюде см. «Дневник Храповицкого», 13 июля.

³Дневник Храповицкого, 14 июля. «Сб. Исторического общества», XXVII, 510.

⁴«Сб. Исторического общества», XXVII, 509.

ствий князя под Очаковым — как увидим ниже — объясняется, между прочим, заботами его как можно более сократить размеры кровопролития. «Помоги тебе сам Творец во взятии Очакова, — сказано в письме Екатерины от 28 июля, — больше всего старайся сберечь людей; лучше иметь терпение поболее»¹.

В письме Екатерины от 19 июля, между прочим, сказано: «К нам грянул как снег на голову граф А.Г. Орлов. Бог весть ради чего трудился»². Из «Записок» Гарновского видно, что побудило Орлова приехать в столицу. Он, как и прежде, в беседах с императрицей «представлял государственное правление в черном виде». Гарновский, сообщая об этом, намекает на то, что тут была речь о князе Потемкине. «Злодеи его светлости, — сказано в письмах Гарновского, — пользуясь настоящим положением происшествий, двор иногда тревожащих, делают все то, что только могут, к достижению адских намерений своих, но тщетно. И когда я писал к вам, что желательно, чтобы его светлость вскоре нас посетить соблаговолил, то это не для того, чтобы была какая-нибудь опасность, собственно до особы его светлости касающаяся, но дабы не дать укорениться во дворе поселянным в оном мыслям, что мы можем без его светлости обойтись»³.

До чего доходили интриги при дворе, видно из следующего подробного рассказа Гарновского: «30 июля приступал граф Чесменский к государыне с полными доказательствами о беспорядках, а особливо сей раз критиковал более прочих часть воинскую и доносил, между прочим, что солдаты наши ни ходить, ни стрелять не умеют, ружья имеют негодные и вообще войска наши в одежде и во всем никогда так дурны не были, как теперь. Весь этот донос расположен был так, чтобы внушить государыне, что всему причиной его светлость (князь Потемкин). Случившийся тут граф Александр Матвеевич (Мамонов) и Михаил Сергеевич (Потемкин) принялись горячо оспаривать несправедливый донос и умели дать ему такой толк, что

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 511, 513.

² Там же, 513.

³ «Русская Старина», XVI, 30.

государыня, посчитав себя доносом Чесменского лично оскорбленной, дала с негодованием чувствовать, что, царствуя 25 лет, никогда она по своей должности упущения не сделала и что с сожалением взирает на заблуждения, в которых граф Чесменский находится. Это было Чесменскому очень неприятно¹. Сообщая немного позже новые данные о стараниях графа Орлова повредить Потемкину в глазах императрицы, Гарновский замечает, что недоброжелатели князя, к которым принадлежали, между прочим, камер-фрейлина Протасова и цесарский посол Кобенцель и которых Гарновский называет «социететом», нарочно выписали Орлова из Москвы и через него старались действовать против Потемкина. По поводу только что сообщенного объяснения, происходившего между императрицей и Орловым, члены «социетета» рассуждали, «что граф Чесменский говорит хотя просто, но правду, и говорит то, чего другие сказать не смеют, и что сей граф — человек добрый, бескорыстный, немстительный, усердный отечеству слуга и неправду ненавидящий»².

Недаром Гарновский опасался за судьбу Потемкина и потому зорко следил за настроением умов в Петербурге. Так, например, он писал в августе: «Последние из-под Очакова известия были двору неприятны. Нетерпеливо хочется, чтобы Очаков был взят прежде Хотина. Нетерпеливости двора нельзя удивляться, когда многие, не входя в обстоятельства, со взятием городов сопряженные, все почитают за безделицу и стараются то же внушить двору». Об австрийцах Гарновский писал: «Посол их кричит везде: Mon Dieu, mon Dieu, Oczakow! Сему подражают и наши наемники их; что же касается до государыни, то она нимало Очаковым не беспокоится, и все, что его светлость предпринимать изволит, превозносит похвалбою. Досадует на одно только то, что его светлость подвергает себя опасности. Какую пользу принесет Очаков, если виновник приобретения его пострадает?»³

¹ «Русская Старина», XVI, 207.

² Там же, 210.

³ Там же, 213, 220.

Как мы видели, Екатерина писала Потемкину очень часто и подробно. В ее письме от 28 июля сказано: «Теперь, мой друг, ты просишь меня об уведомлении почаще; суди теперь сам, какова я была, не имея от тебя недели по три уведомления; однако я к тебе пишу и писала почти каждую неделю»¹. Именно в это время Потемкин начал писать очень редко, чем вызывал некоторое раздражение императрицы. 14 августа она спросила Храповицкого, какого числа был курьер от князя. Оказалось, что три недели не было известий. Екатерина заметила: «Сам же просил, чтобы чаще уведомляла о здешних обстоятельствах, и сам же теперь молчит; здесь война на носу, а там не знаю что делают»². Однако в письмах к князю императрица не обнаруживала особенного нетерпения. «Дай Боже тебе всякое, всякое, всякое благополучие и счастье», — сказано, между прочим, в письме от 31 июля. 14 августа она писала: «Беспокоит меня твоя ногтееда, о которой ты меня извещаешь своим письмом от 6 августа после трехнедельного молчания; мне кажется, что ты ранен, а оно скрываешь от меня. Синельников, конечно, был близок возле тебя, когда он рану получил; не тем ли ядром и тебя зацепило за пальцы? Я же вижу, что ваше теперешнее состояние под Очаковым весьма заботливо и труднее, нежели я себе представляла, и так все беспокойства ваши мне теперь чувствительнее, нежели дурацкая шведская война» и проч. К этому прибавлено: «Пожалуй, повадись писать чаще, а то до мира не доживу». 28 августа: «От вас две недели ни строки не имею... Пиши ради Бога почаще, что у вас делается на море и на сухом пути», и проч.³ 31 августа: «Я жалею весьма, что ты столь много обеспокоен очаковской осадой; терпением все преодолевается; лучше тише, но здорово, нежели скоро, но подвергаться опасности, либо потере многолюдной»⁴.

Из всего этого видно, какого выгодного мнения о Потем-

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 514.

² Дневник Храповицкого, 14 августа 1788 г.

³ «Сб. Исторического общества», XXVII, 516—517.

⁴ Там же, 519.

кине была императрица. Несколько иначе думали о князе лица, находившиеся при нем. Принц де Линь был убежден, что можно было взять Очаков 1 июля, пользуясь победой над стоявшей под стенами этой крепости флотилией. Такого же мнения были и другие лица. Потемкина обвиняли в том, что он недостаточно был знаком с положением дел в крепости, откладывал напрасно решительные действия и этим подвергал свое войско страшным страданиям от болезней и морозов. Потемкин жестоко ошибался, ожидая, что Очаков сдастся вследствие битв в Лимане. Еще весной Суворов предлагал ему штурмовать Очаков и брался исполнить это дело. Потемкин писал ему в ответе: «Я на всякую пользу тебе руки развязываю, но касательно Очакова попытка может быть вредна; я все употреблю, чтобы достался он дешево»¹

Потемкин сам появился около Очакова в последних числах июля месяца, но войско собралось так медленно, что осадные работы начались не раньше 31 июля. Медленность передвижения войска и путешествия самого князя объясняли его неровным, капризным характером. Де Линь иронически замечает, что главнокомандующего задерживала вкусная рыба. Конечно, это шутка, но все же Потемкин вел себя не как полководец, а как большой барин, сибарит. Из переписки его видно, что в апреле были отправлены к нему два обоза с напитками, съестными припасами, серебряным сервизом и другими подобными вещами, один — по московскому, другой — по белорусскому трактам, чтобы вернее обеспечить своевременное прибытие к месту хоть одного из них².

Несправедливо, однако, было бы безусловно обвинять Потемкина в бездействии. Напротив, мы имеем доказательства многосторонней его деятельности во время осады Очакова. Собственноручные ордера его к Фалееву и другим лицам свидетельствуют, что он работал самостоятельно, заботился о постройке судов, о продовольствии солдат, о лекарствах для больных, об обучении рекрут. Очень часто он был недоволен мошенничест-

¹ «Жизнь князя Потемкина». Москва, 1812, IV, 24.

² «Записки Одесского общества», VIII, 238.

вом подрядчиков, дурно исполнявших казенные работы, а также недобросовестностью и нерадивостью служащих. «Вы не удивляйтесь, — писал он к Фалееву, — что я ворчу; Богу известно, что сил недостает; везде самому быть нельзя. А все до малейших способов требуют от меня»¹. Принц де Линь во многом отдавал справедливость князю, находил, что он слишком поддавался ипохондрии и по временам страшно ленился. Во время осады Очакова он занимался литературными трудами, писал мадригалы дамам и переводил церковную историю аббата Флери. Музыка и пиршества в то время занимали его².

Изнеженность, однако, не мешала Потемкину подвергаться иногда личным опасностям. Так, например, вскоре после прибытия своего к Очакову, желая присутствовать при военных опытах, он легко мог попасть в плен или даже быть убитым вследствие приключившегося при этом взрыва. Однажды, когда князь разъезжал между Кинбурном и Очаковым на прекрасном катере, турки сильно стреляли по плавающим и даже бросились за ними в погоню. Потемкин, сохраняя хладнокровие, успел доехать до русских батарей³. Узнав, что его подозревают в недостатке мужества, он однажды, сопровождаемый офицерами, сделал рекогносцировку так близко у неприятельского лагеря, что бывшему с ним генералу Синельникову турецкое ядро оторвало ногу⁴. В подобных случаях Потемкин одевался пышно и был увешан звездами⁵. Мы видели выше, что императрица бранила князя за неуместную отвагу.

Солдаты, кажется, любили его. Они были обязаны ему введением более удобной одежды, отменой кос и проч. Он шутил

¹ «Записки Одесского общества», II, 657.

² Надеждин в «Одесском альманахе», 1839, 66. Не находится ли в связи с литературными занятиями князя вышедший в 1790 году перевод книги Бернардена Сен-Пьера о вечном мире, в заголовке которого сказано: «Перевод с французского языка в стане перед Очаковым в 1788 году? См. Грот, «Державин», I, 358.

³ Самойлов в «Русском архиве», 1867, 1567.

⁴ Castera. «Vie de Catherine II», II, 155.

⁵ Самойлов, 1565.

с ними, часто приезжал в траншеи и сказал однажды вставшим перед ним солдатам: «Слушайте, ребята, приказываю вам однажды навсегда, чтобы вы передо мной не вставали, а от турецких ядер не ложились на землю»¹.

О стратегических предположениях Потемкина в самом начале осады мы узнаем из документа, сообщенного Гельбигом, который, пользуясь своими связями, достал план осады, составленный князем и известный, по всей вероятности, весьма немногим лицам².

Современники-очевидцы не переставали упрекать князя в разных промахах. Как ни много было собрано осадных средств, но Потемкину нужно было больше и больше. А турки тем временем не дремали, и оборонительная сила крепости понемногу выростала. В момент открытия осады крепость не в состоянии была долго противостоять деятельной, энергичной атаке. А Потемкин именно на это и не решался. Он долго ограничивался рекогносцировками и разными приготовлениями к решительным действиям. Его тревожили нарочно распушенные турками слухи о минах, заложенных французскими инженерами, и он поджидал из Парижа подробных планов крепости со всеми минными галереями, не жалея на это издержек. Он считал вероятным, что турки сдадут крепость на капитуляцию без кровопролития. К тому же, как замечает новейший историк этих событий, в его главной квартире было много иностранцев, задававших князю вопросы, предлагавших советы, делавших косвенные замечания; он тяготился всей этой толпой соглядатаев, критиковал и советников и, как бесхарактерный баловень, поставленный судьбой не на свое место, больше всего опасался дать повод к заключению, будто он действует не самостоятельно, а с чужого голоса³.

Находили, что князь строил редуты в слишком значительном от Очакова расстоянии, иногда давал противоречащие одно дру-

¹Самойлов, 1566.

²Подробности плана осады см. в моей монографии «Осада Очакова» в «Журнале Министерства народного просвещения», CLXVIII, отд. 2, 400.

³Петрушевский, 323—325.

гому приказания, сильно заблуждался относительно настроения умов в Очакове. Осада, к крайнему неудовольствию прочих генералов, с самого начала шла вяло; дело затянулось. Только изредка случились вылазки с той и с другой стороны.

Уже в июле месяце Потемкин жаловался принцу де Линю: «Этот поганый город мне надоедает». Де Линь ответил: «Он еще более надоест вам, если вы не возьметесь за дело как следует. Сделайте фальшивую атаку с одной стороны, а с другой — берите ретраншементы штурмом, и крепость будет ваша». Потемкин был огорчен этим ответом: он заметил, что овладеть Очаковым сложнее, чем турецкой крепостью Сабац, занятой австрийскими войсками под командованием самого императора Иосифа еще весной этого года. Тогда обиделся, в свою очередь, принц де Линь. Он колко заметил Потемкину, что о подвигах Иосифа II следует говорить с большим уважением, что император сам при этом случае выказал необыкновенное мужество, подвергая себя большей опасности. Потемкин хотел доказать, что в отношении к мужеству он нисколько не уступает императору Иосифу, и на другой день, во время рекогносцировки, подъехал довольно близко к ретраншементам, где был осыпан градом пуль и ядер. «Спросите принца де Линя, — сказал он находившемуся при нем графу Браницкому, — был ли император при Сабаце храбрее меня?»¹

Несмотря на такие выходки, скорее свидетельствовавшие о мелочности и тщеславии, нежели о стратегических способностях князя, характер осады не изменялся. Принц де Линь в июле месяце писал, что, если бы русские взялись за дело как следует, Очаков был бы взят в продолжение одной недели; между тем, по медлительности и нерешительности, русские, по словам его, походили на осажденных, турки же держались хорошо и не пропускали случая вредить нашим войскам, которые теряли много людей².

К этому времени относится столкновение Потемкина с Суво-

¹ См. письмо принца де Линя, действительно восхищавшегося хладнокровием князя, в «Oeuvres», II, 71.

² «Oeuvres», II, 71—73.

ровым по случаю довольно важной схватки между русскими и турками. Суворов во все время был очень недоволен генерал-фельдмаршалом и не мог удержаться от критики и сарказмов. «Не такими способами бивали мы поляков и турок, — говорил он в близком кругу, — одним взглядением крепость не возьмешь. Послушались бы меня — давно Очаков был бы в наших руках»¹. Рассказывают, что де Рибас, находившийся при Потемкине, старался вредить Суворову в глазах главнокомандующего. Однажды вспыхнул спор. Суворов настаивал на своем мнении; Потемкин с досадой воскликнул: «Он все себе хочет заgrabить!» Суворов в письмах к Попову жаловался на Потемкина, на его упрямство, неумение вести осаду; в письме к де Рибасу, узнав о гневе князя, он жаловался на наушников, окружавших Потемкина, требовал, чтобы крепость настойчивее была бомбардирована; чтобы была сделана брешь, и проч.²

27 июля Суворов воспользовался вылазкой, сделанной турками, для того, чтобы, без согласия Потемкина, завязать большое дело. Энгельгардт и другие современники³ полагали, что Суворов намеревался, видя медленность военных действий, заставить Потемкина этим средством решиться на штурм или самому со своим корпусом на плечах турок ворваться в крепость⁴. Дело вышло, однако, совсем иначе. Суворов был ранен и потерял много народа. Принц де Линь, видя, что турки сосредоточивают все силы на том месте, где происходила атака Суворова, старался уговорить Потемкина броситься на оставшуюся почти без защиты левую часть укрепления. Потемкин был в страшном волнении; сначала он вовсе не отвечал на запросы, сделанные принцем де Линем через одного австрийского, а затем и через русского офицера. Принц уверял в своих письмах об этом эпизоде, что Потемкин в эти минуты проливал слезы, жалея о значительном числе убитых солдат. Затем он наотрез отказал принцу.

¹ Петрушевский, I, 325.

² Полевой. «Биография Суворова», 129.

³ Masson. «Memoires secrets», I, 300.

⁴ Записки Энгельгардта, 85.

Рассказывают, что Суворов в то время, когда перевязывали ему рану, отвечал дежурному генералу, посланному к нему от Потемкина с грозным вопросом — как он, Суворов, осмелился без разрешения завязать такое важное дело: «Я на камушке сижу: на Очаков я гляжу». Можно считать вероятным, что Потемкину передали этот дерзкий ответ, осмеивающий бездействие князя¹.

Этот эпизод показывает, в какой степени в русском лагере недоставало единства мысли, дисциплины и доверия к главнокомандующему. Один из генералов самовольно решается на предприятие, которое могло удалиться лишь при дружном действии всех частей войска. Целые сотни солдат были загублены лишь для того, чтобы страшной опасностью принудить главнокомандующего к решительным действиям. Но и это не удалось.

Если бы Потемкин внял увещаниям, то, может быть, хотя и со значительной потерей, взял бы крепость; но он поступил иначе, и осада после этого продолжалась еще более четырех месяцев. А между тем штурм 27 июля, по всей вероятности, был бы менее кровопролитен, нежели штурм 6 декабря. Потемкин не воспользовался этой минутой, как говорит принц де Линь, потому что жалел солдат; но, кроме того, и самолюбие останавливало его. Если бы Очаков был взят 27 июля, это событие было бы приписано отваге Суворова, о котором Потемкин заметил незадолго перед тем, что тот «хочет все себе заgrabить». Теперь же Потемкин имел полное право обвинять Суворова, требовать от него отчета; он даже мог бы предать его военному суду за нарушение правил субординации. В страшном волнении он написал ему записку, наполненную упреками; почерк руки этой записки свидетельствовал о раздражении князя. Почти невозможно было разобрать написанного. «Солдаты, — писал Потемкин, — такая драгоценность, что ими нельзя бесполезно жертвовать. Ни за что ни про что погублено столько драгоценного народа, что весь Очаков того не стоит. Странно, что при мне мои подчиненные распоряжа-

¹ См. подробности этого дела у Петрушевского, I, 327.

ются движениями войска, даже не уведомляя меня о том»¹. Вскоре после того Суворов был опять ранен при взрыве в лаборатории и уехал после этого.

Осада и дальше шла вяло и неудачно. Потемкин не переставал ждать более благоприятных обстоятельств для решительных действий, а между тем капудан-паша Гассан постоянно имел сообщение с крепостью при помощи флота, «прилип к ней как банный лист», писал Потемкин к Румянцеву, или «как шпанская муха», сказано в письме князя к императрице². Туркам неоднократно удавалось высаживать войска для усиления очаковского гарнизона³. Осаждающие не имели возможности блокировать крепость; обвиняя Потемкина, между прочим, в том, что он не успел заблаговременно построить батареи на самом конце Кинбурнской косы. Де Линь заметил, что постройкой редутов и батарей заведовали низшие офицеры (*quelques subalternes*), малоопытные и незнакомые с делом. Начали уезжать люди более выдающиеся, как, например, Поль-Жонес, принц Нассау-Зиген. Принц де Линь также счел более удобным удалиться. Хотя отношения между ним и Потемкиным были довольно благоприятные, тем не менее вечный контроль со стороны австрийского полководца-дипломата был в тягость главнокомандующему. «Эти союзники, — писал он однажды, — мне очень надоели; они во все вмешиваются, хотят все знать, а затем критикуют и осуждают, не зная самого дела основательно»⁴.

Критиковали, однако, не только иностранцы, но и свои. В записках Ф.Н. Голицына, между прочим, сказано: «От нерешительности князя Потемкина и от пышной и сладострастной жизни его армия стала ослабевать. Наступила стужа... войско стало нуждаться в пище и претерпевать холод. Завелись наконец смертоносные болезни. Князь Репнин, видя такое неустройство

¹ Smitt. Suworow, 334; Полевой, 131. У Бантыш-Каменского другая записка Потемкина; см. «Словарь достопамятных людей», III, 315 и след.

² Петрушевский, I, 331. Дневник Храповицкого, 14 августа.

³ Сегюр. Записки, III, 360 и 441. «СПб. Ведомости», 1788, 1405.

⁴ Smitt. Suworow, I, 331.

и небрежение, решил его усювестить, написал ему письмо в твердых выражениях, где, между прочим, он ему вспоминает, что он за такое нерадение будет отвечать Богу, государю и отечеству. Крепость вскоре после того была взята приступом. Я слышал от самого командующего в ней трехбунчужного паши, которого мне случилось при проезде его через Москву видеть у князя Репнина, что гарнизон в крепости несколько раз почти начал бунтовать и что он удивляется, как не воспользовались осаждающие такими случаями. Вот каков был князь Потемкин, командуя армией»¹.

И по случаю рассказа об осаде Очакова, как и прежде по поводу замечаний о преобразованиях в войсках князь, Ю. В. Долгорукий резко осуждает образ действий Потемкина. Тут, между прочим, сказано: «Князь Потемкин все ездил в коляске: я его уговаривал, чтобы ехал верхом, даже подарил ему лошадь, очень смирную и по его росту. Он меня уверял, что в нужное время он сядет на лошадь», и проч. Далее говорится о лишенном основания предположении князя, что за Бугом очаковские турки сделают нападение на армию, о неудачных мерах, принятых князем, о том, что он много пил шампанского и венгерского вина и что «вздорные, ни к чему не ведущие операции» стоили множества людей и лошадей, и проч. После того как князь Ю. В. Долгорукий от скуки уехал в отпуск, «ералаш и беспорядки всей армии умножились, войско было доведено до отчаяния», и проч.²

Чрезвычайно рельефно очерчено в письме принца де Линя неотрадное положение в русском лагере под Очаковым. «Я уезжаю, — писал он в конце октября к императору Иосифу, — остаются только принц Ангальт и Василий Долгорукий. Теперь лишь благодаря какому-либо отчаянному подвигу можно будет овладеть Очаковым. Нужно же наконец избавиться от снега и грязи, в которые мы со дня на день все более и

¹ «Русский архив», 1874, I, 1280. К рассказу о заговоре Репнина в записках Тургенева («Русская Старина», 1887, LIII, 339—340) нужно относиться скептически.

² «Русская Старина», 1889, LXIII, 510—511.

более погружаемся. Браницкий уехал в свое поместье, Нассау — в Петербург, Ксаверий Любомирский и Соллогуб — в Польшу, другие генералы — Бог знает куда; им всем здесь было тошно (*ils sont tous degoutés*), и они почти больны...» В том же письме говорится далее: «Потемкин хотел взять турецкое судно, но не успел. Он весь день был в страшной меланхолии и ипохондрии и со мной обращался, даже в присутствии других лиц, весьма неласково. Вечером я с ним простился. Он был тронут, долго держал меня в объятиях и с трудом расстался со мной, вновь и вновь обнимая меня. Уезжая отсюда, я должен отдать полную справедливость хорошим качествам князя, его уму, любезности, такту (если он хочет показать оные), благородству, мужеству, великодушию и даже гуманности. Мы расстались неохотно. Но я не могу более вынести здешней жизни»¹.

Положение войска под Очаковым становилось с часу на час более и более отчаянным. Мокрая холодная осень сменилась лютой зимой, которая на долгое время осталась в памяти народной под названием Очаковской. Солдаты коченели в своих землянках, терпя страшную нужду в самом необходимом. Свищевствовали болезни. В Петербурге ходили слухи, что третья часть войска Потемкина сделалась жертвой болезней². Рассказывали, будто смертность доходила до того, что от одной стужи убывало до 30—40 человек в день³.

Современники противоречат друг другу. Энгельгардт писал: «Взятие Очакова стоило очень дорого; потеря людей была чрезвычайно значительна не убитыми, но от продолжительной кампании; зима изнурила до того, что едва четвертая часть осталась от многочисленной армии, а кавалерия потеряла почти всех лошадей»⁴.

¹ «Oeuvres», II, 81—83.

² Segur. «Tableau des principaux evenements», 160.

³ Петрушевский, 332. О значительном числе больных в лагере Потемкина писал и неизвестный автор письма (не Сегюр, как по ошибке сказано в журнале «Новь», XIV, 230), факсимиле которого помещено в этом месте.

⁴ Записки Энгельгардта, 72.

Самойлов же рассказывает: «Холод был необыкновенный, но войска ничего не терпели, солдаты в траншеях имели шубы, шапки и кенги, мясную пищу, винную порцию, пунш горячий из рижского бальзама, который пили офицеры и генералы»¹.

Едва ли можно сомневаться, что недостаток в припасах и морозы значительно содействовали решимости Потемкина взять Очаков приступом. Но была и другая причина: в Петербурге смотрели на него косо.

Мамонов говорил Гарновскому в начале октября: «Государыня недовольна: 1) что не присылают сюда журнал об осаде Очаковской; 2) что от его светлости в течение нынешнего года не было принесено поздравления ее императорскому величеству ни с одним из ее праздников, и наконец, 3) что от его светлости не воспоследовало ни малейшего отзыва о шпаге и золотом блюде, к нему посланных». О последнем обстоятельстве, по свидетельству Гарновского, Екатерина говорила камердинеру Захару: «Наша посылка как в воду впала»². Гарновский, сильно беспокоясь, писал Попову: «Кроме сих причин надобно быть еще другим, гнев такой водворившим. Через все лето государыня была хорошего расположения и претензии ее появились недавно. Я думаю, что во время графской (Мамонова) болезни злодеи его светлости успели что-нибудь внушить. В числе злодеев занимает не последнее место цесарский посол, беспрестанно и неусыпно в поисках коварных обращающийся. В то время носился в городе повсеместно слух, родившийся, по догадкам моим, в Мурине³, будто бы армия Екатеринославская, быв жестоко поражена очаковскими и капитан-пашинскими войсками, подвинулась семнадцать верст назад. Много было и теперь есть вранья, сему подобного, которым, яко ни малейшего внимания не стоящим, я вам не скупаю»⁴.

¹ Самойлов в «Русском архиве», 1867, 1251.

² В письме Екатерины к Потемкину от 10 октября упомянуто: «Что шпага и блюдо до тебя дошли, усматриваю из письма твоего от 29 сентября». «Сб. Исторического общества», XXVII, 524.

³ Имение графа А.Р. Воронцова.

⁴ «Русская Старина», XIV, 220—221.

И из дневника Храповицкого мы узнаем, что Екатерина была недовольна. Иногда случалось, что в донесениях князя, именно в то время, когда ежедневно ждали известий о взятии Очакова, не было ни слова об осаде. Императрица была в волнении и почти больна от ожидания. В начале ноября был отправлен рескрипт с советом князю взяться, наконец, за дело энергически¹. Державин уверяет, что в это время «при дворе были весьма дурные толки о Потемкине, и едва ему не отказано от команды»².

В письмах к князю Екатерина повторяла, что надеется на взятие крепости. «По взятии Очакова, — сказано в ее письме от 19 октября, — старайся заводить мирные договоры». В другом письме от 7 ноября говорится: «План осады открыл мне всю трудность, которую имеешь; умали Бог упорность гарнизона очаковского». 27 ноября: «Молю Бога, чтобы Очаков скорее сдался»³.

Гарновский желал взятия Очакова особенно потому, что приезд князя в столицу казался ему крайне нужным для восстановления авторитета его при дворе. «Все со всякой всячиной лезут, — писал он уже в сентябре. — Пусть так будет до приезда его светлости, дабы и злодеи его почувствовали перед ним свое ничтожество. Но после взятия Очакова, в чем Бог да поможет, здесь его светлости, конечно, быть необходимо нужно и для себя, и для дел государевых и государственных». «Цесарские наемники, — жаловался Гарновский в октябре, — желая все дела решить так, как им хочется, стараются двор содержать в расположении, намерениям им соответствующих. Дай Бог, чтоб не сделали привычки решать дела сами собой». Далее Гарновский доносил о злостных замечаниях разных лиц, настроенных против Потемкина, например А.Р. Воронцова, Завадовского и других. Впрочем, Гарновский вскоре успокоился, узнав, что императрица сама желала видеть князя скорее⁴.

¹ Дневник Храповицкого, 8, 15, 26 октября, 4 ноября.

² Грот, I, 232.

³ «Сб. Исторического общества», XXVII, 527, 529, 531.

⁴ «Русская Старина», XXVI, 216, 222, 224, 227, 228.

Действительно, Екатерина писала Потемкину в этом смысле. Очевидно, князь, в припадке ипохондрии, изъявил желание удалиться от дел. Екатерина писала ему 7 ноября: «Если ты возьмешь покой, то о том весьма жалеть буду и приму сие за смертельный удар, тем паче, что через то меня оставишь посреди интриг, за что, думаю, от меня спасибо не ожидаешь; но я надеюсь, что когда все кончится благополучно, то, любя меня, что и сия мысль исчезнет, и будешь, как и был, вернейший». В приписке сказано: «Ничего на свете так не хочу, как чтоб ты мог по взятии Очакова и по окончании зимних распоряжений в течение зимы приехать на час сюда, чтоб, во-первых, иметь удовольствие тебя видеть по столь долгой разлуке, а второе, чтоб с тобой о многом изустно переговорить»¹.

Гарновский писал: «Дай Бог, чтоб его светлость поспешил, а то нужда в деловых людях». Говоря о только что приведенной записке Екатерины, Гарновский писал Попову: «Быть (князю) здесь непременно нужно. Сего требует странное дел течение и состояние государыни, смущенной в духе, подверженной беспрепятственным тревогам и колеблющейся без подпоры. Есть нужда, что, по прибытии сюда его светлости, пойдут дела по желанию его». Мамонов, опасаясь, что императрицей будет оказан Потемкину неблагоприятный прием, говорил Гарновскому: «Я боюсь, чтоб выговоры, если оные случатся, не удалили от дел государственных такого человека, которого государыня ничем на свете заменить не в состоянии будет, и отчего не последовало бы падение государства»².

Нет сомнения, что Потемкину хорошо было известно настроение умов в Петербурге. Его положение при дворе, дальнейшее доверие к нему Екатерины, награды, почести — все это зависело от взятия Очакова. Впрочем, и без того оказывалось невозможным откладывать штурм. 5 декабря дежурный генерал объявил князю, что на другой день нет более ни одного куска топлива; обер-провиантмейстер со своей стороны прибавил, что хлеба не хватит даже на один день.

¹ «Сб. Исторического общества», XXVII, 531.

² «Русская Старина», XIV, 228, 230—231.

Тогда Потемкин решился на штурм и велел обещать солдатам добычу, даже пушки и казну, которые будут взяты в Очакове. Началось ужасное кровопролитие... Есть предания, что Потемкин будто бы во все время штурма сидел на батарее, подперши голову рукой, и повторял постоянно: «Господи, помилуй»¹. И во время самого дела можно было сомневаться в успехе. После страшных усилий и потерь русские утвердились, наконец, в крепости. Грабеж и кровопролитие продолжались три дня. Добыча была громадна. На долю Потемкина достался, между прочим, великолепный изумруд величиной с куриное яйцо, который он подарил Екатерине². Об обращении Потемкина с пленным Гусейн-пашой существуют различные предания. Самойлов утверждает, что князь вел себя весьма благородно, признавая, что паша не мог сдаться добровольно. По другим сведениям, Потемкин, увидев пашу, грозно закричал на него, упрекая его в упрямстве, которое сделалось причиной ужасного кровопролития³.

Известному художнику Казанове Потемкин поручил написать две картины, изображающие штурм Очакова. Одна была назначена для графини Браницкой, другая — для столовой в Таврическом дворце⁴.

Известие о взятии Очакова произвело в Петербурге глубокое впечатление. Каждый понимал, что это событие имело важное политическое значение. Существует современная гравюра, на которой изображена осада этой крепости. Над ней надпись: «Gute Nacht, Krim! Oczakow ist durch Potemkin gefallen. Darob der Halbmond erbebt und zittern die Mauern Stambuls»⁵.

¹Надеждин в «Одесском альманахе», 1839, 68.

²См. мою статью об осаде Очакова. Herrmann. «Erganzungsband, 654.

³«Русский архив», 1867, 1257; Smitt. Suworow, I, 348.

⁴Одна из этих картин была гравирована на стали; см. «Minerva», 1799, I, 173. Массон видел ее в Таврическом дворце («Memoires secrets», I, 98).

⁵«Новь», 1885, XIV, 229.

ГЛАВА VIII

События 1789 и 1790 годов

Во время осады Очакова Екатерина не переставала надеяться на полный успех. За несколько дней до взятия крепости она, в разговоре с Храповицким, выразила убеждение, что «Очаков лежит...» «Я знаю его (Потемкина), — прибавила императрица, — я знаю, что его честь требует этого»¹. По получении известия о взятии Очакова Екатерина была в восторге и писала Потемкину: «За ушки взяв обеими руками, мысленно тебя целую, друг мой сердечный». И дальше: «Всем ты рот закрыл, и сим благополучным случаем доставляется тебе еще способ оказать великодушные слепо и ветрено тебя осуждающим»².

Как было указано уже раньше, Екатерина неоднократно просила Потемкина по возможности избегать лишнего кровопролития. Почти накануне получения известия о взятии крепости императрица, узнав из перлюстрации, что принц Нассау-Зиген обвинял Потемкина в упущении удобного времени для решительных действий, заметила в беседе с Храповицким: «Это правда: я сама не велела идти на приступ для сбережения людей»³. Теперь

¹ «Je connais mon homme, je sais que son honneur y est attache». Дневник Храповицкого в ноябре 1788 г.

² «Сб. Исторического общества», XXVII, 536.

³ Дневник Храповицкого, 10 декабря 1788 г.

же, т.е. по получении известия о взятии Очакова, она писала (29 января 1789 года) к доктору Циммерману, защищая Потемкина от упреков в чрезмерной медлительности: «Князь предпринимал все способы так, как и должно, прежде нежели приступить штурмовать эту крепость. Удобнейшее время к этому, конечно, было то, когда лиман, покрывшись льдом, сделал приморскую сторону неприступной к доставлению помощи осажденным, сверх же того, и по взятии города давал время взять нужные предосторожности для будущего. Но нетерпеливость горячих голов и молодых храбрых людей, также полуголов, не видящих далее своего носа, трехчетвертных голов, толкующих криво, завистников, врагов явных и тайных, все это в подобном случае, конечно, есть дело самое неприятное, и от всего этого чрезвычайно много должны были терпеть твердость и постоянство фельдмаршала. В моих глазах делает ему честь величайшую то, что он в числе других великих и похвальных качеств имеет еще и способность прощать неприятелям, делать им добро и таким образом умеет торжествовать над своими противниками. Теперь говорят, что он мог взять Очаков раньше; это правда; но теперь это было удобнее, чем когда-либо»¹.

Также и Самойлов защищает Потемкина против упрека в нерешимости, излагая подробно причины, заставлявшие князя откладывать приступ². Князь сам в беседе с Сегюром оправдывался указанием на разные затруднения, доказывая, что он сделал все, что было возможно³. Энгельгардт, напротив, утверждал, что расчет для сбережения людей был неверным и «филантропия не всегда бывает кстати»⁴.

После штурма Очакова князь отправился в Херсон для распоряжений по части кораблестроения. Затем он поехал в Петербург. Екатерина писала ему 21 января 1789 года: «Сколько ни желаю тебя видеть после долгой разлуки, однако я весьма тебя хвалю за то, что ты не отлучился, пока все нужные и надобные

¹ Marcard. «Zimmermanns Verhältnisse mit der Kaiserin Catharina II». Bremen, 1803, стр.381.

² «Русский архив», 1867, 1260.

³ Segur. Memoires, III, 451.

⁴ Записки Энгельгардта, 72.

распоряжения не окончил... Доезжай до нас с покоем, побереги свое здоровье и будь уверен, что принят будешь с радостью, окончив столь славно и благополучно столь трудную кампанию»¹.

Из писем Гарновского мы узнаем, в каком настроении находилась императрица в это время по отношению к князю. Ей хорошо было известно, что он не разделял ее ненависти к Пруссии. Она опасалась объяснений с Потемкиным по этому вопросу. Гарновский писал 3 января 1789 года: «Иногда, помышляя о приезде его светлости, (государыня) тревожится. Сильно хочется удержать теперешнюю политическую систему, говоря, что и его светлость опрокинуть оную не сможет; но все это, как мне кажется, не изъявляет твердости, чтоб системы переменить нельзя было, а посему и приезд его светлости тревожит».

Во всяком случае, приезд князя был предметом многих разговоров. Гарновский весьма рельефно описывает настроение умов в это время: «Да и вообще я, — писал он, — что до приезда его светлости сюда касается, то у нас теперь такое время, каковому, по писаниям, надлежит быть при втором пришествии. Стоящие ошую трепещут, одесную же радуются, судимы будучи без суда каждый плодами дел своих. Венской² ходит, прижавши хвост, который приподнять обещает французской³, надеясь на прежний свой кредит у его светлости. Что же касается до прусского и английского, то эти ожидают его светлость нетерпеливо. Фрезер, напившись допьяна на балу у Льва Александровича (Нарышкина), при питии здоровья его светлости, прокричал, что более всего делает чести победителю Очаковскому, это то, что разогнал из армии принцев де Линьев, принцев Нассавских и Павлов-Жонесов и взял город без их советов». Сообщив в январе, что императрица с часу на час ожидает приезда князя, Гарновский писал 3 февраля: «Весь город ожиданием его светлости встревожен. Теперь, кроме касающихся до этого разговоров, других нигде не слышно. Государыня в ожи-

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 3.

² Кобенцель.

³ Сегюр.

дании сильно скучает. «Боже мой, как мне князь теперь нужен!» (слова Екатерины). Третьего дня вот какой был, между прочим, разговор с Захаром. Государыня: «Скажи, пожалуй, любят ли в городе князя?» Захар: «Один Бог да вы». Получив этот ответ, призадумавшись, промолчала, потом, сказав Захару «прощай», размышляя прогуливалась по Эрмитажу. Цесарское посольство хотя и продолжает к его светлости свою ненависть, но, однако же, прибытия его страшится, опасаясь в политической системе перемены¹.

Внимательно следя за путешествием князя в Петербург, императрица писала ему между прочим 2 февраля: «Переезд твой из Кременчуга в Могилев был подобен птичьему перелету, а там удивишься, что устал; ты никак не бережешься, а унимать тебя некому; буде приедешь сюда больной, то сколько ни обрадуюсь твоему приезду, однако при первом свидании за уши подеру — будь уверен; морщись как хочешь, а со здоровьем не шути; вот какая у нас готовится встреча победителю!»².

Императрицу занимали в это время приготовления к приему Потемкина. Она приказала не давать сочиненную ею оперу «Горе-Богатырь» в театре до приезда князя. 26 января она сказала Храповицкому: «Князю Орлову за чуму³ сделали мраморные ворота; графу Румянцеву были поставлены триумфальные в Коломне, а князю Г.А. Потемкину совсем забыла». Храповицкий ответил: «Ваше Величество так его знать изволи-те, что сами никакого с ним расчета не делаете». Государыня: «То так, однако же, все человек; может быть, ему захочется». К этому рассказу Храповицкий прибавляет: «Приказано в Царском Селе иллюминировать мраморные ворота и, украся морскими и военными арматурами, написать в транспаранте стихи, которые выбрать изволила (императрица) из оды на Очаков Петрова. Тут при венце лавровом будет в верху: «Ты в плесках увидишь в храм Софии». Затем слова Екатерины: «Он

¹ «Русская Старина», XVI, 234—236.

² «Сб. Исторического общества», XLII, 6.

³ Т.е. когда Орлов, побывав в Москве во время чумы, возвратился в столицу в 1771 году.

(Потемкин) будет в нынешнем году в Царьграде; о том только не вдруг мне скажите»¹.

Гарновский сообщает также некоторые любопытные подробности о приготовлениях к приезду Потемкина: «Г. Завадовский, услыша о надписях, сочиненных государыней на воротах, сооруженных в Софии в честь грядущему с полудня на север победителю, пожавши плечами, покиваше по-словенски и главою». В письме Гарновского к самому Потемкину также говорится о триумфальных воротах с надписью, сочиненной самой императрицей, а далее прибавлено: «Слышно также, что от великого князя дано повеление батальону и наследникову кирасирскому полку встретить вашу светлость с почестями, принадлежащими фельдмаршалу»².

И из других источников мы узнаем о внимании, которое петербургское общество тогда обращало на предстоявший приезд в столицу князя Потемкина. К Державину писали об этом Н.А. Львов, А.И. Терской, С.М. Лунин, Савинский, А. Грибовский и прочие³.

О впечатлении, которое производил Потемкин во время этого путешествия в Петербург, и о почестях, с которыми его всюду встречали, сохранились случайно довольно любопытные данные. На пути он останавливался, между прочим, в Харькове и в Могилеве. В воспоминаниях Ф.П. Любожанского говорится: «В Харькове удалось мне видеть князя Потемкина-Таврического в поездку его в столицу по взятии Очакова. На другой, по приезде, праздничный день ожидали князя в собор... Светлейший пришел уже после «Достойно» и остановился не на приготовленном для него седалище под балдахинном, а с правой стороны амвона, посреди церкви, взглянул вверх во все четыре конца. «Церковь недурна», — сказал он вслух губернатору Кишенскому, вслед за тем одной рукой взял из кармана и нюхнул табаку, другой вынул что-то из другого кармана, бросил в рот и жевал;

¹ Дневник Храповицкого, 25, 26 января.

² «Русская Старина», XVI, 236.

³ Грот. Державин, V, 727—745.

еще взглянул вверх; царские врата отворились, повернулся — в экипаж и уехал. Был он с ног до головы в таком виде: в бархатных широких сапогах, в венгерке, крытой малиновым бархатом с собольей опушкой, в большой, сверх того, шубе из черного меха, крытой шелковой же материей, с белой шалью около шеи, с лицом, по-видимому, неумытым, белым и полным, но более бледным, чем свежим, с растрепанными волосами на голове; показался мне Голиафом»¹.

Другой современник рассказывает о пребывании Потемкина в Могилеве: «В день его приезда все власти за несколько часов собрались в доме губернатора и ожидали тут прибытия князя. Целый день звонили в колокола, и жители города вышли на шкловскую дорогу, по которой он должен был приехать, предшествуемый городскими знаменами... Около семи часов перед губернаторским домом остановились его сани. Из них вышел высокого роста и чрезвычайно красивый человек с одним глазом. Он был в халате, его длинные, нерасчесанные волосы, висевшие в беспорядке по лицу и плечам, доказывали, что человек этот менее всего заботился о своем туалете. Маленький беспорядок, происшедший в его одежде при выходе из саней, доказал всем присутствующим, что он забыл облачить ту часть одежды, которую считают необходимой принадлежностью костюма; он обходился без нее во все время пребывания в Могилеве и даже при приеме дам. Будучи ростом в пять фут и десять дюймов, этот красивый брюнет имел тогда лет около пятидесяти. Лицо его само по себе довольно кроткое, но когда, сидя за столом, он смотрит рассеяно на окружающих и, занятый в то же время какой-нибудь неприятной мыслью, склонит голову на руку, подперев ею нижнюю челюсть, и в этой позе не перестает смотреть своим единственным глазом на все окружающее, тогда сжатая нижняя часть его лица придает ему отвратительное, зверское выражение. Войдя в переднюю губернатора, где все ожидали его, Потемкин остановился возле наместника, принявшего его по выходе из саней. Тогда ему были представлены все сословия, и каждое приветствовало его речью. Приветствия были так же

¹ «Русский архив», 1872, 103—104.

длинные, как короткие были его ответы, ограничивавшиеся, впрочем, одним благосклонным наклоном головы; тем не менее церемония эта длилась более двух часов, а по окончании ее Потемкин вошел в залу наместника, который стал возле него, между тем как князь сел перед столом, приняв вышеописанную позу. Мы простояли вдоль стен залы еще более двух часов. Князь все это время не открывал рта и не подымал головы, как с тем, чтобы проглотить большой стакан кислых щей, который ему подносили каждые четверть часа. Мне сказывали, что этот напиток, приготовленный для него необыкновенно густым, служил для него питьем и пищей, и он выпивал его в день до пятнадцати бутылок. — На следующее утро все снова собрались в губернаторскую залу, где наместник стоял вместе с другими, между тем как князь, сидя по вчерашнему перед тем же столом, провел несколько часов, не подавая других признаков жизни, как дергая время от времени за звонок, причем адъютант его или сам наместник входил за приказанием. Около полудня нас уведомили, что его светлость скоро выйдет. Действительно он показался, прошелся два или три раза по зале, осмотрел всех и каждого и, не сказав ни слова, возвратился через несколько минут на свое место. Тогда начались представления всех тех, кто имел к нему просьбы или желал сказать ему приветствие. В числе их было несколько поэтов, которые поднесли ему стихи на различных языках». Между этими поэтами находился и сам автор, которого поэтому пригласили на обед у князя. Он рассказывает: «К величайшему моему удивлению, князь сел обедать вместе с нами и разговаривал довольно весело с наместником. Он был по-вчерашнему в халате и, как я полагаю, был и внизу одет точно так же, как и вчера... Во время трехдневного пребывания Потемкина в Могилеве были употреблены все усилия, чтобы развлечь его; человек, присутствующий на танцах в халате, по-видимому, вовсе не сочувствует подобного рода увеселениям... Князь Потемкин имеет двести тысяч душ крестьян: этого с лишком достаточно для человека, который пьет только кислые щи и не платит никому долгов»¹.

¹ «Русская Старина», XXII, 331—333.

Такие же сцены происходили и в Петербурге, куда князь прибыл 4 февраля вечером. На другой день, как писал Савинский Державину, «весь город был, т.е. из знатных, на поздравлении его светлости»¹. И тут ему подносили стихи, в которых поэты восхваляли его подвиг, взятие Очакова. Державин, находившийся в то время в Москве, по совету Львова сочинил оду — «Победителю»². Во время пребывания князя в Петербурге, откуда он выехал в начале мая, был нарисован его портрет одним русским художником³. Тогда же он получил от императрицы щедрые награды, повелительный жезл, медаль, похвальную грамоту и 100 000 рублей на достройку дома⁴.

О деятельности князя во время пребывания в Петербурге сохранились лишь отрывочные данные. Главным его занятием, как кажется, были беседы с императрицей о вопросах внешней политики. Дела Польши, Дании, Швеции, Англии и проч. служили предметом этих разговоров. Рассказывали, между прочим, что князь старался внушить Екатерине некоторую уступчивость в отношении к Швеции. Так, например, он уверял ее, что не следует слишком надеяться на представителей оппозиции против Густава III⁵. После того как он, на второй день по прибытии в столицу, присутствовал на представлении в эрмитажном театре оперы «Горе-Богатырь», в которой был осмеян шведский король, он советовал не выпускать в свет этого сочинения и не давать этой пьесы в публичном театре⁶.

Сохранились такие записи императрицы, из которых видно, что Екатерина не без раздражения говорила о Пруссии, между тем как князь старался успокоить ее, причем разногласие привело даже и к недоразумениям. Екатерина писала, между прочим: «Что ты пишешь об усердии, о том спора нет, но как мной

¹ Грот. Державин, V, 746.

² Там же, I, 231. VIII, 575.

³ «Russische Gunstlinge», 389.

⁴ Дневник Храповицкого, 14 апреля 1789 г.

⁵ «Minerva», 1798, IV, 93.

⁶ Дневник Храповицкого, 5 и 6 февраля 1789 г.; «Minerva», 1799. II, 75.

сделано все возможное, то мне кажется, что с меня и более требовать нет возможности, не унижая достоинства, а без этого ни жизни, ни кроны мне не нужно». И дальше: «Я гневных, друг мой, выражений с тобой, кажется, не употребляла, а что оскорбления короля прусского принимаю с нетерпением и с тем чувством, которое прилично, за это прошу меня не осуждать; ибо я б не достойна была своего места и звания, если б я этого чувства в своей душе не имела»¹.

Было и другое недоразумение между князем и императрицей. Он требовал коренных реформ во флоте и армии, а Екатерина писала ему: «Касательно артиллерии скажу, что теперь весьма трудно в ней сделать перемену... Бога для, на теперешний случай и когда так близко возле столицы теперь войны, оставь вещи как есть; теперь ли время завода и перемен частей. Награждение я тебе с радостью уделю; но от этого, любя меня, теперь откажись» и проч.²

Безбородко считал Потемкина гораздо более полезным государственным деятелем нежели способным военачальником. Поэтому он желал приезда князя в Петербург, ожидая, что военные действия на юге без него пойдут успешнее, «многое скорее и решительнее потекло бы его содействием»³. И правда, разные бумаги и распоряжения, относящиеся ко времени пребывания Потемкина в Петербурге, доказывают, что он в это время не был праздным. Им была составлена записка о вылитии «единорогов» и mortar для финляндской армии, а также план будущей кампании против шведов⁴; он беседовал с Екатериной о вопросах военной администрации и проч. Иногда она хвалила его, но иногда и жаловалась на его же медленность⁵. Особенно

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 2—3. См. также соч. Гельбига в журнале «Minerva», 1798. IV, 81.

² Там же, 9.

³ См. письмо Безбородки к С.Р. Воронцову в «Архив кн. Воронцова», XIII, 144.

⁴ «Русский архив», 1865, стр. 725.

⁵ Дневник Храповицкого, 7, 16, 17, 18 марта. См. также о занятиях князя рассказ Самойлова в «Русский архив», 1867, 1537—1538.

подробно в беседах императрицы обсуждался план военных действий против турок в предстоявшей кампании, причем Екатерина вызывала мысль об оторвании Румянцева и о поручении Потемкину обеих армий, «дабы согласно дело шло»¹.

После того как князь 5 мая покинул столицу, он с дороги неоднократно писал Екатерине. 13 мая она писала ему между прочим: «Ты летаешь, а не ездешь; жаль мне только то, что не наблюдаешь моего предписания касательно сбережения твоего здоровья, а приедешь на место, буде не совсем болен, по крайней мере замучен... За апельсины благодарствую». В письме 16 мая говорится: «Вижу, что хлопот у вас без счета по причине прокормления армии, однако надеюсь, что ты из них выпутаешься. Неудивительно, что ты дорогой измучился по твоей езде... Спасибо тебе, что так часто пишешь». 31 мая: «Дай Боже королям шведскому и прусскому ногтоедицу на каждом пальце, а чтоб твои пальцы перестали болеть. Не опасайся, не забуду тебя. Что часто пишешь, тем самым успокаиваешь мой дух...» 20 июля: «Жалею очень, что ты замучился, ездя повсюду; молю Бога о твоём здоровье и надеюсь, что по твоему благому обыкновению преодолешь все затруднения; желаю тебе счастья и удачи»², и т.п. Во все это время императрица писала подробно и о делах политических, о военных действиях против шведов, о Пруссии и проч.

В переписке Екатерины с Потемкиным летом 1789 года занимал довольно видное место эпизод с Мамоновым. Как было уже сказано раньше, Гарновский не без основания считал фаворита ревностным сторонником интересов князя. Мы не знаем, каковы были отношения Мамонова к Потемкину во время пребывания последнего в Петербурге. Ходили слухи о каких-то интригах Мамонова, направленных против князя³. Храповицкий рассказывает, что Потемкин, вскоре после приезда в Петербург, по случаю спора между Мамоновым и императрицей «миротворствовал»⁴.

¹ «Русская Старина», XVII, 26.

² «Сб. Исторического общества», XLII, 11—16.

³ Записки Ф. Голицына в «Русском архиве», 1874, I, 1329.

⁴ Дневник Храповицкого, 12 февраля 1789 г.

Летом 1789 года Екатерина узнала, что фаворит был давно влюблен в княжну Щербатову. Она тотчас же уволила его от должности при дворе, женила его на этой фрейлине и отпустила обоих в Москву.

Неоднократно императрица писала к князю об этом эпизоде, сильно ее огорчившем.

Мамонов сам при этом случае сильно волновался, зная, что Потемкин будет очень недоволен его образом действий. Он говорил Гарновскому: «Я князю (Потемкину) более не надобен, сколько я мог заметить из его речей; что же мне оставалось? В противном случае, может быть, я бы и никогда не открыл своей страсти или, по крайней мере, долго бы ею мучился. Дай Бог, чтобы это не потревожило князя. Просите его светлость (тут он заплакал), чтобы он был навсегда моим отцом. Мне нужны его милости и покровительство, ибо со временем мне, конечно, будут мстить». В письме к князю Мамонов старался всячески оправдать свой поступок¹.

И Потемкин от удаления Мамонова не без основания ожидал для себя неприятностей, хотя, по-видимому, императрица во все это время была довольна Потемкиным и его деятельностью. Она в письмах к князю не переставала утешать и хвалить его. В письме от 9 июля он жаловался на коварство Пруссии. Она отвечала ему 24 июля: «Что враги России и мои равномерно и тебе ищут делать досады, этому дивиться нечему; ибо ты им опаснее всех по своим качествам моей к тебе доверенности». В других письмах: «Дай Боже тебе успехи и победы, чего заслуживаешь своими качествами, усердием ко мне и к общему делу, своим рвением и трудами. Твоими распоряжениями я весьма довольна... Я тебя люблю всем сердцем как искреннейшего друга. В тебе одном более ревности к общему делу и к моей службе, нежели в прочих, и ты же замысловатее. Прошлогодняя кампания оправдала совершенно мои о тебе мысли и доверенность». Посылая ему медали с его портретом, она писала ему: «Я в них любовалась как на образ твой, так как и на дела того человека, в котором я никак не ошиблась, зная его усердие и рвение ко

¹ Гарновский в «Русской Старине», XVI, 400, 403.

мне и к общему делу, совокуплено с отличными дарованиями души и сердца». В другом письме: «Я хочу, чтобы ты был в веселом расположении, а не смотрел сентябрем; также и я не люблю, когда ты морщишься»¹.

Частые и подробные письма императрицы к Потемкину в это время заключают в себе изложение политических дел. Сообщая князю о всем происходившем, Екатерина давала ему инструкции, спрашивала его советов и проч. Хотя она и знала о кое-каких недостатках военной администрации в украинской армии², но все же была очень довольна князем. «Его щегольская кампания какое занимает пространство!» — сказала она с восторгом в сентябре³. Дело в том, что она приписывала ему важную долю в успешных военных действиях и тогда он не оказывал непосредственных услуг и держал себя в стороне.

Современники-специалисты, а также и позднейшие историки, исследовавшие военные действия 1789 года, находили, что и эта кампания служила доказательством очень посредственных способностей Потемкина. Целью кампании было занятие целого ряда укрепленных мест в пограничных пределах Турции. Нанесением ударов турецким войскам можно было принудить Порту к заключению мира. Кроме военных действий, впрочем, Потемкин старался пустить в ход еще другие средства. Продажность турков доставляла князю возможность, по крайней мере, узнавать подробно о планах Турции, о предполагавшихся военных операциях, о настроении умов в серале⁴. Он старался даже, как рассказывали, подкупить султаншу-валиде и капудан-пашу⁵. Гельбиг пишет о сотнях тысяч рублей, отправленных в Константинополь по предложению Потемкина, и о разных драгоценных

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 23—36.

² Дневник Храповицкого, 7 июля 1789 г.

³ Там же, 12 сентября 1789 г.

⁴ «Русский архив», 1866, 1577 и след. Письмо Булгакова к князю от 21 января 1789 г.

⁵ Надеждин в «Одесском альманахе», 1839, 71.

подарках, которыми он старался действовать на турецких министров¹.

Что касается стратегической деятельности Потемкина, то он прежде всего заботился о пополнении убылей в своей армии для предстоящей кампании². Далее он успел лишить Румянцева значения и влияния на ход дел. Румянцев не был явно подчинен Потемкину, но должен был все действия своей армии согласовывать с операциями армии Потемкина и был от них в полной зависимости. Трудно сказать, насколько справедлив упрек некоторых писателей в том, что Потемкин настраивал императрицу против Румянцева³. Нам кажется вполне вероятным, что Екатерина, ограничивая значение последнего, действовала независимо от внушений Потемкина; но тем не менее Потемкин сделался главнокомандующим всеми войсками. Румянцев оставался праздным. Князь Репнин, сменивший Румянцева, поступил под начальство Потемкина. Последний, однако, не играл важной роли в войне, так как Суворов был главным героем похода 1789 года. До чего доходил в это время авторитет Потемкина, видно из рассказа Энгельгардта, относящегося к тому времени, когда Румянцев, прекративший свою деятельность, жил около Ясс в Жижге: «Генералы из подлости и раболепства редко посещали графа (Румянцева), да и то самое малое число. Один только Суворов оказывал ему уважение, посылая к нему курьеров, как бы он еще командовал армией»⁴.

Потемкин со всей армией медленно шел к Днестру; великому визирю удалось военными действиями ввести Потемкина в заблуждение, и он без всякого основания ожидал открытия турками действий со стороны Бессарабии и против Крыма. Суворов же в это время одерживал блистательные победы. Обманутый

¹ «Minerva», 1799, II, 407 и 413.

² Петров, II, 9.

³ Там же, 23—25; «Minerva», 1799, II, 408. О том, как Потемкин вредил Румянцеву, рассказывает в своих записках князь Ю. В. Долгорукий в «Русской Старине», 1889, LXIII, 512, причем замечено: «Кажется, судьба его возвела всех отменных людей вытеснять».

⁴ Энгельгардт, 82.

операциями великого визиря, князь не знал приступить ли ему к осаде Бендер или нет, между тем как, по мнению специалистов, он должен был вместо поездки в Херсон и Очаков, вместо военных действий около Бендер участвовать в главных операциях Репнина и Суворова¹.

Главная квартира Потемкина летом 1789 года была в Дубосарах. «Ставка его, — писал очевидец, князь Ю.В. Долгорукий, весьма похожа была великолепием на визирскую; даже полковник Боур насадил вокруг нее сад в английском вкусе. Капельмейстер Сарти с двумя хорами роговой музыки и прочих многих музыкантов нас ежедневно забавлял. Казалось, что светлейший князь тут намерен был оставаться навсегда»². Энгельгардт тоже рассказывает, что «главная квартира (Потемкина) отличалась против бывшей под командой графа Петра Александровича (Румянцева). Множество приехало жен русских генералов и полковников; беспрестанно были праздники, балы, театр, балеты». Упомянув о Сарти, всегда бывшем при князе, Энгельгардт замечает: «Он положил на музыку победную песнь «Тебе, Бога, хвалим» и к оной прилажена батарея из десяти пушек, которая по знакам стреляла в такт; когда пели: «свят! свят!» — тогда производилась из оных орудий скорострельная стрельба»³.

В сентябре Потемкин был обрадован известием о победе при Рымнике. Он писал Суворову: «Объемлю тебя лобызанием искренним и крупными словами свидетельствую мою благодарность. Ты во мне возбуждаешь желание иметь тебя повсеместно», и проч.⁴. Он же просил Екатерину наградить Суворова беспримерно щедро. Недаром впоследствии Суворов хвалил Потемкина в самых восторженных выражениях. В письме к Екатерине он называл Потемкина «великодушным начальником» и «великим мужем». В письме его к Попову сказано: «Долгий век князю Григорию Александровичу; увенчай его Господь

¹ См. соч. Петрова, II, 44—53, и соч. Петрушевского I, 348.

² «Русская Старина», XIV, 218.

³ Энгельгардт, 81.

⁴ Петрушевский, I, 362.

Бог лаврами, славой; великой Екатерины верноподданные да питаются от тука его милостей. Он честный человек, он добрый человек, он великий человек. Счастье мое за него умереть»¹.

Екатерина была в восхищении от известий о Рымникской битве. Хотя Потемкин в ней не принимал участия, она писала ему: «Если бы ты был здесь, то бы я, взяв тебя за ушки, поцеловала, а теперь заочно премного благодарю... Ты, право, умница; спасибо, мой фельдмаршал, что дела ведешь умно и с успехом... я нахожу тебя очаровательным»².

И битва при Фокшанах, в которой Потемкин также не принимал участия, была очень выгодной для князя. Гарновский писал: «Государыня от радости плакала; к его светлости обращена была первая благодарность в присутствии многих придворных особ». И дальше: «Никогда двор и столица не имели такого к его светлости почтения, как теперь; кто предан, тот говорит громко, а чье сердце наполнено ядом, тот молчит»³. Несколько позже он же писал: «Дай Боже, чтоб его светлость был навсегда в таком искреннем почтении у двора и публики, как теперь... Никогда государыня не была лучше расположена к его светлости, как теперь; в день воспоминает его раз по несколько и весьма его здесь видеть желает». В начале сентября Гарновский писал: «Шубину приказано вырезать из мрамора бюст его светлости». Рассказав далее о приказании Екатерины приготовить к приезду князя покои его и «одеть спальню и предспальню белым штофом, каковым одеты некоторые комнаты у государыни и у Зубова», Гарновский замечает: «Не проходит того дня, чтоб государыня не занималась его светлостью и весьма его светлость видеть желает». 18 сентября: «Государыня приказала спешить с убранством покоев его светлости»⁴.

Около этого времени императрица писала Потемкину: «Покои твои я приказала убрать почище; я по ним проходилась

¹ Петрушевский, I, 364.

² «Сб. Исторического общества», XLII, 37—38.

³ «Русская Старина», XVI, 410—411, 413.

⁴ Там же, 415—419.

и нашла, что они так замараны и так гадки, что полководца прославившегося в оные ввести непристойно, а полюбится ли тебе, как я их прибрать велела, не ведаю; для меня не дурно, но, зная твой вкус, опасаясь, что тебе не понравится, но как бы то ни было, они красивее землянки, либо палатки. Прощай, мой друг, я тебя очень люблю». После занятия Анкермана Потемкиным — город сдался без боя — императрица писала: «Знатно, что имя твоя страшно врагам, что сдались на дискрецию, что лишь показался. Спасибо тебе и преспасибо; кампания твоя нынешняя щегольская». Далее: «Постарайся, мой друг, сделать полезный мир с турками... После нынешней твоей кампании сего ожидать можем. Помоги тебе Господь Бог сам взять Бендеры. Посылаю тебе гравированный портрет с резного камня Очаковского победителя... Что ты замучился, о том жалею; побереги свое здоровье; ты знаешь, что оно мне и государству нужно... Бога прошу, да поможет тебе взять Бендеры, а наипаче без потери людей и если пачи чаяния, чего Боже сохрани, недостаточно где было пропитания или провианта, так чтобы с неба шел хлеб и сухари, как дождик». Из писем Екатерины можно видеть, как высоко она в это время ценила князя и постоянно обращалась к нему с разными вопросами. 18 октября она не менее четырех раз писала к нему¹.

Город Бендеры также сдался Потемкину без кровопролития. Тут князь обнаружил не столько военные, сколько дипломатические способности. Он вел переговоры о сдаче крепости ловко и успешно. Считали возможным, что и тут он действовал подкупом. Суворов, поздравляя Потемкина, заметил, что в том столетии ни одна турецкая важная крепость «не сдалась русским так приятно»². Впрочем, до сдачи крепости происходила перестрелка, и Самойлов рассказывает о следующем случае. Ядро большого калибра упало близ князя и осыпало его землей; не сделав ни малейшего движения, Потемкин продолжал свои наблюдения и, за-

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 39, 42, 43, 45.

² Петрушевский, I, 366. Подробности о переговорах см. в соч. Петрова, II.

метив тревогу среди окружавших его, сказал: «Что это? Неужели вы думали, что по нас и стрелять не будут?»¹

Потемкин подробно известил Екатерину о ходе дела и какие им были приняты меры, чтобы довести турок до сдачи крепости². Екатерина писала ему: «Недаром я тебя люблю и жаловала: ты совершенно оправдаешь мой выбор и мое о тебе мнение; ты отнюдь не хвастун и выполнил все предположения, и цесарцев выучил турок победить. Тебе Бог помогает и благословляет; ты покрыт славой; я посылаю тебе лавровый венец, который ты заслужил, но он еще не готов. Теперь, мой друг, прошу тебя, не спесивься; не возгордись, но покажи свету великость своей души, которая в счастьяи столь ненадменна, как и не унывает при неудаче. Нет ласки, друг мой, которую бы я не хотела сказать тебе; ты очарователен тем, что взял Бендеры без потери хотя бы одного человека. Усердие и труд твой умножили бы во мне благодарность, если б она и без того не была такова, что увеличиться уже не может». В другом письме: «За Бендеры скажу еще раз спасибо... желаю, чтоб Христос тебе помог заключить честный и полезный мир... Покоряя Бендеры, ты увенчал дело настоящей кампании... Охотно я пропою тобой сочиненную песню:

Nous avons pris neuf lancons
Sans perdre un garçon
Et Bender avec trois pachas
Sans perdre un chat³».

«Я рада тебя видеть в столь хорошем расположении духа; это и неудивительно после блистательной кампании».

Вероятно, Потемкин в своем письме к Екатерине сделал за-

¹ «Русский архив», 1867, 1565.

² Там же, 1865, стр. 367. Судя по рассказам Ю.В. Долгорукого («Русская Старина», 1889, LXIII, 512—514) все было сделано без всякого участия Потемкина. «Я был им очень доволен, — сказано тут, — что он ни во что не вступался».

³ Т. е. мы взяли десять баркасов, не потеряв ни одного молодца, и Бендеры с тремя пашами, не потеряв kota.

мечание, что покои, приготовленные для него императрицей, слишком роскошны. В ответ на это сказано в ее письме: «Господин монах, прошу не монашествовать; вот что я отвечаю на слово «келья» по поводу твоих комнат, которые я с особенным удовольствием украшаю. После мира отдохнешь, и Бог подкрепит твои силы телесные и душевные»¹.

Скоро после этого стало известно, что Потемкин не намеревался приехать в Петербург².

Екатерина и Зубов всячески ласкали в то время Потемкина. Зубов послал князю в подарок книги. Императрица для него велела сделать драгоценную шляпу и разные другие вещи, которые ценили в 40 000 рублей. «Имя его светлости прославляется повсеместно», — писал Гарновский Попову³. В начале октября императрица писала Потемкину: «Посылаю тебе аптеку целую моих лекарств и желаю от всего сердца, чтоб тебе в оной никакой нужды не было... Вторая посылка есть лисья шуба да соболья шапка, чтоб тебе холод не вредил; носи на здоровье. Лавровый венец еще недели через две поспеет». В письме ее от 20 декабря сказано между прочим: «Ты дивисься моему совету, чтоб ты не заспесивел; вот какво писать за тысячу верст; если бы я с тобой говорила в ту минуту на словах, то б ты, поцеловав руку у меня, расстался бы со мной со слезами радости. Как мне тебе не сказать: не заспесивься, видя тебя покрытым успехами, коими тебя Бог благословит. Душа моя, исполненная радостью, хочет лишь одного: выразить желание, чтобы ты избег единственной вещи, которая могла бы повредить величию твоей души. Узнай в этом одну только материнскую к тебе дружбу. Кто более тебя заслуживает посылаемый тебе венец лавровый? Прими и носи его, если возможно, сто лет. Разумеется, что епископской митры ты от меня никогда не получишь и монастырь никогда не будет жилищем человека, имя которого раздается в Азии и в Европе: он слишком мал для него».

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 46—49.

² Дневник Храповицкого, 23 декабря 1789.

³ «Русская Старина», XVI, 421—423.

10 января 1790 года: «Ты меня благодаришь с таким чувством, что до слез тронута была; дай Бог тебе соединить к победам имя миротворца... Жалею весьма, что рука у тебя так сильно болит (следуют разные советы, как лечить ее камфорной мазью, мыльным спиртом и проч.). Как тебе Бог даст заключить мир, то ты будешь благословен в мужах».

Рескриптом от 10 января 1790 года Екатерина дала князю титул гетмана казацких Екатеринославских и Черноморских войск¹. По этому поводу заслуживает внимания следующее письмо Гарновского к Попову от 21 марта 1790 года: «О пожаловании его светлости гетманом великим никто здесь, кроме графа Александра Андреевича (Безбородко), не знал до тех пор, пока с сим известием не приехал от вас курьер. Какое было удивление в Совете при чтении бумаги, которою его светлость принес Ее Императорскому Величеству за получение нового достоинства сего благодарность. Вся наша министерия занимается теперь рассуждением, не будут ли соединены со званием гетманским какие-нибудь преимущества»².

Новая милость очень понравилась Потемкину. Энгельгардт пишет: «Его светлость одевался нередко в гетманское платье, которое шито было щегольски и фасона, который он выдумал, будучи пожалован гетманом Екатеринославских и Черноморских казаков»³.

Получив драгоценный лавровый венок за покорение Бендер, Потемкин писал императрице: «Лавровый венец, высочайший дар Божьей Помазанницы, я получил с преисполненным благодарности сердцем, возложив его на алтарь Господень и принес теплые молитвы. Милосерднейшая мать! Ты уже излила на меня все щедроты, а я еще жив! Но верь, Августейшая Монархия, что сия жизнь будет тебе жертвой всегда и везде против врагов твоих»⁴.

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 50—58.

² «Русская Старина», XVI, 426.

³ Энгельгардт, 82.

⁴ «Русский архив», 1878. I, 20.

Гарновский упоминает еще о других знаках милости императрицы. Она заказала мраморный бюст Потемкина с лавровым венком, вышивала для него туфли, обрубливала платки; далее она заказала для него великолепный кавалергардский мундир из синего бархата. 6 февраля 1790 года императрица писала князю: «Прошу побережь здоровье; оно мне нужно; в холодное время употреби фляшу и чарку, которые сей курьер к тебе привезет. Желая, чтобы эта вещица доставила тебе столько же удовольствия, как мне отправление ее от доброго сердца...» Екатерина также получала от князя подарки. «За простыни благодарствую, — сказано в ее письме, — в Царском Селе сделаю из них употребление». В другом письме она благодарила князя за табакерку и ковер.

Таким образом, Потемкин мог надеяться на благосклонное внимание к нему императрицы. Мы видели выше, как Гарновский в 1788 году опасался интриг недоброжелателей князя и как он поэтому желал приезда Потемкина в столицу для успешного противодействия проiscaм врагов князя — Алексея Орлова, Завадовского и прочих. Зимой же 1789—90 гг. не было речи о какой-либо грозившей Потемкину опасности. Он преспокойно мог оставаться на юге.

Вместо поездки в Петербург Потемкин проживал сначала в Яссах, потом в Бендерах, окружая себя необычайной роскошью. О житье-бытье в Бендерах Энгельгардт рассказывает следующее: «Его светлость большие тогда делал угождения княгине К.Ф. Долгорукой. Между прочими увеселениями сделана была землянка против Бендер за Днестром. Внутренность сей землянки поддерживаема была несколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всем тем, что только роскошь может выдумать. Кроме великолепной сей подземельной залы особый был будуар, в который только входили те, кого князь сам приглашал. Вокруг землянки кареем поставлены были полки. Близ оногo карея поставлена была батарея из ста пушек; барабанщики собраны были в землянке. Однажды князь вышел из землянки с кубком вина и приказал ударить тревогу по знаку, по которому как полками, так и из батарей произведен был батальный огонь; тем и кончился праздник в землянке».

О пребывании Потемкина в Яссах и Бендерах один из новей-

ших историков пишет: «Проживая в Яссах и в Бендерах, окруженный роскошью невиданной, Потемкин походил не на военачальника, а скорее на владетельного государя среди блистательного двора. Тут были знатные и богатые иностранцы, рассыпавшиеся перед ним в комплиментах, а про себя издевавшиеся над его сатрапскими замашками, азиатской роскошью и капризным непостоянством. Тут были люди знатных и влиятельных фамилий, налетевшие из столичных салонов за дешевыми лаврами; вокруг жужжал рой красавиц, вращался легион прихлебателей и проходимцев. Праздник следовал за праздником; одна затея пресыщенного человека менялась другой, еще более чудной; поистине то была *folle jougnée*, продолжавшаяся недели и месяцы»¹.

Забавляясь таким образом, утопая в роскоши, князь работал, следил за ходом дел в области общеевропейской политики, руководил военными действиями, переписывался о делах с императрицей, Булгаковым, Поповым, Суворовым и прочими, входил во все частности военной администрации, вел переговоры о мире с Турцией, предпринимал иногда путешествия для обозрения того или другого важного пункта и т.д. Множество деловых бумаг, опубликованных в разных сборниках, дает нам понятие о многосторонности труда князя в это время². Так, например, Потемкин в это время составлял подробные записки о Польше, так что уже в 1790 году он указывал на возможность приступить ко второму разделу³. Имея подробные сведения о ходе шведской войны, о враждебных действиях Пруссии, о намерениях Англии и проч., князь во все это время давал советы Екатерине, составлял записки о дипломатических делах⁴. К сожалению, до нас не дошла

¹Петрушевский, I, 371. См., напротив, обстановку у Суворова, 375—376.

²См. например, письма к нему разных лиц в «Записках Одесского общества», IX, 227 и след.

³См. «Русский архив», 1865, 730. См. «Historische Zeitschrift», XXXIX, 237 и след.

⁴См. например записку в «Русском архиве», 1865, 732. О быстроте поездок князя см. например «Записки Одесского общества», IX, 250, письмо Фалеева.

большая часть писем князя к императрице, но из ее писем к нему видно, в какой мере он, находясь на юге, во время турецкой войны, разделял с ней заботы по управлению государством. Из писем Безбородки к С. Р. Воронцову видно, что Потемкин в 1790 году входил в частности стратегических действий против шведов¹. То он советовал императрице сблизиться с Англией посредством заключения торгового договора², то он подвергал критике образ действий русского дипломата в Польше, Штакельберга³, то его занимали частности укомплектования черноморского флота и проч. Даже те историки-специалисты, которые, как, например, Петров, резко осуждают тактику Потемкина, отдают полную справедливость административной деятельности князя; укомплектование армии, снабжение продовольствием и всеми необходимыми средствами для ведения войны велось с замечательным успехом⁴. Главной задачей Потемкина в это время было заключение мира с Турцией. Постоянно императрица твердила ему о необходимости скорого окончания войны. Переговоры все время не прекращались, но князь старался показывать вид, что Россия не нуждается в мире и что не России, а Турции подобает выказывать уступчивость. Во всяком случае, он не соглашался на прекращение военных действий во время переговоров. Недоброжелатели Потемкина обвиняли его к нежеланию заключить мир⁵. Упрек этот едва ли может считаться справедливым. Потемкин переписывался с визирем⁶ об условиях мира, давал разные инструкции русскому уполномоченному, Лашкареву, отправленному к визирю⁷, старался действовать на турок посредством подкупа и проч.⁸

¹ «Архив кн. Воронцова», XIII, 178.

² «Minerva», 1799. III, 252.

³ Там же, 269.

⁴ Петров, II, 105.

⁵ «Minerva», 1799. IV, 110.

⁶ «Записки Одесского общества», VIII, 194.

⁷ «Русский архив», 1884, II, 27 и след.

⁸ О разных, отчасти нелепых, слухах, относившихся к переговорам, см. депеши Гельбига в «Архиве кн. Воронцова». XVI, 439.

Екатерина писала князю 6 февраля 1790 года: «О сем ни-мало не сомневаюсь, что мир скорее сделается, когда Бог даст, что наступишь, как пишешь, им на горло. Как тебе не выигрывать у турецкого народа доверия, вящного их начальников? Во-первых, ты умнее тех, во-вторых, поступаешь с ними великодушно и человеколюбиво, чего они ни глазами не видели, ни ушами не слышали от своих». В другом письме императрица упоминает о большой сумме денег, которую можно употребить для того, чтобы способствовать миру. Екатерина, впрочем, не доверяла туркам. Зная, что Потемкин непосредственно имел дело с ними, она писала (19 апреля): «Поберегись, Христа ради, от своего турка; дай Боже, чтоб я обманулась, но у меня в голове опасение, извини меня, чтоб он тебя не окормил; у них такие шутки водятся»¹. После того как ей удалось заключить Верельский мир, она писала: «Теперь молю Бога, чтоб тебе помог сделать то же и с турками... Одну лапу мы из грязи вытащили: как вытащим другую, то пропоем аллилуйя... Я уверена, что ты со своей стороны не пропустишь случай, полезный к заключению мира», и проч. Посылая князю по поводу празднования Верельского мира подарок, Екатерина писала: «Празднуя здесь мир с королем шведским, не могу забыть добрые советы ваши как по той войне, также и касательно мирного сего дела, и в знак моего признания посылаю к вам перстень бриллиантовый; пусть лучи, из одного исходящие, ударяют в зрение врагов наших, да отверзнут очи, закрытые лестью, доводящей их даже до неверия о сем мирном постановлении. Бога прошу, да поможет тебе совершить и с ними мир благополучный»².

Желание императрицы не исполнилось, и война не так скоро должна была прекратиться.

Историки-специалисты находят, что Потемкин и во время кампании 1790 года не отличался военными способностями. «Не умея частного подчинять общему, — пишет Петров, — князь небольшими отрядами (как например корпусу Суворова) предо-

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 59, 66 и 75.

² Там же, 99, 101, 103 и 106.

ставлял бороться с главными силами Порты, а сам со своими армиями терял драгоценное время в занятии ничтожных пунктов. Такая печальная неумелость распоряжаться соответственным распределением сил на театре военных действий и с энергией направлять их к достижению главной цели войны бесплодно истощала материальные средства и приводила к потере времени»¹. Утверждают далее, что Потемкин, при составлении плана похода, руководствовался советами Суворова². Кроме того, обвиняют Потемкина в бесцеремонном обращении с союзниками России, австрийцами. Полководец австрийский, принц Кобург, несколько раз писал Потемкину, развивая перед ним свои планы; Потемкин не считал нужным даже отвечать австрийскому фельдмаршалу, который горько жаловался на такое невнимание³. Вместо того чтобы всячески содействовать успеха австрийцев, он радовался их неудачам и, когда они должны были отступить от Журжи, называл Кобура, в донесении государыни, тупым, глупым, невежественным, достойным сумасшедшего дома и проч.⁴ После того как австрийцы прекратили военные действия, он хотел показать, что он может действовать самостоятельно⁵.

Во всяком случае, главные действия Потемкина в продолжение нескольких месяцев заключались в наблюдении за неприятелем, в укомплектовании армии и в усилении черноморского флота. Затем только, летом 1790 года, было решено, овладев устьями Дуная, покорить Измаил. Уверяют, что до этого Потемкин неопределенными и даже заключающими в себе противоречия предписаниями тормозил действия Суворова⁶. Как бы то ни было, князь не участвовал самолично в важнейших военных событиях 1790 года, а лишь издали наблюдал за ходом дел.

¹ Петров, II, 98—99.

² Петрушевский, I, 378.

³ Петров, II, 99—100.

⁴ Петрушевский, I, 370.

⁵ Петров, II, 147.

⁶ Полевой, 152—155; Smitt, I, 495.

Особенно обрадовала Потемкина победа, одержанная летом Ушаковым на море над турками. «Наши, — писал он Фалееву, — благодаря Богу, такого перца задали, что любо; спасибо Федору Федоровичу (Ушакову)»¹. Екатерина писала князю 16 сентября: «Я совершенно вхожу в ту радость, которую ты должен чувствовать при сем знаменитом случае, понеже черноморский флот на Днепре строился под твоим попечением, а теперь видишь плоды оногo заведения... Я всегда отменным оком взирала на все флотские вообще дела; успехи же оногo меня всегда более обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже к сим истари Россия привыкла, а о морских ее подвигах лишь в мое царствование прямо слышно было, и до дней оногo морская часть почиталась слабейшей; черноморский флот есть наше заведение собственное, следственно сердцу близкое... Спасибо тебе, мой друг, и преспасибо за вести и за попечение и за все твои полезные и добрые дела; к тебе пошлю, когда бы только поспело скорее, прибор кофейный золотой для потчивания пашей, кои к тебе приедут для трактования мира»².

Однако мира все еще не было, и нужно было надеяться на дальнейшие успехи в войне. «Я не хвалюсь, — писал Потемкин Бароциу, агенту, имевшему поручение трактовать с турками о мире, — но они не увидят, как я живо поведу войну и что им такую посажу вошь в голову, какой они еще не имели»³.

Потемкин имел в виду ввести в устье Дуная легкую флотилию, которая, облекая неприятельские крепости со стороны реки, способствовала бы действиям, против них с сухопутной стороны. Его заслуга заключалась в сооружении этой флотилии, которая участвовала в операциях на Дунае и в деле взятия Измаила.

Взятие Измаила было необходимо как ввиду политических, так и стратегических соображений. Потемкин предписал Суворову принять начальство над всеми собранными при Измаиле

¹ «Записки Одесского общества». IV, 371.

² «Сб. Исторического общества», XLII, 109—110.

³ «Записки Одесского общества», VIII, 196.

войсками. Впрочем, князь все еще надеялся, что крепость сдастся без кровопролития. В письме на имя измаильского сераскира Потемкин обещал отпустить войска и жителей за Дунай с их именем, а иначе — грозил участью Очакова¹.

Существует предание, что Потемкин, когда уже было решено штурмовать крепость, уstraшенный опасностью неудачи, представил Суворову свободу не отважиться на приступ². По новейшим исследованиям, этот рассказ ничем не подтверждается³. Совершенно легендарным и не заслуживающим доверия оказывается следующий рассказ в сочинении Надеждина: «Потемкин, живший в то время в Бендерах, колебался по обыкновению приступить к решительным мерам. Раз, одна дама, госпожа В. (Вит) гадала перед ним на картах и сказала, что Измаил сдастся через три недели. «Я умею гадать лучше вас», — отвечал Потемкин с улыбкой и в ту же минуту послал к Суворову приказание взять Измаил приступом, во что бы то ни стало. Приказание было исполнено»⁴.

После штурма и взятия крепости⁵ Суворов писал Потемкину: «Нет крепче крепости, отчаяннее обороны, как Измаил, падший перед высочайшим тронem ее императорского величества кровопролитным штурмом. Нижайше поздравляю вашу светлость». Не желая комплиментов, Суворов в это время уверял князя, что все готовы за него умереть, что «желал бы коснуться его мыщцы и в душе обнимает его колени» и т.п. Когда, однако, Суворов приехал в Яссы к Потемкину, их свидание было более чем странно.

«Чем могу я наградить ваши заслуги, граф Александр Ва-

¹Петрушевский, I, 385. См. также письма Чернышева из лагеря под Измаилом в «Русский архив», 1871, 385—407.

²Бантыш-Каменский, Полевой и проч.

³Петрушевский, I, 387. Герцог Ришелье рассказывает, будто Потемкин писал к Суворову: «Vous prendrez Ismael a quel que prix que ce soit». «Сб. Исторического общества», LIV, 80, 166.

⁴Надеждин в «Одесском альманахе», 1839.

⁵О взятии Измаила см. мою статью в «Baltische Monatsschrift», Neue Folge, II, 556—585.

сильевич?» — спросил Потемкин, вполне довольный этим свиданием. «Ничем, князь, — отвечал Суворов раздражительно. — Я не купец и не торговаться сюда приехал; кроме Бога и государыни никто меня наградить не может». Потемкин, никак не ожидавший такого ответа, побледнел, повернулся и пошел в зал. Суворов за ним. Здесь он подал строевой рапорт; Потемкин принял холодно; оба рядом ходили по зале молча, затем раскланялись и разошлись¹.

Как видно, этот рассказ, основанный на устном предании, имеет анекдотический характер и, вероятно, не соответствует фактам. Ввиду позднейших натянутых отношений между Потемкиным и Суворовым, однако, нельзя не считать вероятным, что по поводу наград за Измаил между военачальниками произошло что-то вроде размолвки. Суворов имел право ожидать, что его сделают фельдмаршалом, но он был удостоен других наград; Потемкин предложил Екатерине сделать медаль в честь Суворова, отличить его чином гвардии подполковника или генерал-адъютанта; о возведении его в фельдмаршалы не было и речи².

¹Петрушевский, I, 400—401.

²См. замечания у Петрушевского, 402—403. О взятии Измаила см. любопытный рассказ герцога Ришелье в «Сб. Исторического общества», LIV, 166 и след., и новейшие труды, появившиеся по случаю столетней памяти этого события.

ГЛАВА IX

Пребывание Потемкина в Петербурге в 1791 году

Хотя Потемкин не участвовал в Измаильском деле, тем не менее императрица благодарила его и по этому поводу «за все добрые и полезные дела»¹. Вообще, она в это время относилась к нему в высшей степени благосклонно, хотя и не во всех отношениях соглашалась с его политическими воззрениями. Так, например, весной 1790 года он предлагал императрице, не довольствуясь миром с турками, заключить с ними союз. Екатерина была недовольна этой мыслью и писала ему: «Я не понимаю, против кого союз с турками нам заключить, и это бы было дело к непрестанным с ними ссорам и хлопотам для и против них; эту мысль лучше оставить, и с врагами христиан не связываться союзом; каково подобный союз грекам одним был бы горестен, сам рассуди»². В другой раз между Потемкиным и Екатериной произошло разногласие по поводу вопроса о враждебных действиях Пруссии. Как было указано раньше, во время пребывания князя в Петербурге, весной 1789 года, этот вопрос был предметом некоторого спора между государыней и Потемкиным. Теперь же она упрекала князя в том, что он недостаточно ценит опасность, грозящую чести России со стороны Пруссии. В одном из ее писем сказано: «Я писала

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 135.

² Там же, 66.

без гнева; одно мое опасение, что обиды, сделанные Российской империи, иногда не принимались с тем чувством, которое рвение к достоинству ее в моей душе впечатлела... я с тобой говорю, как с собой». В этом ясно проглядывается упрек в равнодушии к достоинству империи. Впрочем, императрица была убеждена в том, что Потемкин умел ценить значение чести государства. После Верельского мира она писала к нему: «Что ты этот мир принял с великой радостью, об этом нимало не сомневаюсь, зная усердие твое и любовь ко мне и к общему делу». Число писем, их тон и характер свидетельствуют об истинной дружбе и привязанности между императрицей и Потемкиным. Князь посылал ей разные подарки, например новое музыкальное сочинение Сарти; она ему (в октябре 1790 г.) подарила дачу и т.п. Потемкин хворал часто в это время; Екатерина часто просила его беречь свое здоровье, предлагала разные средства против болезней и проч.¹

В свою очередь и князь писал императрице в тоне искренней дружбы, например, в начале июля 1790 года: «Матушка родная; при обстоятельствах, вас отягощающих, не оставляйте меня без уведомления; неужели вы не знаете меру моей привязанности, которая особая от всех; каково мне слышать со всех сторон нелепые новости и не знать, верно ли или нет. Забота в такой неизвестности погрузила меня в несказанную слабость: лишаюсь сна и пищи, я хуже младенца. Все видят мое изнурение... Ежели моя жизнь чего-нибудь стоит, то в подобных обстоятельствах скажите только, что вы здоровы»².

Все это достойно внимания особенно потому, что среди иностранцев ходил тогда слух о какой-то размолвке между князем и императрицей. Рассказывали, что чрезмерные расходы Потемкина во время войны приводили императрицу в отчаяние; когда он осенью 1790 года потребовал вновь три миллиона рублей на

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 80, 103, 104 и 113.

² «Русская Старина», XVII, 416. Действительно, между 13 апреля и 13 мая в XLII томе «Сб. Исторического общества» нет писем Екатерины к Потемкину.

покрытие издержек, она в сильных выражениях осуждала расточительность князя¹.

Князя в это время считали всесильным человеком. Герцог Ришелье писал в 1790 году: «Положение Потемкина превосходит все, что можно вообразить себе в отношении к могуществу безусловному. Он царствует во всем пространстве между горами Кавказа и Дунаем и разделяет власть императрицы в отдельной части государства. Он располагает неимоверными сокровищами; имения его доставляют ему доходы в размере от четырех до пяти миллионов франков. К тому же он по усмотрению берет сколько хочет из разных касс Империи», и проч.²

Князь просил Екатерину о дозволении приехать в Петербург и получил следующий ответ от 22 января 1791 года: «Касательно до твоего приезда сюда, я тебе скажу, что лично я всегда рада тебя видеть, как сам довольно ведаешь; сверх того на словах говорить и писать, конечно, разница, и скорее отношения быть могут в разговорах, нежели на письме. Но дело паче в том в этих смутных обстоятельствах, чтоб не проронить важных минут, которыми воспользоваться ты можешь, быв там, скорее нежели здесь для восстановления мира с турками по нашему желанию. Итак, почитаю за необходимо нужно, чтоб ты там ожидал вестей о импрессии, которую сделает в Цареграде взятие Измаила; ежели же они таковы и сам усмотришь, что твой приезд сюда дела не испортит, мирные договоры не отдалить, либо раннее открытие кампании тем не остановится, позволяю тебе приехать с нами беседовать; но если турки окажутся тебе к миру склонными, либо раннее открытие кампании приездом остановишь, тогда нахожусь в необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дел и не отлучаться, но, заключив мир, возвратиться как миротворцу; либо устроив все к принуждению турок к оному самыми действиями, тогда приехать». Как в этом, так и в следующем письме слышится тон наставления. «Самые недоброхоты, — писала Екатерина 24 января, — хотя

¹«Minerva», 1799, III, 113—115. Депеша Гельбига к Лоссу от 15 октября 1790 г. в «Архиве кн. Воронцова», XXVI, 476.

²«Сб. Исторического общества», LIV, 149.

злятся, но оспаривать не могут великие тобой приобретенные успехи, которыми Всевышний увенчал и искусные твои труды, и рачение; что же ими не гордишься по совету моему, за это хвалю, и да не будет в тебе также уничтожение паче гордости, а желаю, чтобы ты веселился своими успехами и был приятен и любезен в своем обхождении; эту задачу тебе выполнить не трудно; понеже тогда природный твой ум находит свободное сопряжение с твоим добрым сердцем. Твои ко мне чувства мне известны и как, по моему убеждению, это часть твоего существования, то я уверена, что они никогда не изменятся; я у тебя иных никогда не знала. Господин питомец мой, ты оправдал мое о тебе мнение, и я дала и даю тебе аттестат, что ты господин презиравный... Я писала к тебе в предыдущем письме, что ежели дела не претерпят от твоей езды сюда, чтоб ты сам решился, когда ехать. Теперь вижу из твоего письма, что считаешь нынешнее время, как глухую пору; и так думаю, что ты уже в дороге, а это пишу в запас паче чаяния, если не поехал, и возобновляю тебе дозволение приехать, когда усмотришь, что приездом твоим дела не испортятся». Скоро после этого императрица узнала, что князь действительно находится уже на дороге; поэтому она писала ему (15 февраля): «Когда приедешь, тогда переговорим изустно обо всем; ожидаю тебя на масленицу, но в какое время бы ни приехал, увижу тебя с равным удовольствием»¹.

Потемкин прибыл в Петербург 28 февраля². На пути его возобновлялись всюду, где проезжал князь, те самые сцены, о которых была речь при рассказе о путешествии князя в столицу после взятия Очакова. Болотов как очевидец так рассказывает о приготовлениях к приезду Потемкина в Серпухов: «Лошади, приготовленные под него, стояли фрунтом; судьи же вместе с московским губернатором, прискакавшим для сретения его, были все распудренны и в тяжких нарядах». О Лопасне, куда приехал Болотов на пути в Москву, сказано: «Мы нашли и тут великие приготовления к проезду княжескому и видели расстав-

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 136—138, 143.

² Дневник Храповицкого.

ленные повсюду дегтярные бочки для освещения в ночное время пути этому вельможе. Словом, везде готовились принимать его как бы самого царя. А он, по тогдашнему своему полновластию, и был немногим ниже его». О пребывании Потемкина в Москве говорится: «Вся Москва гремела и занималась князем Потемкиным, приехавшим в нее в последние дни масленицы. Вся знать обратилась к нему для обыкновенного идолопоклонства; но нам удалось видеть его только однажды, проезжающего на нашей улице, с пышной и превеликой свитой, и я, смотря на это, подумал и говорил сам себе: Ах! долго ли тебе, государь наш, поцарствовать и повеличаться и не приближается ли уже конец твой?»¹ Из других источников мы узнаем, что было приказано всюду исправлять дороги для Потемкина, и императрица отправила к нему навстречу графа Безбородко². Безбородко, сообщавший в это время князю разные известия о положении дел, от имени императрицы испрашивавший мнение Потемкина по разным политическим вопросам, писал ему в январе 1791 года: «Радуюсь несказанно, что вы решились сюда прибыть и тем великую пользу и пособие делам принести»³.

Можно думать, что Потемкин, решаясь отправиться в столицу, думал скорее о своих личных интересах, нежели о делах. Письменная беседа с Екатериной в продолжение двух лет после пребывания в столице в 1789 году не могла заменить ему непосредственного устного объяснения по разным вопросам.

Князь прибыл в Петербург в такое время, когда усложнение дел в области политики погружало Екатерину в тяжкие заботы. Война турецкая продолжалась, и переговоры о мире пока не имели успеха. Пруссия относилась к России чрезвычайно враждебно, так что считали вероятным разрыв с этой державой. Отношения между Россией и Англией были натянутыми. Французская революция, в свою очередь, содействовала усилению расстройств Екатерины. Польские дела (во время пребы-

¹ Записки Болотова, 1791, 806 и 811.

² «Minerva», 1800, IV, 512.

³ «Сб. Исторического общества», XXVI, 307.

вания Потемкина в Петербурге состоялась конституция 3 мая 1791 года) озадачивали петербургский кабинет. Мир со Швецией считался непрочным. Финансовые затруднения, недоразумения, случавшиеся между Екатериной и «молодым двором», соперничество между вельможами — все это во время пребывания Потемкина в столице до конца июля 1791 года занимало и заботило императрицу и князя.

Нет сомнения, что Потемкин в это время принимал деятельное участие в делах. Многочисленные рескрипты императрицы к князю, относящиеся к этому времени, беседы его с разными иностранными дипломатами и русскими сановниками, объяснения с императрицей по разным вопросам государственного управления — все это свидетельствует о том, что князь, находясь в Петербурге, был, так сказать, сопровителем, важнейшим консультантом по главным делам политики, что его должность главнокомандующего войсками, продолжавшими воевать с турками, имела в это время сравнительно мало значения. Особенно деятельно участвовал князь в приготовлениях к отпору Пруссии в случае разрыва с этой державой¹. В беседах с представителями иностранных держав он нередко обнаруживал высокомерие и надменность. Так, например, он озадачил Витворта бесцеремонностью, с которой говорил о делах. После приезда в Петербург чрезвычайного английского посла Фокнера (Fawkener) Потемкин, принимая у себя на даче английских дипломатов и Гольца, вел с ними переговоры о заключении мира с Турцией². Нельзя решить, на чем основан отзыв русского дипломата, графа С.Р. Воронцова, что Потемкин, по случаю переговоров с Англией, обнаруживал малодушие и трусость. Он же рассказывал, что Потемкин предоставил значительную сумму денег русскому посланнику в Париже, Симолину, чтобы подкупить графа Мирабо и заставить его содействовать разрыву между Францией и Англией³. Потемкин, между прочим, и в Вене содержал аген-

¹Самойлов в «Русский архив», 1867, 1553—1554.

²Herrmann. «Geschichte des russischen Staates», VI, 404, 412.

³«Архив кн. Воронцова», VIII, 22.

тов, по большей части авантюристов, которые впутывались в дипломатические дела и, под защитой всемогущего своего патрона, разыгрывали там довольно важную роль. Русский посол в Вене, Андрей Кириллович Разумовский, был недоволен князем. Но, несмотря на недовольство, этот русский дипломат, находившийся в Петербурге во время пребывания там Потемкина, был очень обрадован, когда князь дружески принял его и беседовал с ним о политических делах. «Князь у вас силен и всемогущ, — писал к сыну старик, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, — что он с тобой ласково обходится, то хорошо; что ко мне о его дружбе и преданности говорит, и то не дурно; но все это есть монета придворная и весьма легковесная, на которую полагаться нельзя». Андрей Кириллович Разумовский всячески льстил Потемкину; находясь в Вене, он исполнял его политические и личные поручения, присылал ему вина, прискивал музыку для оркестра и проч. В одном из писем (от 10 августа 1791 г.) сказано: «Великие люди считаются величайшей редкостью; они составляют самое драгоценное сокровище для народов: Екатерина и Потемкин, не имеющие равных себе гении, приводят в удивление человечество и делают ему честь»¹.

Что касается Англии, то Потемкин действительно полагал, что Россия не в силах воевать с этой державой. Храповицкий писал 9 апреля: «Князь (Потемкин) с графом Безбородко составили какую-то записку для отклонения от войны. Князь говорил Захару: «Как рекрутам драться с англичанами? Разве не наскучила здесь шведская пальба?». Главным поводом натянутости отношений между Англией и Россией были турецкие дела. Самойлов, восхваляя дипломатические способности Потемкина, пишет о важной победе князя с Фокнером: «При этом случае князь доказал ему излишность и бесполезность требований Англии. Он изъяснил ему все те средства, которыми Россия в состоянии удержать прусского двора наглость; он несомнительными доводами доказал, сколь непреодолима твердость императрицы и что никакие угрозы не могут над ней подействовать, но, напротив того, паче утверждают в достижении ее предмета. Это свидание

¹Васильчиков. «Семейство Разумовских», III, 122.

имело влияние на ум г-на Фокнера; он уверился, что Россия далее Днестра завоеваний за собой удержать не пожелает, почему Англия ослабила требования свои и не столько уже возбудила врагов против России»¹.

Роль, которую играл Потемкин во время пребывания в Петербурге в отношении текущих государственных дел, была самая видная. Он советовал Екатерине не слишком враждебно относиться к императору Леопольду², содействовал смягчению судьбы несчастного Радищева³, защищал князя Безбородко от происков Зубова⁴, и проч. Между тем как иностранные дипломаты удивлялись резкости в обращении князя с графом А. Р. Воронцовым⁵, Безбородко гордился тем, что Потемкин с ним работал и через него представлял свое мнение о делах.

О случаях прямых неприятностей между Зубовым и Потемкиным мы не знаем, но между ними происходили кое-какие косвенные столкновения.

Однажды, как рассказывает в своих «Записках» Державин, некто майор Бехтеев в присутствии многих лиц громко жаловался Потемкину на отца Зубова, который «ограбил его», отняв у него, без всякого права, деревню. Потемкин защитил Бехтеева, заставил отца Зубова уладить это дело, чем, разумеется, сильно задел самолюбие молодого Зубова⁶. О другом случае сам Зубов рассказывал (в 1819 или 1820 году) своему управляющему, М. Братковскому, следующее: «Хотя я победил его (Потемкина) наполовину, но окончательно устранить с моего пути никак не мог; а устранить было необходимо, потому что императрица всегда сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его. Потемкин — главная причина тому, что я не вдвое богаче. Дело вот в чем: однажды императрица объявила мне,

¹ «Русский архив», 1867, 1554.

² «Minerva», 1799. III, 259.

³ «Архив кн. Воронцова», V, 401—102.

⁴ «Сб. Исторического общества», XXVI, 425.

⁵ Негтманн. «Erganzungsband», 102.

⁶ Грот. «Державин», VI, 614—616.

что за мои заслуги дарит мне имение в Могилевской губернии, заселенное 12 000 душ крестьян... но потом спохватилась, что имение это уже подарено Потемкину. Потому она за столом сказала князю: «Продай мне твое Могилевское имение». Потемкин, покраснев до ушей, быстро оглянувшись, отвечал, что исполнить желание ее величества не может, так как имение вчера продано — «Вот ему!» — и он указал на стоящего за его креслами молодого камер-юнкера Гольинского. Императрица, сильно смутившаяся, догадываясь, что Потемкин проник в ее намерение, спросила Гольинского с замешательством: «Как же это, ты купил имение у светлейшего?» Потемкин, упреждая ответ, метнул мнимому покупщику выразительный взгляд, и догадливый Гольинский глубоким поклоном подтвердил выдумку князя Таврического. По этому можно судить, каков для меня злодей был Потемкин, когда с такой наглостью лишил меня 12 000 душ»¹.

Зато сохранились данные, не оставляющие ни малейшего сомнения в том, что происходили сильные личные столкновения между императрицей и князем. На этот раз повествования историков-памфлетистов, как, например, Гельбига и Кастера, подтверждаются заметками в таких источниках, которые заслуживают полного доверия. Однако и при этом случае оказывается несостоятельность рассказов иностранных писателей, как-то систематически враждебно относящихся к Екатерине и Потемкину. Так, например, Гельбиг пишет, что между князем и императрицей, вскоре после его прибытия в столицу, произошло полнейшее охлаждение и что лишь внешние соображения заставляли обоих показывать вид, будто между ними продолжались прежние дружеские отношения. У этого же писателя мы встречаем заметку, что нежелание князя принять энергичные меры для заключения мира с турками особенно содействовало раздражению Екатерины². Замечание это не лишено некоторой доли правды, но о полном разрыве между ними не может быть речи.

¹См. подробности этого дела в биографии Зубова в «Русской Старине», XVII, 43—44.

²«Minerva», 1800, IV, 511—514.

В «Записках» Державина, находившегося в это время в Петербурге и постоянно имевшего дело то с князем, то с императрицей, сказано: «Надобно знать, что в это время крылось какое-то тайное в сердце императрицы подозрение против Потемкина, по истинным ли политическим каким, замеченным от двора причинам, или по недоброжелательству Зубова». Далее Державин рассказывает, что Зубов от имени императрицы приказал ему, поэту, писать для князя, что прикажет, но отнюдь ничего не принимать от него и не просить; он сообщает также, что императрица однажды, в присутствии всего двора, сознательно и намеренно кольнула Потемкина тем, что восхваляла доблесть адмирала Чичагова, победителя шведов при Ревеле, и еще тем, что против воли Потемкина она хотела назначить Державина своим докладчиком по военным делам. «Князь, — пишет Державин, — узнав это, не вышел в собрание и, по обыкновению его, сказавшись больным, перевязал себе голову платком и лег в постель». Рассказав о празднике, устроенном Потемкиным, Державин прибавляет: «Князю при дворе тогда было очень плохо. Злоязычники говорили, что будто он часто пьян напивается, а иногда как бы сходит с ума; заезжая к женщинам, почти с ним незнакомым, говорит несвязно всякую нелепицу»¹.

Храповицкий рассказывает о следующих эпизодах в половине марта: «Захар из разговора с князем узнал, что (императрица), упрямясь, ничьих советов не слушает. Он намерен браниться. Она плачет с досады; не хочет снизойти и переписаться с королем прусским».

И прежде — как известно уже читателям — между Екатериной и Потемкиным происходили недоразумения по вопросу об отношении России к Пруссии. Екатерина, поддерживая честь и достоинство России, относилась враждебно к королю Фридриху-Вильгельму II; Потемкин же, считая положение России опасным, требовал большей уступчивости со стороны императрицы. Как видно, в данном случае самые важные политические соображения поссорили временно императрицу с князем. Столь серь-

¹ Грот. Державин, VI, 616—620.

езное отношение к делам политическим производит вообще довольно благоприятное впечатление. Но, как кажется, минуты разногласия, взаимного раздражения повторялись, и, быть может, предметами спора служили часто и гораздо менее важные дела. Все это до такой степени расстраивало императрицу, что она даже часто хворала в это время. Храповицкий писал 22 марта: «Нездоровье, спазмы и сильная колика с занятием духа. Князь говорит, чтоб лечиться; (императрица) не слушается, полагая на натуру». На другой день: «Продолжение слабости. Всем скучает. Малое внимание к делам»¹.

Особенно любопытен рассказ Секретарева, бывшего камердинером у Потемкина, о личных отношениях между им и императрицей. Легко возможно, что этот рассказ, относившийся к тому времени, когда рассказчик, которого князь и императрица обыкновенно называли Федею, был очень молодым человеком или чуть не мальчиком, представляет собой данные о времени последнего пребывания Потемкина в Петербурге. Тут сказано: «У князя с государыней нередко бывали размолвки. Мне случалось видеть, как князь кричал в гневе на горько плакавшую императрицу, вскакивал с места и скорыми, порывистыми шагами направлялся к двери, с сердцем отворял ее и так ею хлопал, что даже стекла дребезжали и тряслась мебель. Они меня не стеснялись, потому что мне нередко приходилось видеть такие сцены; на меня они смотрели, как на ребенка, который ничего не понимает. Однажды князь, рассердившись и хлопнув по своему обыкновению дверью, ушел, а императрица вся в слезах осталась глаз на глаз со мной в своей комнате. Я притаился и не смел промолвить слова. Очень мне жаль ее было: она горько плакала, рыдала даже; видеть ее плачущую для меня было невыносимо; я стоял, боясь пошевелинуться. Кажется, она прочла на лице моем участие к ней. Взглянув на меня своим добрым, почти заискивающим взглядом, она сказала мне: «Сходи, Федя, к нему; посмотри, что он делает; но не говори, что я тебя послала». Я вышел и, войдя в кабинет князя, где он сидел задумавшись, начал что-то убирать на столе. Увидя меня, он спросил: «Это она тебя прислала?» Сказав, что я

¹ Дневник Храповицкого, 17, 22, 23 марта 1791 г.

пришел сам по себе, я опять начал что-то перекладывать на столе с места на место. «Она плачет?» — «Горько плачет, — отвечал я. — Разве вам не жаль ее? Ведь она будет нездорова». На лице князя показалась досада. «Пусть ревет; она капризничает», — проговорил он отрывисто. «Сходите к ней; помиритесь», — упрашивал я смело, нисколько не опасаясь его гнева; и не знаю — задушевность ли моего детского голоса и искренность моего к ним обоим сочувствия или сама собой прошла его горячка, но только он встал, велел мне остаться, а сам пошел на половину к государыне. Кажется, что согласие восстановилось, потому что во весь день лица князя и государыни были ясны, спокойны и веселы, и о размолвке не было помину¹.

Бывали случаи неудовольствия, но отношения между императрицей и князем оставались искренними, и раздражение уступало место дружбе и привязанности. При всей слабости женской природы императрица, благодаря своему положению и своим способностям, имела перевес над Потемкиным. Однажды, когда он именно в это время рекомендовал ей какое-то, по ее мнению, совсем недостойное лицо для занятия довольно высокой должности, она отказала князю в назначении этого кандидата и писала ему: «Не по красоте, не по уму, еще менее по знанию и по опрятности телесной представляешь человека — в армии инспектора. Он же столь взбалмошный, что по городу хвастается, что он тебя поймал и за нос водит... Дурак сей столь ленив, что кроме еды да петуховой драки и в голове ничего не помещается... Он тебе чести в армии не принесет; несчастлива бы армия была, если в ней не найдется единого человека достойнее того глупца. Позволь сказать, что рожа жены его, какова ни есть, не стоит того, чтоб ты себя обременял таким человеком, который в короткое время тебе будет в тягость; тут же не возьмешь ничего ...муж окажется весьма тяжелым бременем... Мой друг, я привыкла тебе правду говорить; ты мне ее также говоришь, когда случай к тому представляется. Сделай мне удовольствие выбрать на эту должность кого-либо более подходящего. Я люблю доставлять тебе удовольствие; не

¹«Русский архив», 1882, I, 164.

люблю также тебе отказывать; но я бы хотела относительно этой должности, чтобы все сказали: вот прекрасный выбор... Извини меня, если я скажу, что муж и жена тебя обманывают; я знаю, что ты это не любишь, но остеречь тебя не может быть иного, кроме слово лишнее»¹.

Из этого письма видно, что, несмотря на случившиеся в это время размолвки между князем и императрицей, продолжались, в сущности, прежние дружеские отношения между ними. Из записок Храповицкого видно, что Потемкин постоянно находился в обществе Екатерины. 5 марта у князя был ужин, на котором была и великокняжеская чета; 9 апреля в дневнике секретаря императрицы сказано: «Князь был ввечеру у государыни и оттуда пошел на исповедь». В другой раз — это было уже летом — императрица из Петергофа приехала к князю обедать в Таврический дворец и оттуда отправилась в Царское Село².

Внешние знаки милости не прекращались. Безбородко 25 марта 1791 года писал Милорадовичу: «За прошедшую кампанию велено Сенату заготовить генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потемкину-Таврическому похвальную грамоту и сверх того соорудить ему, на иждивении государственном, в столице ли или в деревне, где он пожелает, дом со всем убранством и пред домом воздвигнуть монумент с изображением побед и завоеваний, под его руководством учиненных»³.

В письмах императрицы к Гримму за это время говорится весьма часто о Потемкине в тоне истинной привязанности. Так, например, в письме от 3 марта сказано: «Четыре дня тому назад приехал к нам фельдмаршал князь Потемкин-Таврический; он был хорош, более любезен, более остроумен, чем когда-либо, и в чрезвычайно веселом расположении духа. После столь успешной кампании можно быть в ударе». В конце апреля Екатерина с радостью сообщила Гримму, что Потемкин в восхищении от великого князя Александра Павловича; в другом письме она

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 141—142.

² Дневник Храповицкого, 2 июля 1791 г.

³ «Сб. Исторического общества», XXIX, 533, II; ПСЗ, № 16593.

хвалила подаренные ей Потемкиным и особенно удобные башмаки, причем прибавила, что все теперь при дворе носят эту новоизобретенную обувь¹.

Замечание о чрезвычайной веселости князя могло относиться разве только к самому началу пребывания его в столице. Другие современники, напротив, находили, что Потемкин в это время отличался самым мрачным расположением духа. Самойлов пишет: «В продолжение последнего пребывания князя в Петербурге, непонятно от чего, пришло ему в мысль странное воображение, что он доживает свой век; а потому, чтобы заглушить или развлечь мрачность этого воображения и рассеять мысль о близкой его кончине, он вымышлял заниматься увеселениями и учреждать пиршества, так что в столице ни о чем не мыслили более, как о составлении веселостей; но это, равно как и занятие делами государственными, только важными, не уничтожало в князе Григории Александровиче случайных предчувствований и погружало его нередко в задумчивость неразвлекаемую»².

Пышность и роскошь, которыми окружил себя князь во время своего последнего пребывания в Петербурге, изумляли современников. По случаю гулянья в Екатерингофе он явился с многочисленной свитой, состоявшей из множества генералов, офицеров и пленных пашей³. Гельбиг доносил в марте своему двору: «Князь Потемкин с удовольствием присутствует при устраиваемых в честь его министрами, генералами и купцами празднествах... Со здешними вельможами он обращается в высшей степени гордо и надменно, обнаруживая презрение к ним, и иногда заставляя их ждать по целым часам в своей передней, и иногда не допуская их вовсе к себе. Он тратит громадные суммы на покупку разных драгоценных вещей; мне говорили, что он первую неделю пребывания здесь накупил таких предметов на сумму 100 000 рублей». В другом письме Гельбига сказано: «Образ жизни Потемкина расточительностью

¹ «Сб. Исторического общества», XXIII, 494, 504, 525, 545.

² «Русский архив», 1867, 1555.

³ Reimers. «St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts». St.-Petersburg, 1805, I, 375—376.

превосходит все, что только можно вообразить себе. Расходы на его пиршества доходят до 20 000 рублей на каждое. Однажды одна уха на одном из пиров князя стоила 1300 рублей; ее подали в серебряной ванне; другой раз он накупил устриц на 300 рублей, фруктов на 1000 червонцев. За две люстры он заплатил 40 000 рублей; два дивана в той же комнате, где были повешены люстры, обошлись в 42 000 рублей. Самые роскошные обеды он устраивал в пост, не обращая внимания на ропот народа. В отношении к женщинам он нарушает все правила приличия; мужья же, робея перед ним, не препятствуют этому. Все это должно будет повести к опале князя, о приближении которой поговаривают под рукою. Он же уповает на твердость своего положения и презирает всех и все... При публичных выходах он является осыпанный бриллиантами, в блеске и со свитой государя, и народ, как кажется, признает его таковым¹. «Приглашая князя, вельможи, — говорит Гельбиг в другом месте, — считали часто своим долгом лично прислуживать ему, за обедом стоять за его стулом, как делается суверенами. Впрочем, бывали и другие, которые не унижались до того, а садились за стол»².

Екатерина уже давно подарила князю дом, который, по близости от казарм Конной гвардии, стал называться Конногвардейским или позже, по титулу владельца, Таврическим. Дом этот был построен по плану, самим князем избранному. Потом он продал этот дом в казну за 460 000 рублей. Когда же зашла речь о построении ему дома в награду за его победы, он снова выпросил себе это здание, следовательно, получил и дом, и около полумиллиона рублей³.

В этом Конногвардейском доме, или Таврическом дворце, князь в то время, когда еще дом не был убран, даже не совсем достроен, задумал угостить императрицу великолепным праздником, роскошью и пышностью превосходившим все прежние пир-

¹Herrmann. «Erganzungsband» 102—103.

²«Wir haben mehr als einmal gesehen» и проч. «Minerva», 1800, IV, 516.

³Грот. Державин, I, 370.

шествия такого рода. К тому же он, быть может, желал отблагодарить богачей, устраивавших для него обеды, ужины, балы и маскарады¹. За несколько дней до праздника в этом доме явилось множество всяких художников. Стали поспешно отделявать и украшать покои. Из лавок взято напрокат до двух сот люстр и множество зеркал, кроме тех, которые были привезены с зеркального завода князя. От придворной конторы принято 400 пудов воску заимообразно; кроме 9—10 тыс. свечей было приготовлено более 20 000 стаканчиков с воском; для ста человек прислуги была сделана новая, богатая ливрея. Многие деревянные строения, окружившие дворец, были сломаны, чтобы фасад дома производил более выгодное впечатление. Перед дворцом устроена большая площадь для народного праздника.

Гостей на празднике, устроенном Потемкиным, было несколько тысяч. Потемкин ожидал Екатерину в залах своего дворца. На нем был малиновый фрак и епанча из черных кружев в несколько тысяч рублей; брильянты сияли везде. Униженная ими шляпа была так тяжела, что он передал ее своему адъютанту и велел везде носить за собой. При появлении императрицы он сам высадил ее из кареты.

Для царственных гостей в огромной зале или ротонде была устроена колоннада. Великолепная эстрада отделяла эту залу от зимнего сада, огромного здания, в котором для большего эффекта освещения расставлены были колоссальные зеркала, обвитые зеленью и цветами. В этом саду устроен был храм с жертвенником, на котором высилась статуя Екатерины из белого мрамора. В глубине сада красовался грот, а перед ним стояла хрустальная пирамида с вензелем Екатерины. Покои блистали картинами, коврами, великолепными обоями и разными прихотливыми украшениями, в числе которых особенное внимание обращал на себя золотой слон, носивший на спине великолепные часы и шевеливший глазами, ушами и хвостом.

При появлении государыни ее встретили две кадрили; в ту же минуту воздух огласила известная песня Державина «Гром

¹См. письмо Тимофея Кирьяка в «Русском архиве», 1867, 673—693.

победы раздавайся». В кадрили участвовали великие князя Александр и Константин. После танцев хозяин повел императрицу и все собрание в другую залу, где увидели сперва балет, далее комедию «*Les faux amants*», а потом пантомиму «*Le marchand de Smugne*». Около полуночи начался ужин. Потемкин стоял за креслом императрицы, пока она не приказала ему сесть. В продолжение всего вечера хор пел сочиненные Державиным стихи. Наконец — как рассказывает поэт — Потемкин «с благоговением пал на колени перед своей самодержицей и облобызал ее руку, принося усерднейшую благодарность за посещение». Екатерина уехала во втором часу ночи¹.

На другой день рано утром Екатерина в письме к Гриму описывала частности великолепного праздника, причем собственноручно набросала план главной залы в Таврическом дворце. «Вот как, государь мой, — сказано в конце письма, — проводят время в Петербурге, несмотря на шум и войну и угрозы диктаторов»². Последнее замечание — намек на враждебное отношение Пруссии к России; неоднократно в это время императрица смеялась над королем Фридрихом Вильгельмом II, принимавшим тон «диктатора».

Стихи Державина, сочиненные для праздника в Таврическом дворце, относились главным образом к событиям турецкой войны. В них говорилось о взятии Измаила; тут поэт сравнивал императрицу с Минервой, князя с Марсом, старшего внука Екатерины с Александром Великим. Были намеки также на греческий проект, на предполагаемое восстановление Византийской империи.

Все это происходило в то время, когда продолжалась турецкая война, в то время, когда современники находили, что Потемкин

¹ Подробное описание праздника см. в вышеупомянутом письме Кирьяка. Множество данных собрано Гротом в его издании сочинений о Державине, I, 377—449, и VIII, 591—596. См. также мою статью «Potemkins Gluck und Ende» в журнале «*Baltische Monatsschrift*», Neue Folge, Bd. I. Heft., 11 u., 12»; заметки современников в журнале «*Minerva*», 1800, IV, 518; письмо Сенак де Мельяна в «Архиве кн. Воронцова», XXV, 44; «*Memoires secrets*», II, 237, и проч.

² «Сб. Исторического общества», XXIII, 517—519.

недостаточно энергично домогался окончания войны и заключения выгодного мира. Не только находили, что князь был плох как полководец, но также считали его слабым дипломатом. М.С. Потемкин еще в 1790 году писал к брату: «Видно, турки хотят нас проводить. Здесь давно знают, что турки нас обманывают. Я слышал, что недоброжелатели княжьи говорят, что князь не хочет ничего делать... он в обман дается»¹. Теперь же, в 1791 году, находили, что Потемкин думает скорее о развлечении и забавах, нежели о турецкой войне. Даже Самойлов в своей панегирической биографии князя замечает, намекая, впрочем, на переговоры с английскими дипломатами: «По сим-то обстоятельствам князь Григорий Александрович пробыл в столице долее, нежели военные обстоятельства главного над армиями начальства ему позволяли»². Гораздо более резко выражался Завадовский в письме к С.Р. Воронцову от 6 июня: «Князь, сюда захавши, иным не занимается, как обществом женщин, ища им нравиться и их дурчить и обманывать. Влюбился он еще в армии в княгиню Долгорукову, дочь князя Бярятинского. Женщина превзошла нравы своего пола в нашем веке: пренебрегла его сердце. Он мечется как угорелый. Уязвленное честолюбие делает его смехотворным. Пороки Аннибала, пороки Александра видим без их великих дарований. До сих последних достигнуть труднее, чем претворить нашу столицу в Капую, в Вавилон... Он таков же, как всегда. Не знаю, воображаешь ли ты столько, как я, все способы, что мы имели для нынешней войны турецкой, и как, напротив, турки были слабы. Вместо удара навек сокрушительного, мы еще и того не достигли, что произвели в предыдущую войну... Не дивись, если мы об армии меньше знаем теперь, когда сам вождь у нас, нежели как его не было»³.

Специалисты военной истории очень мало ценят стратегические способности Потемкина, и, например, Петрушевский замечает: «Кампания 1791 года в Турции велась довольно деятельно, пото-

¹ «Русский архив», 1879, II, 194.

² Там же, 1867, 1554.

³ Архив кн. Воронцова, XII, 68.

му что Потемкин проживал в Петербурге, сдав войска во временное начальствование князя Репнина. Она ознаменовалась несколькими крупными делами: взятием штурмом Анапы, разбитием турецкого флота при Канаврии, победой князя Репнина при Мачине¹.

Петров замечает также: «Одержать победу над графом Зубовым было для Потемкина желательнее, чем разбить визиря... Ряд поражений, нанесенных русским оружием неприятелю, поражения, начавшиеся именно после отъезда князя Потемкина из армии, делали сомнительным его военный талант и доказывали, что в его отсутствие дела могут вестись не только не хуже, но, напротив, несравненно лучше и решительнее. Зная боевую опытность князя Репнина, князь Потемкин опасался, чтобы в его отсутствие не произошел решительный бой, результатом которого могло последовать заключение мира, под которым не будет красоваться его имя. Поэтому, живя в Петербурге, князь Потемкин в письмах своих к князю Репнину ясно намекал, что не надобно было предпринимать ничего решительного до дальнейших повелений»².

Ф.П. Лубяновский, адъютант князя Репнина, говорит в своих «Воспоминаниях», что на все письма Репнина к Потемкину в Петербург он не получил ни одного ответа, что Потемкин даже задерживал курьеров, которые должны были отправляться в армию Репнина. Случился следующий интересный эпизод. Императрица, находясь в Царском Селе, вызвала В.С. Попова, управляющего канцелярией Потемкина. В 6 часов утра Попов явился. Императрица была не в духе. «Правда ли, — спросила она, — что целый эскадрон курьеров от князя Репнина живет у вас в Петербурге?» — «До десяти наберется». — «Зачем не отправляете их?» — «Нет приказания». — «Скажите же своему князю, чтобы сегодня же, непременно сегодня, он отвечал Репнину, что понужнее; скажите ему: я велю; а мне пришлите записку, в котором часу курьер ваш уедет». «Не добились мы, — говорил после Попов, — от кого императрица узнала про курьеров». Ходил перед тем по городу слух, что однажды, прежде

¹Петрушевский. Суворов, I, 420.

²Петров, II, 241, причем ссылка на рассказы Лубяновского.

чем государыня вышла к столу, пошли гости к закуске, в том числе граф Алексей Григорьевич Орлов и Л.А. Нарышкин. Этот последний говорил в общей беседе о войне, что из армии не было известий, но и Репнин-де ничего не делал. Орлов молча подобрал к себе все ножи со стола и потом просил Нарышкина отрезать ему чего-то кусок. Тот туда-сюда: нет ножа. «Так-то и Репнину, когда ничего не дают ему, нечего делать», — сказал Орлов¹.

Без сомнения, императрица была очень недовольна медленностью действий князя Потемкина. Сохранилась краткая записка ее к князю, в которой сказано: «Если хочешь камень свалить с моего сердца, если хочешь спазмы унимать, отправь скорее в армию курьера и разреши силы сухопутные и морские произвести действия наискорее, а то войну протянешь еще долго, чего, конечно, ни ты, ни я не желаем»².

28 июля Репнин одержал блистательную победу при Мачине и начал переговоры. Потемкин, узнав об этих важных событиях, должен был видеть, что может утратить обаяние победителя в войне, которую он начал, но которую мог кончить другой. Раздосадованный своим неловким положением при дворе, где он не мог удалить Зубова, расстроенный ипохондрией, мыслью о близкой кончине, болезненными припадками, князь должен был решиться покинуть столицу. 24 июля в 5 часов утра он выехал из Царского Села³. Современники рассказывали о страшном раздражении князя по поводу успехов Репнина⁴. Ходили также слухи о личном столкновении между Екатериной и князем накануне отъезда последнего. Императрица старалась уговорить его к отъезду ради скорейшего окончания войны; Потемкин желал оставаться в Петербурге. Наконец императрица через Зубова или через Безбородко хотела приказать ему уехать. Никто из вельмож не пожелал пойти к князю со столь опасным

¹Петров, II, 241—242.

²«Сб. Исторического общества», XLII, 148. Издатель отнес эту записку к марту. Верно ли это? В издании этой же записки в «Русской Старине», XVII, 649 сказано: «Без числа».

³Дневник Храповицкого, 24 июля 1791 г.

⁴«Minerva», 1800, III, 527.

поручением. Тогда она самолично пошла к князю и объявила ему в решительном тоне, что ему пора ехать, что дела требуют этого. Потемкин из своенравного, строптивного, упрямого сделался совершенно скромным, послушным, кротким и повиновался желанию Екатерины, так что все удивлялись в последние дни и часы пребывания Потемкина в столице его кротости, мягкости, крутой перемене его нрава¹.

Признавая, что этот рассказ саксонского дипломата, Гельбига, имеет анекдотический характер, считая возможной некоторую неточность заключающихся в нем частных сведений, мы считаем вероятным, что в общей сложности рассказ Гельбига соответствует ходу дела. К тому же он подтверждается следующим письмом Ростопчина к С.Р. Воронцову, рельефно очерчивающим характер последнего пребывания Потемкина в столице: «Вы не можете представить, граф, сколько повредила последняя поездка его в Петербург многим лицам, пользовавшимся до того времени уважением. Низость восторжествовала над высокомерием и притворными чувствами. Последней слабостью князя Потемкина было влюбляться во всех женщин и прослыть за повесу. Это желание, хотя и смешное, имело полный успех... Женщины хлопотали о благосклонности князя, как мужчины хлопочут о чинах. Бывали споры о материях на платья, о приглашениях и проч. Он был почти сослан; значение его упало; он уехал, истратив в четыре месяца 550 тысяч рублей, которые были выплачены из Кабинета, не считая частных долгов»².

¹«Minerva», 1800, IV, 540.

²Архив кн. Воронцова, VIII, 44.

ГЛАВА X

Кончина Потемкина

Потемкин против собственной воли покинул Петербург: императрица заставила его уехать. Но несправедливо было бы смотреть на это как на какую-нибудь опалу или размолвку между Екатериной и князем, в чем нетрудно убедиться из оживленной переписки между ними в продолжение нескольких недель до самой кончины Потемкина.

24 июля он выехал из Царского Села. На другой день уже императрица писала ему: «Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Рапорт к тебе князя Репнина от 14 июля я, раскрыв, читала... Бога молю, да благословит успех, а тебе желаю благополучного пути». Далее следуют разные замечания о Каменском, Безбородке и проч., а в заключение сказано: «Adieu, mon ami, je vous embrasse». Такие же записки, не богатые, впрочем, содержанием, Екатерина писала 3, 9, 12, 28 августа и проч. Они свидетельствуют о дружбе и привязанности. Кроме разных замечаний о делах, встречаются уверения в расположении, в искренности которых нет оснований сомневаться. Часто попадаются фразы о необходимости заключения мира. «Признаюсь, что ничего на свете так не хочу, как мира». «Обрадовал ты меня предварительными пунктами о мире, за что тебя благодарю душой и сердцем; дай Боже скорее совершить сие полезное дело заключением самого мира... Желаю весьма, чтобы великие жары и труды дороги здоровью твоему не нанесли вреда в теперешнее паче вре-

мя, когда всякая минута требует нового труда. Adieu, mon ami». В письме от 28 августа после разных замечок о переговорах сказано: «О чем я всекрайне сожалею и что меня же столько беспокоит, есть твоя болезнь и что ты ко мне пишешь, что не в силах себя чувствуешь оной выдержать. Я Бога прошу, чтоб отвратил от тебя сию скорбь, а меня избавил от такого удара, о котором и думать не могу без крайнего огорчения. О разгоне турецкого флота здесь узнали с великой радостью, но у меня все твоя болезнь на душе... Прикажи ко мне писать кому почаще о себе. Означенные полномочных усмотрела из твоего письма; все это хорошо, а худо то только, что ты болен. Молю Бога о твоём выздоровлении. Прощай, Христос с тобой. Платон Александрович тебе кланяется и сам пишет к тебе». 4 сентября: «Письмо твое от 24 августа упокоило душу мою в рассуждении тебя самого, понеже увидела, что тебе есть легче, а до того я была крайне беспокойна; но не понимаю, как, в крайней слабости будучи, можешь переехать из места на место... Платон Александрович тебе кланяется и сам будет писать к тебе; он весьма беспокоился о твоей болезни и один день не знал, чем и как печаль мою облегчить»¹.

Болезнь князя действительно сильно беспокоила императрицу. Это видно из следующей заметки в дневнике Храповицкого от 28 августа: «Получено известие через Кречетникова из Киева, что князь Потемкин очень болен и к нему поехала Браницкая... Печаль и слезы».

Несмотря на болезненное состояние, Потемкин совершил путешествие чрезвычайно быстро; в восемь дней он прибыл в Яссы. Репнин, одержав победу 28 июля при Мачине, открыл переговоры о мире; 31 июля были подписаны прелиминарные пункты; 1 августа прибыл Потемкин.

Трудно сказать, насколько верен рассказ о страшном раздражении Потемкина по поводу столь энергичных и успешных действий князя Репнина; он основан только на устном предании².

¹«Сб. Исторического общества», XLII, 189—199.

²Петров, II, 245. Напрасно Петров верит в уничтожение галацкого договора в столь резкой форме, что Потемкин будто «разорвал» договор и т.п. См. биографию Репнина у Бангыш-Каменского, «Словарь достопамятных людей», 303.

Быть может, Потемкин был недоволен условиями предварительного договора, заключенного Репниным. В переписке между Екатериной и Потемкиным говорится о необходимости сокращения перемирия, на которое согласился Репнин; вообще же Потемкин тотчас же после приезда признал договор как «fait accompli» и этим, как мы видели, обрадовал императрицу¹.

Энгельгардт пишет: «Светлейшему князю очень было досадно, что князь Репнин поспешил заключить мир; он выговаривал ему при многих, сказав: «Вам должно было бы узнать, в каком положении наш черноморский флот, и о экспедиции Гудовича; дождавшись донесения их и узнав от оных, что вице-адмирал Ушаков разбил неприятельский флот и уже его выстрелы были слышны в самом Константинополе, а генерал Гудович взял Анапу, тогда бы вы могли сделать несравненно выгоднейшие условия. Это действительно было справедливо, — продолжает Энгельгардт. — Князь Репнин в сем случае предпочел личное свое любочестие пользе государственной, не имея иной побудительной причины поспешить заключить мир, кроме того, чтобы его окончить до приезда светлейшего князя»².

Можно считать вероятным, что между Потемкиным и Репниным происходило некоторое объяснение. Впрочем, Потемкин вскоре же признал заслуги Репнина и был с ним в хороших отношениях. Лубяновский рассказывает о следующем случае. Помирившись с Репниным, Потемкин был у него однажды на обеде, причем вдруг сделался грустным. «О чем так вдруг закручинились, ваша светлость?» — спросил Репнин. «Не взыщите, князь Николай Васильевич, — ответил Потемкин, — грусть находит вдруг на меня, как черная туча. Ничто не мило, иногда помышляю идти в монахи». — «Что ж, ваша светлость, — сказал Репнин, — недурное дело и это. Сегодня иеромонахом, через день архимандритом, через неделю в епископы, затем и

¹ См. также письмо Шувалова к Репнину в соч. Петрова, II, 244—245.

² Записки Энгельгардта, 95—96. Ростопчин порицает Репнина за полную зависимость от Потемкина (*ses bassesses aupres du prince Потемкин*). «Архив кн. Воронцова», XXVI, 501.

белый клубок. Будете благословлять нас обеими, а мы будем целовать у вас правую»¹.

Упав духом, чувствуя усиление болезни, Потемкин не в состоянии был довести до конца переговоры о мире. В среде русских дипломатов в это время подвергали строгой критике образ действий Потемкина. Так, например, Морков в письме своем к С.Р. Воронцову находил выбор лиц, которым было поручено вести переговоры о мире, совсем неудачным².

Как относились турки к Потемкину, можно видеть из письма Безбородки к С.Р. Воронцову, писанное вскоре после кончины князя, во время переговоров о ясском мире: «Думают, может быть, у вас, что имя покойного страшило их. Сколько в том ошибаются! Я тебе скажу, что четвертого дня случилось. Второй (турецкий) уполномоченный говорил с нашим драгоманом о покойном. «Сожалею, — сказал он, — что я не видал сего странного человека, который все дела делал языком; да и по-долго он думал, что едкий и бранчивый язык так, как и обычай грозить, над всеми действовать мог. Впрочем, где же храбрость видна была? Где случалась драка в разных или меньших с вашей стороны силах, там он не присутствовал. Взял Аккерман и Бендеры, приведши с собой 80 000 одной пехоты и многие сотни пушек. Люди испугались и сами отдались»³.

Около этого времени ходили разные слухи о чрезмерном честолюбии Потемкина. Рассказывали, будто князь желал превращения Крымского полуострова в независимое царство, государем которого будет он сам⁴. Партия Зубовых выдумала подогревать старую историю Мазепы, распуская слухи, будто Потемкин, кроме действующей армии, содержал еще на свой счет второй комплект солдат и, всячески привлекая к себе молдаван и валахов, хотел отложиться от России и сделаться в этом крае

¹ «Русский архив», 1872, 140.

² «Архив кн. Воронцова», XX, 23.

³ «Сб. Исторического общества», XXIX, 144.

⁴ «Minerva», 1799, IV, 433.

независимым государем¹. Даже Самойлов намекает на это, замечая: «Князь весьма желал независимости Молдавии от Порты, тем паче, что привязанность молдавских вельмож, к нему оказанная, и заслуги, им явленные императрице, подавали ему надежду быть защитником и покровителем этой страны»². Энгельгардт, сообщая об образовании Потемкиным в это время громадного полка из 11 000 человек и 20 орудий артиллерии под названием «Великой Гетманской Булавы», замечает: «На сей счет разные делали догадки; прямой цели никто не постигал, ибо невозможно было, чтоб один только каприз князя Потемкина был тому причиной. Одни полагали, что он хотел быть господарем Молдавии и Валахии, другие — что он хотел себя объявить гетманом; иные думали, что он хотел быть королем польским»³. Суворов, находившийся в это время в Финляндии, считал честолюбие Потемкина опасным. В одном из его писем к Хвостову сказано: «По победе над визирем, чем дальше князь Потемкин пойдет, тем опаснее; я помню дерзкий приказ: арнауты принадлежат гетманской булаве. Он имеет инсигнии донских и иных казаков; его поминают за выносом без синода, с прибавлением его армии военной; газетчины дают ему I»⁴.

Впрочем, еще в конце августа 1791 года, значит, после первых пароксизмов болезни, жертвой которых он сделался, князь очень деятельно занимался текущими делами. В его письме к А.А. Безбородке от 24 августа из Гуши, которое, впрочем, он продиктовал Попову, сказано между прочим: «Из Ясс буду я писать обо всем обстоятельно и о Польше и пришло журнал всего происходившего между мной и визирем. Дело совсем было расклеилось упрямством султана; но флот наш черноморский все поправил, приведя до крайней трусости его султаново величество. Донесите, ваше сиятельство, при случае, что я ничего не упущу, и в том будьте спокойны. Я так себя поставил, что тур-

¹ «Minerva», 1799, IV, 429; 1800, IV, 541. См. также статью барона Бюлера в «Древней и новой России», 1875, III, 338.

² «Русский архив», 1867, стр. 1553.

³ Записки Энгельгардта, 96.

⁴ «Русская Старина», VI, 414.

ки за мной ходят, а не я за ними. Визирь осыпает меня учтивостями и письмами». А затем Потемкин пишет об отношении России к Австрии и Пруссии: «На императора (Леопольда) нельзя надеяться и для того нужно скорее учредить свои интересы с Берлинским двором. После все можно устроить, но только на теперешний случай сие надобно конечно». А 29 августа Потемкин писал Безбородке: «Польша требует большого внимания, паче тем, что император ладит с королем прусским, а слаживши, мы останемся как рак на мели», и проч.

Еще в сентябре князь неоднократно писал к Безбородке о делах, о ходе переговоров с Турками, об армии и проч. В кратком письме от 16 сентября из Ясс сказано: «Когда дела много, тут сил нет, но я верно себя не щажу... устал, как собака». А между тем ему стало хуже. 21 сентября он писал: «Стал было я бродить, но третьего дня схватил меня сильно пароксизм и держал более 12 часов, так что и по сие время не могу отдохнуть; крайнее ослабление. Вообразите, что все больны в Яссах и у меня в доме скоро некому будет служить. Прошу отыскать для меня шлафрок китайский и прислать; оный крайне мне нужен»¹.

Болезнь князя приняла опасный оборот в то самое время, когда от его дипломатического искусства зависело заключение мира или продолжение войны. Могло казаться, что мира не будет. Потемкин настаивал на независимости Молдавии, на облегчении судьбы Валахии, на уступке Анапы; а между тем великий визирь с армией в 180 000 человек стоял на правом берегу Дуная, против Браилова. Самойлов пишет: «Можно заключать, что князь не положительно решителен был на принятие мирных предложений. В таком будучи намерении трактовал он все вежливости великого визиря с равнодушием и с самым неуважением»².

Современники с напряжением следили за дипломатической деятельностью князя. Бантыш-Каменский писал тогда к Кура-

¹ Из собрания копий писем Потемкина и Попова, сообщенных мне г-ном Шубинским.

² «Русский архив», 1867, 1556.

кину: «Ежели верить носящимся слухам, то дело идет о Молдавии и о Анапе. О! ежели выполнит Решемысл обе сии статьи, прямо велик будет и словом, и делом»¹. Морков, напротив, считая Потемкина плохим дипломатом, порицал его образ действий в резких выражениях².

Однако в это же время Потемкин уже предчувствовал приближающуюся кончину. Замечали, что уже на пути в армию он был задумчив и временами жаловался на головную боль³. В начале августа он прибыл в Галац, где вскоре после этого скончался брат великой княгини Марии Федоровны, принц Виртембергский. Энгельгардт рассказывает: «Светлейший князь был на похоронах, и как по окончании отпевания князь вышел из церкви и приказано было подать его карету, то вместо того подвезли гробовые дроги; князь с ужасом отступил; он был чрезвычайно мнителен. После сего он вскоре занемог и повезли его больного в Яссы»⁴. По другим известиям князь в рассеянности даже сел на погребальные дроги, что, разумеется, должно считаться весьма невероятным. Камердинер Потемкина Секретарев рассказывал, что был свидетелем ошибки князя при выходе из церкви, когда вместо своего экипажа сел на похоронные дроги... «По рассеянности ли, — пишет дочь Секретарева, по рассказу отца, — или по чему другому, необъяснимому, князь положительно сел на дроги и лишь через некоторое время заметил свою ошибку. Вскоре после князь занемог»⁵.

Князь совершенно упал духом, мучимый мнительностью и тоской. К душевным его страданиям присоединились лихорадочные припадки, и князь обратился к помощи докторов Тимана, Массо и штаб-лекаря Санковского. 20 августа Потемкин писал к Репнину о переезде из Галаца в Яссы: «Продолжающиеся мои

¹ В одной из од Державина Потемкин был назван «Решемыслом». Письмо Бантыш-Каменского в «Русском архиве» 1876, III, 266.

² См. письмо Моркова к С.Р. Воронцову в «Архиве кн. Воронцова», XX, 23.

³ Энгельгардт, 97.

⁴ Там же, 96.

⁵ «Русский архив», 1882, I, 164.

страдания, — говорилось в письме, — довели меня до совершенной слабости». В другом письме сказано: «Одно средство к сохранению людей нахожу я в удалении их из Галаца. Место сие, наполненное трупами человеческими и животных, более подходит на гроб, нежели на обиталище живых... Болезнь меня замучила, и я теперь в крайнейшей слабости». В Яссах болезнь Потемкина усилилась, а присоединившаяся к ней тоска побуждала его раза два выезжать из города в соседние деревни и опять возвращаться в Яссы¹. Черные мысли заставляли его думать опять о монашестве. К этому времени, как кажется, относится сочинение князем «Канона Спасителю» в девяти песнях, в тоне псалмов. В предчувствии близкой кончины он как бы хотел очистить свою душу покаянной молитвой².

Понятно, что опасное положение князя в то время, когда вопрос о мире и войне занимал всех, сильно беспокоило императрицу, старавшуюся скрывать свое волнение. Она все еще надеялась на выздоровление князя. В ее письме к Гримму от 1 сентября сказано: «Князь Потемкин пишет, что мир с султаном будет в скором времени подписан. Он был очень болен, но 24 августа ему было уже гораздо легче: я нарочно ставлю число, чтоб вы не верили ложным слухам»³.

31 августа Завадовский писал к С.Р. Воронцову, что Безбородко считал положение Потемкина отчаянным. «Энгельгардт пишет, — сказано в письме Завадовского, — что он (Потемкин) имеет припадок лихорадочный, ничего не принимает и никого не слушает, потому (Энгельгардт) и просил Браницкую, чтоб приехала она на медицину уговаривать, считая, что долг родства и благодарности к тому ее обязывает... Князь будет или есть по-прежнему здоров; а мы только доказательство имеем, против чаяния многих, сколько дорожат им. Наш приятель (Безбородко) убит был таким приключением, во мнении, что лишается руки, его содержащей. Курьера другого еще нет; но

¹ «Русская Старина», XIV, 247—248.

² «Русский архив», 1881, II, 17—23.

³ «Сб. Исторического общества», XXII, 555.

я уверен, что будет радостный». Как мало Завадовский предвидел кончину князя, видно из его письма к С.Р. Воронцову от 24 сентября: «Князь занемог и переехал в деревню, в пяти верстах от Ясс. Уже он выздоровел». 11 октября Завадовский писал: «Князь то болен, то выздоравливает»¹.

После того как графиня Браницкая, племянница Потемкина, поехала к больному, императрица писала к ней 16 сентября: «Тревожит меня болезнь дядюшки вашего, князя Григория Александровича. Пожалуй, графиня, напишите ко мне, каков он, и постарайтесь, чтоб он берегся как возможно от рецидивы, кои хуже всего, когда кто от болезни уже слаб. Я знаю, как он беспечен о своем здоровье». В другом письме от 3 октября говорится: «Из письма вашего от 27 сентября вижу я, что князю есть полегче; но со всем тем я весьма беспокойна о его состоянии. Пожалуй, останься с ним, а пуще всего, чтоб во время продолжительного выздоровления поберегся»².

О состоянии Потемкина в сентябре мы подробно узнаем из писем В.С. Попова к Екатерине и к А.А. Безбородке. В письме к последнему от 24 августа 1791 года сказано о «жестокой» и «мучительной болезни» князя, что это была «желчная горячка». А далее Попов пишет: «Слава Богу, что князь, убежденный нашими просьбами, принял лекарство, которое много помогло. Один только сильный и долговременный пароксизм был после сего лекарства, но потом становились они легче и оставили только по себе крайнюю слабость, которая до сих пор держит его светлость в постели, но не препятствует уже течению дел, хотя это и стоит его светлости труда»³. Попов писал 6 сентября (в загородном доме при Яссах) императрице: «С 3-го дня сего месяца показался опять жар, и его светлость проводил ночь в беспрестанной тоске, которая и в следующий день продолжалась; в ночь на 5 число князь не мог тоже уснуть: жар и тоска мучили его несказанно до самого полдня. Всемиловитвейшее

¹ Архив кн. Воронцова, XII, 70—73, 74.

² Там же, XXV, 467.

³ Из собрания копий писем Потемкина и Попова.

письмо вашего императорского величества и милосердное в оном соблезнование тронули его светлость до слез, и сие много подействовало; жар начал умяляться... Доктор Тиман, Массот и штаб-лекарь Санковский попеременно не оставляют его светлость ни на минуту. Они приписывают продолжение болезни бывшим несносным жарам, а более накопившейся желчи. Для того и стараемся мы удалить все то, что только может подать повод к огорчению его светлости, весьма для него в настоящем положении опасному. Не безвредна также для его светлости и забота его чрезвычайная по долгу службы: всякий день по утру занимается князь слушанием отовсюду вступающих дел, не в состоянии будучи сам читать, приказывает по оным разные исполнения и когда только может приподняться, то подписывает нужные бумаги, хотя весьма слабой рукой». К Безбородке Попов писал 16 сентября: «Его светлость, освободясь от болезни, не может еще освободиться от своей слабости и притом много терпит от стреляния в ушах. Дня с три собирался он с силами, чтоб отметить на списках рекомендованных за Мачинское и Анапинское дело мнение свое о их награждении, но не был в состоянии того исполнить, так как и положить на бумаге свои переговоры и сношения с визирем, и так отложил, пока силы его укрепятся». 21 сентября: «Князь опять занемог. Лихорадка мучила его третьего дня жесточайшим образом, так что его светлость до сих пор не встает с постели. Если сия лихорадка сделается четырехдневной, то для его светлости будет весьма несносна, и тем более что для изгнания ее нужно будет принимать лекарства, для коих князь весьма неохотлив». 25 сентября из Ясс Попов писал к Екатерине: «От 21 сентября до нынешнего дня князь подвержен был беспрестанным и жестоким страданиям. Все признаки открывали тяжкую и мучительную болезнь. Горестные его стенания сокрушали всех окружающих его. Когда только боли унимались, то его светлость начинал говорить о безнадежности своей жизни и со всеми прощался, не внемля никаким нашим вопреки сего уверениям. Все наличные здесь доктора держали консилиум о болезни его светлости и о способах к его врачеванию и согласно положили давать его светлости хину, которую он уже и принимает». 27 сентября: «Состояние

светлейшего князя, слава Богу, переменялось в лучшее... и сам князь перестал уже говорить о смерти. Сегодня в 12 часу его светлость приобщился Святых Тайн и после того стал довольно весел. Много принесло его светлости радости и удовольствия получение вчера всемилостивейшего вашего императорского величества письма и в оном шубки и шлафрока. При напоминании вашего величества имени всегда льются обильные слезы из глаз его. Крайняя слабость после претерпенных мучений не позволила много писать к вашему и. величеству; но я надеюсь, что с первым курьером его светлость напишет более»¹. 2 октября Попов писал: «30-е число, день рождения и именин его светлости, все окружающие его старались утешать его разными опытами усердия своего; несколько раз вспоминал он священное вашего императорского величества имя и громко плакал, воображая, что, может быть, не будет иметь счастья ваше и. величество увидеть... Я просил его светлость убедительнейшим образом о принятии хины, но ничто не может преодолеть совершенного его отвращения, и кажется, болезнь умножается при воспоминании о лекарстве. Теперь желает его светлость, чтоб везли его отсюда в здоровейшее место, но я не знаю, как тронуться ему отсюда, когда все силы его изнурены до крайности»².

Из всех писем Попова видно, как сильно и благотворно действовали на князя Потемкина в последние дни его жизни письма Екатерины. В свою очередь императрица была в глубокой печали при получении столь неотрадных известий о состоянии здоровья князя. Храповицкий писал 16 сентября: «Курьер от князя Потемкина: к нему опять пришла лихорадка». 3 октября: «Два курьера, что князь Потемкин был опасно болен, и теперь еще лихорадка продолжается; он приобщен Св. Тайн. Прислано описание болезни от Массо и Тимана. Слезы». 11 октября: «В обед приехал курьер, что 1 октября князю Потемкину опять хуже. Слезы».

¹ В письме к Безбородке от 27 же сентября Попов просит прислать для князя морошки, замечая: «Нам весьма приятно было услышать сие желание его светлости, ибо оно было первое после жестокой болезни».

² «Русский архив», 1878, I, 20—22.

К Безбородке Попов писал 2 октября: «Заботы наши о его светлости все еще продолжаются. В прошедшую ночь сделавшийся ему обморок много нанес беспокойства. Теперь, слава Богу, он спокоен, много говорил о делах и непременно положил намерение отсюда удалиться. Место всех здоровее считает его светлость в Николаеве, что по Бугу, и одна мысль сей перемены его утешает». В письме от 4 октября сказано уже, что доктора потеряли надежду¹. Подробнее в тот же день Попов писал императрице: «На 3-е число сего месяца его светлость проводил всю ночь и до девяти часов утра в таком состоянии, которое приводило в отчаяние всех медиков. Девять часов не находили они пульса. Его светлость не узнавал людей; руки его и ноги были холодны как лед, и цвет лица весьма изменился. Невзирая на слабость, его светлость непременно требовал, чтоб везли его отсюда. На 4-е число его светлость проводил ночь довольно покойно, и хотя сна совсем почти не было, но не было тоски. Как выезд из Ясс назначен был поутру, то князь поминутно спрашивал: который час? и все ли готово? Едва только рассветало, то, несмотря на крайнюю его слабость, не было возможности удержать его несколько часов, пока бы разошелся бывший тогда густой туман. Его светлость приказал положить себя в большие кресла и на оных снести к шестиместной карете, в которую его с великим трудом и положили. Тут князь подписал письмо к вашему императорскому величеству и в 8 часов пополудни пустился в путь свой к Николаеву. С его светлостью поехали, но в других экипажах: графиня Александра Васильевна Браницкая, генерал-поручик Голицын, генерал-майор Львов и обер-кригскомиссар Фалеев, доктора Тиман и Массот и штаб-лекарь Санковский. Всю дорогу ехали тихо и в два часа пополудни прибыли благополучно на первый ночлег в село Пунчешты, в 30 верстах отсюда; доктора удивляются крепости, с которую его светлость совершил переезд свой. Они нашли у него пульс лучше и гораздо более свежести в лице; жаловался только, что очень устал. Если его светлость следующую ночь проведет спокойно, то мы уверены о скором его выздоровлении

¹ Из собраний копий г-на Шубинского.

в Николаеве, тем паче, что его светлость воспринял несомненную в том надежду, и сия надежда сильно в нем действует».

Попов упоминает о письме Потемкина к императрице. Вот оно.

«4 октября 1791. Яссы.

(Чужой рукой¹): Матушка, все милостивейшая Государыня! Нет сил более переносить мои мучения; одно спасение остается оставить сей город, и я велел себя везти к Николаеву. Не знаю, что будет со мной.

(Женской рукой²): Вечный и благодарный подданный.

(Рукой князя Потемкина): Я для спасения уезжаю³.

Последнее письмо Екатерины, дошедшее до князя, от 16 сентября, свидетельствовало о сильном беспокойстве и об искреннем расположении к князю. «Друг мой сердечный, — писала императрица, — твои письма от 29 августа и 6 сентября мной получены; первое меня много обрадовало, ибо видела, что тебе было легче, а другое паки во мне умножило беспокойство, видя, что четвертые сутки ты имел непрерывный жар и боль в голове. Прошу Бога, да подкрепит силы твои; не сомневаюсь, что по делам все пойдет; но каково больному дела, я по себе знаю». В приписке сказано: «Платон Александрович благодарит за поклон и сам к тебе напишет». Письма Екатерины от 30 сентября и 3 октября уже не застали князя в живых. Тут было сказано: «Все крайне меня беспокоит твоя болезнь. Христа ради, ежели нужно, прими, что тебе облегчение, по рассуждению докторов, дать может; да приняв, прошу уже и беречь себя от пищи и питья, лекарству противных... Платон Александрович благодарит тебя за поклон и весьма тужит о твоём состоянии. С именинами тебя поздравляю и посылаю шубейку». 3 октября: «Письма твои крайне меня беспокоят, хотя вижу, что последние три строки

¹ В издании этого письма в «Русской Старине», XVII, 852, сказано, что это писано рукой Попова.

² Очевидно, писано рукою графини Браницкой.

³ Так «Русский архив», 1878, I, 25. В «Русской Старине» рукою Потемкина: «Одно спасение — уехать».

немного лучше написаны и доктора уверяют, что тебе лучше».

В письмах к Попову Екатерина благодарила его за подробные известия и просила писать почаще. «Кажется, доктора все делают, что могут, — сказано в письме от 3 октября. — Пуще всего, что узнали, чем болен»¹.

5 октября Попов писал Екатерине: «Удар совершился, все-милостивейшая государыня! Светлейшего князя нет более на свете. Поутру он сделался очень слаб, но приказал скорее ехать; наконец, не доезжая большой горы, верстах в 40 от Ясс, так ослабел, что принуждены были вынуть его из коляски и положить на степи. Тут и испустил он, к горестнейшему нашему сожалению, дух свой»².

В письме великой княгини к ее родителям из Гатчины от 27 октября (7 ноября) 1791 года сказано, что упрямство князя, неумеренная пища и отвращение от хины были причиной кончины князя и что, по мнению докторов, без этого его положение не сделалось бы столь опасным³.

Самойлов замечает в своей «Биографии Потемкина»: «Болезнь его увеличивалась не сколько сама по себе, но более от того, что он не только не берег себя, но даже как бы нарочно изыскивал средство против выздоровления своего, употребляя в пищу самые жирные и докторами запрещенные яства; а в то время, когда испарина в самый пот приходила, он выливал на голову стеклянок по десять одеколона и был в непрерывном недовольствии духа»⁴.

И в рассказе Энгельгардта мы встречаем заметку, что Потемкин «не хотел принимать никаких лекарств и, будучи в жару, мочил себе голову холодной водой»⁵. Барон Бюлер писал

¹ «Сб. Исторического общества», XLII, 202—204.

² «Русский архив», 1878, I, 23.

³ «Cet homme extraordinaire est most victime de son caprice... son opiniatrete l'a tue». См. Schlossberger, Prinz Karl v. Wurttemberg (1770—1791). Stuttgart, 1889.

⁴ «Русский архив», 1867, 1557 и 1558.

⁵ Записки Энгельгардта, 97.

князю Голицыну в Вену: «Последняя болезнь его (Потемкина) была перемежающаяся лихорадка, которая сделалась смертельной вследствие отвращения его ко всем лечебным пособиям»¹.

Любопытен рассказ митрополита Ионы о последних днях жизни Потемкина: «По возвращении из Петербурга князь Потемкин тяжело заболел горячкой; 40 дней провел он в таком состоянии и, не получив облегчения, отправился из Ясс в ближайшее село, принадлежащее молдавскому господину Маврокордату; оно расположено среди садов на возвышенности и пользуется прекрасным климатом. Но и это не помогло князю. Преосвященный Амвросий и я навестили его и слезно умоляли беречь себя, принимать лекарства и воздерживаться от вредной пищи. «Едва ли я выздоровею, — отвечал на это князь. — Сколько уже времени, а облегчения нет как нет. Но да будет воля Божья! Только вы молитесь о душе моей и помните меня. Ты духовник мой, — продолжал он, обращаясь к Амвросию, — и ведаешь, что я никому не желал зла. Осчастливить человека — было целью моих желаний». Зарыдали мы от этой предсмертной речи доблестного мужа. Вышедши, мы нашли в гостиной генерал-доктора, француза, от которого узнали, что положение князя безнадежно, что никаких лекарств он не принимает, а болезнь уже в таком развитии, что обыкновенное врачевание едва ли поможет»².

В 1816 году К.Ф. Кнорринг, как очевидец последних часов жизни Потемкина, рассказывал следующее: «При переезде из одного места в другое князь назначил ночлег на пути у него, Кнорринга, тогда командира Таврического гренадерского полка, и прибыл в седьмом часу вечера. Приготовлена торжественная встреча, но из кареты у подъезда слышали нерадостный голос: «Жарко, душно!» Носился слух, что князь был не совсем здоров, но чтобы молва заключала в себе что-либо немаловажное, то в мысль никому не приходило. Вошедши в дом, он улегся на диване и велел отворить окна, повторяя: «Жарко, душно!» Ночь была тихая, лунная, свежая; что доктор ни делал, что ни по-

¹ «Древняя и новая Россия», 1875, III, 339—340.

² «Записки Одесского общества», III, 559—560.

давали для прохладения, все ему было душно; метался, страдал. Не прежде десятого часа доктор сказал, что князь начинает успокаиваться и, Бог даст, заснет. Спутники пошли ужинать к нему, Кноррингу. Выезд назначен между семи и восьми часов утра. Можно ли было подумать, что это утро, этот день будет последний день жизни знаменитого? Между двух и трех часов ночи неожиданная тревога: экипажи поданы, князь выезжает. Кто как успел приодеться со сна, так и отправились. Велено было ехать шагом. За несколько верст от ночлега рассветало. Княжья карета остановилась. Выскочили мы — говорил Кнорринг, — из экипажей и окружили карету. Больной держал в дрожащих руках св. икону, везде и всегда его спутницу, лобызал ее, обливал слезами, рыдал, взывая: «Боже мой, Боже мой!» Пожелал выйти из кареты и лечь на траве. Постлали ковер, принесли под голову кожаную подушку, уложили его; ничего не говорил, стонал, казался однако же покойнее. Так он по желанию лежал на траве, на чистом утреннем воздухе, под открытым небом. Скоро затем, крепко и сильно вздохнув, протянулся. Смерть и тогда еще никому из предстоявших не пришла на мысль. Казак из конвойных первый сказал, что князь отходит и закрыть бы глаза ему; искали по всем карманам империаля; тот же казак подал медный пятак, которым и сомкнули глаза покойному¹.

Отец Э.И. Стогова, записки которого недавно появились в «Русской Старине», рассказывал сыну, что он в минуту кончины князя Потемкина стоял в ногах умирающего. Князь говорил доктору будто: «Спаси меня; я полцарства дам тебе». Доктор поднес ему образ и сказал: «Вот твое спасение». Потемкин крепко прижал образ и скончался².

Некоторые данные в современном письме из Ясс отчасти дополняют эти рассказы, отчасти не соглашаются с ними в частности. Потемкин называл Яссы своим гробом, и когда приехал туда Фалеев, окончивший в то время построение Николаева, он

¹Воспоминания О.П. Лубяновского в «Русском архиве», 1872. 105—106.

²«Русская Старина», 1886, ЛII, 85.

своими рассказами возбудил в больном желание посетить возникший город. На первом ночлеге (значит у Кнорринга) он участвовал в разговоре Фалеева с Браницкой «и был так весел, что просидел с ними до 12-ти часов, говорил им, что он рад, что гроб свой в Яссах оставил (??). Поминутно он спрашивал, скоро ли рассветет; лишь только показался свет, он и велел заложить лошадей; однако же все ему говорили, что их повели поить. Он заметил, что обман... нечего было делать, повезли его; отъехав семь верст, он сказал: «Будет теперь, некуда ехать, я умираю, выньте меня из коляски, я хочу умереть на поле». Его положили на траву. Он просил спирту, намочить оным голову, и, полежав более трех четвертей часа, зевнув раза три, так покойно умер, как будто свеча, которая вдруг погаснет без малейшего ветра». Автор письма замечает: «Сие я описываю тебе, как пересказывал мне г. Фалеев, который был при князе до последнего вздоха».

Попов писал графу Безбородко: «Я поручил г-ну Иванову написать изображение кончины его светлости. Графиня Браницкая, бросаясь на него, старалась уверить себя и всех, что он еще жив, старалась дыханием своим согреть охладевшие уста. Все окружающие в ужасе и отчаянии воздымали руки и били себя в перси. Картина сия, милостивая государыня, весьма будет жалостна»¹.

Бантыш-Каменский, сообщая князю Куракину о кончине Потемкина, замечает: «По вскрытии тела нашли, что гнилая горячка и молочница были»². Безбородко, по желанию Завадовского, сообщая ему подробности о болезни Потемкина, заметил:

¹ Грот. Державин I, 454. На месте смерти Потемкина был поставлен памятник, изображение которого приложено к «Вестнику Европы», 1810, № 5. Близ каменного столба, воздвигнутого по желанию графини Браницкой, ею же был выстроен домик, в котором жил инвалид. См. также статью Шубинского в «Историческом Вестнике», сентябрь, 623 и 627. Живописец Казанова нарисовал сепией картину кончины Потемкина. См. о гравюрах, изображающих эту сцену, в статье барона Бюлера: «Черты из жизни князя Потемкина», в «Древней и новой России», 1875. III, 340. Там же воспроизведение картины Казановы.

² «Русский архив», 187, III, 269.

«Тут не было ничего особенного, кроме самого обыкновенного. Склонность его к желчи при гемороидах, раздраженная разными неприятностями, в последнюю его у нас бытность случившимися, при сильном движении от непонятно-скорой дороги увеличивала силу болезни... По обычаю своему, растворяя ночью окна, не воздерживался от пищи и не принимал никаких лекарств... Приехав в Чердак близ Ясс, съел он жареного целого гуся и впал в рецидиву... В конце сентября он спрашивал у Браницкой, не в опасности ли? Она его ободряла, а тем и дала ему повод шутить со своим здоровьем». Дальше, рассказав о кончине князя, Безбородко писал: «По вскрытии тела его, найдено необычайное разлитие желчи, даже что части ее, прильнув к неким внутренностям, затвердели»¹. И в письме Ростопчина к С.Р. Румянцеву сказано, что Потемкин неумеренностью и причудами усиливал болезнь, ел гусей и фрукты, обливал себя холодной водой и проч.²

Сейчас после кончины князя труп Потемкина был перевезен обратно в Яссы. Сначала была речь о погребении князя в имении Василькове, в Белоруссии³. Несколько недель тело его простояло в монастыре Голь, близ Ясс, где Безбородко, вскоре приехавший в Яссы для окончания переговоров о мире, видел гроб Потемкина⁴. Затем тело было перевезено в Херсон. Рассказывали, что в Яссах не менее 600 человек работали над приготовлениями к похоронам князя⁵. При совершении надгробного пения в монастыре Гол, архиепископ Амвросий произнес речь,

¹Архив кн. Воронцова, XIII, 221—222. В соч. «Potemkins Privatleben» (Leipzig und Graz, 1793) сказано, что он умер «in Folge eines vernachlässigten Gallenfiebers».

²Архив кн. Воронцова, XIII, 37—38. См. также «Minerva», 1799. 432. Нелепый рассказ в записках А.М. Тургенева (Русская Старина, 1886, ЛП, 261—262), будто Зубов («как все утверждают!») дал князю яд и будто банкир Сутерланд, обедавший с князем вдвоем в день отъезда, умер от этого же яда, не заслуживает внимания.

³Herzmann. «Ergänzungsband, 106.

⁴Архив кн. Воронцова, XIII, 213.

⁵Грот, I, 454—455.

в которой между прочим сказал: «Монархия лишилась советника, блюстителя, споспешника, друга»¹. Митрополит Иона, описывал подробно погребальную церемонию, происходившую в Яссах, писал, что полки, расставленные по этому случаю в две шеренги, стояли прямою линией, занимавшей более пяти верст². Подробности церемоний, происходивших в Яссах, интересовали современников. Бантыш-Каменский писал к князю Куракину 26 ноября 1791 года: «Послал я к вам план погребения покойного князя; теперь посылаю описание, по которому все точно происходило»³. В подробном описании церемонии в Яссах, составленном Энгельгардтом, как очевидцем, сказано, между прочим: «Горесть написана была на всех лицах, наипаче войны и молдавские бояре проливали слезы о потере своего благодетеля и друга»⁴.

Из Ясс гроб Потемкина был перевезен в Херсон, где его поставили в подпольном склепе внутри церкви Св. Екатерины; при этом случае о нем было сказано, что он «всюду победоносец неимоверный, возродитель градов, искусный создатель флотов, удивление Европы... Сии два имени: Херсонско-Таврический, Потемкин-Таврический останутся навеки в неразделенном союзе. Князь будет вечною славою тебе, а ты будешь вечною славою и памятником князю»⁵.

Гроб с телом Потемкина с 23 ноября 1791 года простоял в склепе не засыпанным землею по 28 апреля 1798 года. Тут же находилась сначала и богато украшенная икона Спасителя, которую императрица благословила Потемкина в 1774 году на Новороссийское генерал-губернаторство. Впредь этою иконою иногда служили панихиды. Но в 1793 году племянник Потемкина, граф А. Н. Самойлов, вытребовал икону.

В 1798 году император Павел, узнав, что тело Потемкина

¹ «Записки Одесского общества», III, 563—564.

² Там же, 561.

³ «Русский архив», 1876, III, 271.

⁴ Записки Энгельгардта, 100—105.

⁵ См. речь, сказанную при этом случае викарием федосийским Моисеем в «Записки Одесского общества», IX, 391.

стоит не преданным земле, приказал, чтобы «все тело, без дальнейшей огласки, в самом же том погребу погребено было в особую вырытую яму, а погреб засыпан землею и изглажен так, как бы его никогда не бывало». Это приказание было исполнено таким образом, что гроб в склепе, не выкапывая особой могилы, засыпали землею; вход в склеп заложили камнем; наконец, сверху был настлан деревянный пол. В этой мере видно желание ослабить память о Потемкине, которого император Павел, бывши великий князем, не любил. Императрица Екатерина приказала в конце 1791 года «в память Потемкина заготовить грамоту с прописанием в оной завоеванных им крепостей в прошедшую войну и разных сухопутных и морских побед, войсками его одержанных; грамоту сию хранить в соборной церкви города Херсона, где соорудить мраморный памятник Таврическому, а в арсенале того ж града поместить его изображение и в честь ему выбить медаль». Памятник был воздвигнут в том же храме, но в 1798 году по приказанию Павла I уничтожен¹. В указе сказано: «По расстройке, в которой остановлены дела князем Потемкиным, в управлении его бывшие, неприлично быть монументу, в память его воздвигнутому, и для того сооруженный от казны в городе Херсоне повелеваемым уничтожить»². Зато очень скоро после кончины Павла, а именно 17 сентября 1801 года именным указом императора Александра I было разрешено графу Самойлову и прочим родственникам князя Потемкина соорудить памятник в Херсоне и далее устроить дом призрения для престарелых матросов. При этом было указано на заслуги Потемкина и на указ Екатерины о воздвижении памятника князя в Херсоне³. Однако не раньше как в 1836 году в херсонском городском саду была сооружена на повсеместный сбор в России статуя. В 1873 году херсонское земство повесило в церкви в память Потемкина небольшую мраморную доску на средства, собранные по подписке.

¹ «Русская Старина», XIV, 262—263.

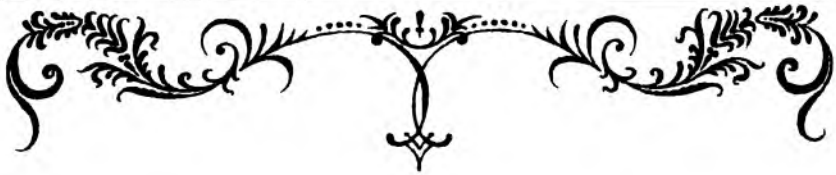
² См. статью Борознина «К характеристике Павла I» в «Историческом Вестнике», 1888, XXXII, 654.

³ ПСЗ, XXVI, № 20017.

Засыпание склепа, в котором находились останки князя, породило молву, будто бы тело Потемкина вынуто из склепа и зарыто бесследно где-то во рву, в Херсонской крепости. Молва оказалась лишенною основания. Ночью 4 июля 1818 года архиепископ Иов, в присутствии нескольких духовных лиц подняв церковный пол, проломал свод склепа и, вскрыв гроб, удостоверился в нахождении тела в гробу. В 1859 году пять лиц спустились через проломину в склеп, вынули из развалившегося гроба, засыпанного землею, череп и некоторые кости, вложили все это в особый ящик с задвижкой и оставили в склепе. Наконец, в 1873 году Одесское общество истории и древностей решило более точно исследовать состояние могилы Потемкина. Особая ученая комиссия, во главе которой находился Н. Мурзакевич, отправилась в Херсон и 19 августа 1874 года исполнила возложенную на нее задачу. Нашли ящик, в котором лежал череп с выпиленной с задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамирования; на затылке черепа были видны клочки темнорусых волос; кроме того, в ящике лежало несколько костей. Далее нашли в склепе остатки деревянного и свинцового гробов, куски золотого позумента, серебряные гробовые скобы и три шитые канителью орденские звезды первой степени: Андрея, Владимира и Георгия. Нет сомнения, что все это принадлежало могиле светлейшего князя Потемкина-Таврического¹.

¹См. «Записки Одесского общества», IX, 390—396. Уже прежде вопрос о могиле Потемкина неоднократно бывал исследуем. Особенно замечательна статья Шугурова «Гробница князя Потемкина» в «Русском архиве», 1867, 203—218, и дополнения к этой статье, 1181—1184. — Далее статья И. Андрееского «О месте погребения Потемкина» в «Записках Одесского общества», V, 1006—1110. Краткие заметки в «Древней и новой России», 1875, III, 343; 1877, III, 283 и 1878, III, 80.

ГЛАВА XI

Оценка личности Потемкина

О впечатлении, произведенном кончиной Потемкина, мы узнаем довольно подробно из следующих данных. В дневнике Храповицкого сказано 12 октября: «Курьер к пяти часам пополудни, что Потемкин умер... Слезы и отчаяние. В 8 часов пустили кровь; в 10 часов легли в постель». 13 октября: «Проснулись в огорчении и слезах. Жаловались, что не успевают приготовить людей. Теперь не на кого опереться» (слова Екатерины).

В эту же ночь императрица в своем горе искала утешение в письменной беседе со своим другом, бароном Гриммом. Она писала ему в 2½ часа утра: «Страшный удар разразился над моей головой. После обеда, часов в шесть, курьер привез горестное известие, что мой ученик, мой друг, можно сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический умер в Молдавии от болезни, продолжавшейся почти целый месяц. Вы не можете себе представить, как я огорчена. Это был человек высокого ума, редкого разума, превосходного сердца; цели его всегда были направлены к великому. Он был человеколюбив, очень сведущ и крайне любезен. В голове его непрерывно возникали новые мысли; какой он был мастер острить, как умел сказать словцо к стати! В эту войну он выказал поразительные дарования: везде была ему удача — и на суше, и на море. Им никто не управляет, но сам он удивительно умеет управлять другими.

Одним словом, он был государственным человеком: умел дать хороший совет, умел и выполнить. Его привязанность и усердие ко мне доходили до страсти; он всегда сердился и бранил меня, если, по его мнению, дело было сделано не так, как следовало; с годами, благодаря опытности, он исправился от многих своих недостатков. Когда он приехал сюда, три месяца тому назад, я говорила генералу Зубову, что меня пугает эта перемена и что в нем незаметно более прежних его недостатков, и вот, к несчастью, мои опасения оказались пророчеством. Но в нем были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими: у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому, мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать». 22 октября она писала Гримму же: «Князь Потемкин своей смертью сыграл со мной злую шутку. Теперь вся тяжесть правления лежит на мне одной». 12 декабря: «Дела идут тем же порядком, несмотря на ужасную потерю, о которой я вам писала в ту же ночь, как пришло роковое известие. Я все еще продолжаю грустить. Заменить его невозможно, потому что нужно родиться таким человеком, как он, а конец нынешнего столетия не представляет гениальных людей»¹. Мария Федоровна писала к своим родителям: «Императрица была так поражена (кончиной князя), что нужно было пустить ей кровь; слава Богу, она здорова»².

К Попову императрица писала на другой день после получения «рокового известия»: «Сколько поразила меня весть о кончине князя, вы сами то судить можете, зная мои к нему расположение и признательность к его горячему ко мне усердию и многим важным заслугам, которых я не забуду»³.

И Самойлову, и графине Браницкой Екатерина писала о «на-

¹ «Сб. Исторического общества», XXIII, 561, 564.

² Schlossberger. Prinz Karl v. Wurttemberg. Stuttgart, 1889.

³ «Сб. Исторического общества», XLII, 203.

шей общей печали»¹. В Москве говорили о том, в какой мере императрица была огорчена кончиной Потемкина². В Петербурге рассказывали, что Екатерина была при смерти вследствие отчаяния при получении этого известия; что с ней было три обморока³. В дневнике Храповицкого сказано 16 октября: «Продолжение слез. Мне сказано: «Как можно Потемкина мне заменить? Все будет не то... Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его нельзя было купить». В письме к принцу Нассау-Зиген Екатерина сказала о Потемкине (21 октября): «Он был моим любезным другом, моим питомцем; он был гениальным человеком; он делал добро своим недоброжелателям и этим их обезоруживал»⁴.

Граф Эстергази писал к своей жене около этого времени: «Со смерти Потемкина все облечено здесь скорбью. Императрица ни разу не выходила; Эрмитажа не было; она даже не играла в карты во внутренних покоях»⁵.

Из множества писем Екатерины к Потемкину мы знаем, как высоко императрица ценила в нем не только друга, принимавшего участие во всем, что занимало ее, но и сотрудника, деятельно помогавшего ей при управлении делами, при решении разных задач административного управления и политики. Часто повторявшееся во время отсутствия князя выражение «Я без тебя, как без рук» — не было пустою фразою, как видно из подробностей о текущих делах в переписке императрицы с князем. Позднейшие историки, утверждавшие, что подчинение императрицы влиянию князя было чрезвычайно вредно, жестоко ошибались. Блюм, основывавший свое мнение о Потемкине и Екатерине на отзывах писателей-памфлетистов, замечает, что первая половина царствования Екатерины, а также и ее само-

¹ «Русский архив», 1878. II, 243 и «Архив кн. Воронцова», XXV, 467.

² Письмо Бантъш-Каменского в «Русском архиве», 1876, III, 269.

³ Masson. «Memoires secrets», I, 153.

⁴ Дневник Храповицкого, 21 октября 1791 г.

⁵ «Осьмнадцатый век», I, 424.

стоятельность оканчивается в 1778 году, что затем настало будто царствование Потемкина, «князя тьмы»¹. Такой отзыв не соответствует фактам. Впрочем, и Державин, восхвалявший «Фелицу», обвиняет Екатерину в том, что она «угождала своим любимцам», и говорит по этому поводу: «Когда же (она) привыкла к изгибам по своим прихотям с любимцами, а особливо в последнее годы князем Потемкиным упоена была славою своих побед, то уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скипетру новых царств»². Очевидно, Державин тут приписывает Потемкину вредное влияние на императрицу. Гельбиг писал в 1790 году, что Екатерина боится решить какое-либо важное дело, не спросивши князя³.

В 1792 году В.С. Попов при дворе занимал очень важное место и оказывал сильное влияние на дела; Ростопчин объяснял важную роль правителя канцелярии Потемкина тем, что Попов поддерживал делаемые им предложения указанием на то, что они соответствуют соображениям покойного князя⁴. Другие савонники завидовали Потемкину, пользовавшемуся безусловным доверием императрицы. Когда Безбородко, вскоре после кончины князя на юге, вел переговоры о мире, он писал графу А.Р. Воронцову: «Дайте мне знать искренно, довольны ли моими делами или уже теперь жребий всякого, что никто так не угодил, как покойник, который все один знал и умел»⁵.

Современники часто думали, что Екатерина сильно боялась Потемкина, и этим главным образом объясняли важную роль, которую играл князь. Саксонский дипломат Фелькерзам в образе действий Екатерины, оказавшей покровительство всем приверженцам Потемкина после его кончины, не без основания видел доказательство того, что императрица не столько по боязни, сколько в силу истинной привязанности снисходительно

¹ В романе «Panosalvin» Потемкин назван «der Furst der Finsterniss»; см. Blum, «Ein russischtr Staatsmann», II, 258.

² Грот. Державин, VI, 701.

³ Негтманн. «Erganzungsband», 102.

⁴ Архив кн. Воронцова, VIII, 60.

⁵ Там же, XIII, 232.

относилась к причудам князя и давала простор его деятельности¹. Неудивительно поэтому, что смерть Потемкина, как писал Державин, «поразила как громом императрицу, которая чрезвычайно о сем присноименном талантами и слабостями вельможе соболезновала»². Завадовский писал в мае 1792 года о Потемкине: «Его память и теперь с похвалами, и о его имени многое течет, как прежде»³. Напрасно некоторые писатели полагали, что императрица во время последнего пребывания Потемкина в столице совсем разлюбила его и пожелала окончательно избавиться от него⁴; сознавая его слабости и даже допуская, что нерешительность Потемкина иногда мешала успеху ее предприятий, например, препятствовала занятию Константинополя⁵, императрица и после кончины князя не переставала уважать в нем умного дельца и безусловно преданного друга.

Скорбь императрицы о Потемкине была искренна и глубока. Но лица, окружавшие ее, при этом случае не разделяли ее чувств. Сообщая о печали Екатерины, граф Эстергази замечает: «Из этого, однако, не следует, чтоб все были слишком огорчены. Многие, как слышно, весьма довольны разрушением этого колосса»⁶. Ростопчин писал С.Р. Воронцову: «Здесь все прикидываются печальными; однако никто не скорбует»⁷. В другом письме: «Смерть совершила свой удачный удар⁸. Великий муж исчез; об нем сожалеют, кроме разочарованных лиц, обманутых в своих надеждах,

¹ Herrmann. «Erganzungsband», 108.

² Грот. Державин, VI, 625.

³ Архив кн. Воронцова, XII, 79.

⁴ Так, например, Блюм (Ein russischer Staatsmann II, 539) пишет: «Sie warf ihn über Bord».

⁵ Ростопчин писал Воронцову в 1794 году: «Elle accuse meme quelquefois le prince Potemkine de n'avoir pas execute son projet et d'avoir manque de bonne volonte, car il ne fallait que cela. Voila ses expressions». Архив кн. Воронцова, XXIV, 261. Сравн.: Vie de Potemkine, Paris, 1808, стр. 62.

⁶ «Осьмнадцатый век», I, 424.

⁷ On joue l'affiction, et personne ne songe au serieux.

⁸ La mort a frappe un superbe coup.

разве только гренадеры его полка, которые лишились его, лишились привилегии воровать безнаказанно. Что касается меня, то я восхищаюсь тем, что день его смерти положительно известен, тогда как никто не знает времени падения Родосского колосса». «Чудеснее всего, — писал Ростопчин в конце декабря 1791 года, — что он (Потемкин) забыт совершенно. Грядущие поколения не благословят его память. Он в высшей степени обладал искусством из добра делать зло и внушать к себе ненависть»¹.

Бантыш-Каменский писал из Москвы к князю Куракину 12 ноября 1791 года: «Не все так думают о покойнике, как вы. Многие уже злословить начинают. Но о мертвом лучше что-нибудь хорошее или ничего не говорить»². Узнав о кончине Потемкина, Я. Сиверс, бывший новгородский губернатор, проживавший тогда в своем имении в Лифляндии, писал к одному родственнику: «Так его нет более в живых, этого ужасного человека, который шутил когда-то, что станет монахом и архиепископом. Он умер; но каким образом? естественной ли смертью? или, может быть, Провидение нашло орудие мести? или это была молдавская горячка? — дар страны, которую он поверг в несчастье и над которой он хотел царствовать»³. Ростопчин сильно сожалел в 1792 году о том, что Попов, орудие Потемкина, имел влияние на дела, «отдавая отчет о предначертаниях Потемкина». «Память князя, — писал Ростопчин, — хотя и ненавистная всем, имеет сильное влияние на мнение двора; к нему нельзя применить пословицу: *morta la bestia, morta il venino* (sic)»⁴. Завадовский писал в 1795 году: «Память о князе Потемкине проходит, так как все следы больших матадоров время заглаживает»⁵. В минуту кончины его это событие казалось важным. Многие, считавшие Потемкина препятствием ми-

¹ Архив кн. Воронцова, VIII, 38, 41, 44.

² «Русский архив», 1876, III, 270.

³ «Der furchterliche Mann.» «Hat die Vorsehund eine rachende Hand getungen?» Blum, II, 541.

⁴ У мертвой змеи не остается яда. См. Архив кн. Воронцова, VIII, 53.

⁵ Архив кн. Воронцова, XII, 146.

ра, радовались его смерти. Безбородко писал к Завадовскому: «Когда было получено известие о смерти покойника, то в Константинополе подлецы наши, европейские министры, не выключая и Герберта, послали своих драгоманов к Порте с известием, что они сие происшествие приемлют за доброе предзнаменование к миру»¹. Болотов замечает в своих «Записках», что кончина Потемкина «поразила всю Россию не столько огорчением, сколько радостью»². Особенно радовался смерти князя польский король Станислав-Август, ожидавший особенно враждебных действий со стороны Потемкина против Польши по поводу государственного переворота 3 мая 1791 года³.

Из всего этого видно, сколь важным событием считалось современниками кончина Потемкина. Массон, находившийся в то время в России, писал о Потемкине и его значении: «Он создавал или уничтожал все; он приводил в беспорядок все. Когда его не было, все говорили лишь о нем; когда он находился в столице, никого не замечали кроме его. Вельможи, его ненавидевшие и игравшие некоторую роль разве только в то время, когда князь находился при армии, обращались в ничто при его возвращении... Его кончина оставила громадный пробел в империи»⁴.

В противоположность к искренней скорби Екатерины по случаю смерти князя ее ближайшие родственники были обрадованы известием об этом событии.

Нет возможности проконтролировать рассказы в донесениях дипломатов, но довольно вероятно, что сын и внуки Екатерины иначе смотрели на Потемкина, чем сама императрица. Мы не знаем, как было принято Павлом Петровичем известие о кончине князя; но можно думать, что он не разделял при этом случае печали матери. Впрочем, многие замечания современников о страшном антагонизме, якобы существовавшем между

¹ Архив кн. Воронцова, XIII, 218.

² Записки Болотова.

³ «Minerva», 1800. IV, 543—544. Гельбиг полагает, что король ошибался.

⁴ Masson. «Memoires secrets», I, 151.

Павлом Петровичем и князем Потемкиным, могут считаться если не лишенными основания, то, по крайней мере, сильно преувеличенными. Гельбиг рассказывает, что Потемкин не переставал обращать внимание Екатерины на опасность, грозившую ей со стороны сына, и на необходимость принятия мер против лиц, окружавших великого князя¹. В 1781 году, когда Павел путешествовал за границей, он получал от Бибикова письма, в которых заключались неблагоприятные отзывы о князе, и об этом узнали Екатерина и Потемкин². В среде иностранцев ходили слухи об интригах Потемкина, будто бы советовавшего Екатерине всячески удалять великого князя от войск. Рассказывали, что великий князь благодаря козням Потемкина играл ничтожно-скромную роль во время путешествия Екатерины по Южной России в 1787 году, что императрица, по совету же Потемкина, не дозволила сыну участвовать в турецкой войне³, и т.п. Все эти рассказы, основанные на слухах и сплетнях, не заслуживают доверия и не подтверждаются более солидными источниками. Зато из писем разных лиц мы узнаем, что между Потемкиным и великим князем существовали именно в восьмидесятых годах довольно благоприятные отношения. Неоднократно они обменивались письмами⁴. Фицгерберт в 1786 году доносил своему правительству о расположении великого князя к Потемкину⁵. К концу этого же года относится переписка Павла Петровича и Марии Федоровны с Потемкиным по поводу путешествия Екатерины в Южную Россию. Тогда именно происходила некоторая размолвка между императрицей и великокняжеской четой, которая при этом случае, так сказать, прибегла к защите князя. Письма эти свидетельствуют скорее о взаимном доверии, нежели о враждебных или натянутых отношениях между Потемкиным и

¹ «Minerva», 1797, II, 454.

² Там же, 1797. IV, 121.

³ Там же, 1798, I, 547; 1798. II, 293, III, 157.

⁴ См. письмо Турчанинова к Потемкину в «Записках Одесского общества», IX, 239.

⁵ «Сб. Исторического общества», XXVI, 134.

великим князем¹. Как видно из писем Гарновского, великая княгиня и в 1788 и в 1789 годах неоднократно и в благосклонном тоне говорила о Потемкине, спрашивала о состоянии его здоровья и проч.² В 1790 году Потемкин великокняжескую чету обрадовал отправлением к ней в подарок партии «левантского кофе»³. Во время последнего пребывания в Петербурге Потемкин неоднократно бывал в гостях у великокняжеской четы, интересуясь особенно художественными занятиями Марии Федоровны⁴.

Сообщая своим родителям о кончине Потемкина, Мария Федоровна замечает: «Карьера этого необыкновенного человека была блестящей; ум и способности его были громадны (*des plus grandes*), и думаю, что трудно или, пожалуй, даже невозможно начертить его портрет. Он составил счастье многих людей; но общее мнение не было расположено в его пользу. Что касается до меня, то я могу лишь хвалить его (*je ne puis que m'en louer*); он всегда старался поддерживать мои интересы, исполнять мои желания, нравиться мне и обращался со мной с почтением»⁵.

При всем том, однако, можно считать вероятным, что Павел не любил Потемкина. Князь играл важнейшую роль при дворе и в делах; великий князь, напротив, не имел никакого значения. Массон писал, что в 1791 году, во время пребывания Потемкина в С.-Петербурге, он показывал вид, что едва замечает «маленького Павла»⁶. В это же время саксонский дипломат Фелькерзам доносил, что возле знатного вельможи Павел Петрович казался совсем ничтожным⁷. Понятно, что Павел не особенно благосклонно отзывался о Потемкине. Рассказывают о

¹ «Русская Старина», VIII, 666—668.

² «Записки Одесского общества», VIII, 2239. «Русская Старина», XVI, 424.

³ «Русская Старина», XVI, 427.

⁴ Herrmann. «Erganzungsband», 104.

⁵ Schlossberger I с.

⁶ Masson. «Memoires secrets», I, 151.

⁷ Der Thronfolger erscheint gegen den Fursten Potemkin ganz klein. «Erganzungsband», 104.

следующем эпизоде. Однажды, скоро после вступления на престол, Павел, беседуя с В.С. Поповым, разговорился о Потемкине, обвинял его в расстройстве финансов и затем, постепенно возвышая голос, трижды поставил вопрос: «Как поправить все зло, которое Потемкин причинил России?» Вынужденный отвечать, Попов сказал: «Отдать туркам южный берег!» Смелая выходка бывшего правителя Потемкинской канцелярии так взволновала государя, что он бросился за шпагою; Попов же между тем удалился из дворца. Он был сослан в свое имение Решетилровку¹. О нерасположении Павла к памяти Потемкина свидетельствуют некоторые строгие цензурные меры при издании державинских стихотворений, в которых упоминалось о князе², а также ссылка слуг Потемкина³. Удивительно разногласие в отношении к Потемкину. При занятии историей его жизни ничто так резко не бросается в глаза, как привязанность к нему Екатерины, с одной стороны, и с другой — почти общая ненависть к нему современников. Императрица считала его деятельность в высшей степени полезною, высоко ценила его сотрудничество в делах правления; другие же, наоборот, жаловались на вред, причиняемый им России. Екатерина уважала и любила в нем человека не только чрезвычайно способного, но и симпатичного; другим он казался несносным деспотом, причудливым баловнем, упрямым эгоистом. Чем объяснить эту противоположность мнений, эти крайности в суждениях о Потемкине?

Во-первых, тем, что князь стоял ниже Екатерины, выше всех других. Потемкин был учеником императрицы, зависел от нее. Он хотя иногда и сталкивался с нею, но вообще должен был стараться угождать. Не имея возможности сделаться опас-

¹ «Древняя и новая Россия», 1875. III, 346.

² В оде «Победителю», сочиненной по случаю взятия Очакова, в печатном издании выпущена последняя строфа о величии Потемкина. См. изд. Грота, I, 234—235.

³ Когда при этом случае Секретарев, камердинер Потемкина, был отправлен в Сибирь, Павел сказал: «Это бывший холоп ее Алкивиада». «Русская Старина», XI, 154.

ным для нее, уступая ей в способностях и в силе воли, Потемкин легче мог пользоваться ее расположением. Она оставалась императрицею, и его никогда не покидало убеждение, что та самая государыня, которая обласкала его, осыпала милостями, доставила ему широкий круг деятельности, каждую минуту опять может удалить его и от себя, и от дел, уничтожить его положение, превратить его в ничто. Такая несамостоятельность князя в отношении к Екатерине смягчала в ее глазах некоторые из его неблагоприятных качеств. Совсем иначе относились к нему все другие лица без исключения. Пользуясь безусловным доверием императрицы, располагая громадными средствами, превосходя всех других и властью и богатством, Потемкин легко мог казаться недостойным своего положения и избалованным счастьем временщиком. Соперничество, зависть должны были усилить строгость критики при обсуждении его качеств и действий. Своим положением он мешал многим, не давал дороги разным вельможам, заслоняя других, сделался камнем преткновения для всех. Немудрено поэтому, что Екатерина и другие лица, смотря на Потемкина совершенно с противоположных сторон, коренным образом расходились в оценке его.

Во-вторых, нужно признать, что в характере Потемкина соединены были совершенно противоположные качества — добро и зло, добродетель и пороки, замечательные умственные способности и большие нравственные недостатки. Он был в одно и то же время замечательным государственным деятелем и легкомысленным сибаритом, представителем всеобъемлющих проектов Екатерины и своенравным, корыстолюбивым аферистом. В нем были соединены гениальность, и сила, и слабость, героизм и фанфаронство, идеализм и цинизм, культурная утонченность и тупое варварство, гуманность и кичливое самолюбие, ум и сумасбродство. Такая пестрота качеств Потемкина, такое отсутствие гармонии в его личности объясняет противоречия в суждениях о нем. Его хвалили одни и порицали другие, его хвалили и порицали одни и те же лица, смотря по тому, на что при отзыве о нем было обращено главное внимание; сложность этой личности заставляла многих современников в одно и то же время восхвалять и презирать его, удивляться громадности его

дарований и осуждать испорченность его нрава, считать его то героем, то преступником, то представителем великих идей, то пустым хвастуном. Недаром во время осады Очакова принц де Линь сравнивал его то с Терситом, то с Ахиллом. Оба эпитета соответствовали его личности.

Принц де Линь так очерчивает Потемкина: «Показывая вид ленивца, трудится беспрестанно; не имеет стола, кроме своих колен, другого гробня, кроме своих ногтей; всегда лежит, но не предается сну ни днем, ни ночью; беспокоится прежде наступления опасности и веселится, когда она настала; унывает в удовольствиях; несчастен оттого, что счастлив; нетерпеливо желает и скоро всем наскучивает; философ глубокомысленный, искусный министр, тонкий политик и вместе избалованный девятилетний ребенок; любит Бога, боится сатаны, которого почитает гораздо более и сильнее, нежели самого себя; одною рукою крестится, а другую приветствует женщин; принимает бесчисленные награждения и тотчас их раздает; лучше любит давать, чем платить долги; чрезвычайно богат, но никогда не имеет денег; говорит о богословии с генералом, а о военных делах с архиереями; по очереди имеет вид восточного сатрапа или любезного придворного века Людовика XIV и вместе изнеженного сибарита. Какая же его магия? Гений, потом и еще гений; природный ум, превосходная память, возвышенность души, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливая смесь причуд, великая щедрость в раздании наград, чрезвычайная тонкость, дар угадывать то, что он сам не знает, и величайшее познание людей; это настоящий портрет Алкивиада»¹. «В нем есть много исполинского, романтического и варварского», — сказал де Линь о Потемкине в другом месте². Эстергази писал своей жене: «Никто не станет отрицать в нем обширных, гениальных способностей, приверженности к монархии, радения о государственной славе. Но ему ставят в упрек его леность, нарушение заведенных порядков, страсть к богатству и роскоши, чрезмерное уважение собственной личности и разные причуды, до такой

¹ Записки Энгельгардта, 35.

² Masson. «Memoires secrets», I, 151.

степени странные, что иной раз рождалось сомнение — в здоров ли он уме. От всего этого он скучал жизнью и был несчастлив, и ты легко поймешь это: он не любил ничего»¹.

Сегюр писал о Потемкине: «Иногда он обнаруживал гений орла, иногда легкомыслие ребенка. Великие предметы заставляли его действовать, мелочи останавливали его действия; никто не составлял какой-либо проект столь быстро, как он; никто не исполнял своих проектов столь медленно и не отказывался от их исполнения столь легко, как он. Занявшись устройством фабрик, он после о них не заботился; купив что-либо, он сейчас был готов продать эту вещь; часто он опрокидывал то, что только что им самим было построено... Музыка или какое-либо стихотворение отвлекали его от занятия каким-либо политическим вопросом; своим легкомыслием он часто лишался доверия, необходимого при делах, требующих последовательности и постоянства в труде»². В записках П.В. Чичагова сказано: «Гений Потемкина царил над всеми частями русской политики, и великая государыня могла лишь радоваться его умению содействовать ее видам». И дальше: «Кто же из государственных людей более Потемкина способствовал расширению пределов и могущества империи? Он приобрел для России области в одном из благотворнейших климатов Европы», и проч., и проч., а затем: «Его гений парил над всею политикою империи наряду с гением его бессмертной государыни»³.

Вопрос о том, что могло заставлять императрицу столь высоко ценить Потемкина, занимал иностранных дипломатов. Так, например, сардинский посланник де Парело писал: «Потемкин — необыкновенный человек... Я никогда не слышал ни о каких его подвигах, которые являли бы в нем истинного воина... Он баловень счастья... он сам сказал, что все проекты, вышедшие из его головы, имели успех, и что по этой причине он чрезвычайно предприимчив. Ободряемый таким успехом, он

¹ «Осьмнадцатый век», I, 425.

² Segur. «Memoires et souvenirs», II, 385—386.

³ «Русская Старина», 1886, LI, 261 и 514.

задумал план расширения владений России до Черного моря... Человек, предлагавший обширные предприятия, мог, наверное, рассчитывать на благорасположение Екатерины; а таким являлся человек, близкий ее сердцу и обладавший дарованиями, способными вести политическую нить труднейших интриг... Идол, которому мы здесь кадим (Потемкин), странное существо... Князь такой человек, который возвысился столько же своим умом, сколько по счастливому стечению обстоятельств. Он поддерживается скорее необходимостью довести до конца проекты, которые он задумал и заставил принять, нежели потому, чтобы он был любим. Он более имеет природного ума, чем образования; он обладает главным из всех дарований, необходимых министру, способностью познавать людей. Но можно ли считать его честным, искренним, откровенным? Говорят, что нет»¹.

О политическом значении Потемкина возле Екатерины доносил Сегюр французскому министру Верженну: «Князь пользуется безграничным влиянием; ему известны все тайны, все добродетели и слабости государыни; он необходим для ее ума; он имеет власть над ее сердцем; она смотрит на него как на единственного человека, способного управлять армией и принять какое-нибудь твердое решение в случае революции; это единственный подданный, верность которого она считает твердой и неподкупной. Несметные богатства, которыми она его награждает, и та громадная власть, которую она ему предоставила, неразрывно связывают его интересы с жизнью этой государыни. Он служит ей оплотом против всех невзгод, какие ей могут угрожать; она считает его, и совершенно справедливо, единственным человеком, у которого есть гордость, ум и характер»².

Еще сильнее, но едва ли верно А.М. Тургенев характеризует значение Потемкина, замечая в своих записках: «Действия Потемкина не имели пределов; власть и воля его превышали волю и власть каждого; но со смертью Потемкина Екатерина

¹ «Сб. Исторического общества», XXVI, 311—318.

² Там же, 127.

перестала (до известной степени) быть самовластной, самодержавной повелительницей России. Один придворный блеск, ее окружавший, как тень самодержавного величества, остался ей в удел. Вельможи делали что хотели (??), не страшились ответственности и возмездия, будучи уверенными, что некому исполнить веление государыни: Потемкина уже не существовало¹. А далее А.М. Тургенев пишет о Потемкине: «Искренний и бескорыстный (?) друг Екатерины, человек необразованный, но великий гений, человек выше предрассудков, выше своего века, желавший истинно славы отечества своего, прокладывавший путь к просвещению и благоденствию народа русского». И тут сказано, что после кончины Потемкина начался упадок, которым ознаменованы последние годы царствования Екатерины².

Даже в отношении к одним и тем же качествам Потемкина в отзывах встречаются противоречия. Иосиф II говорит о нем: «Он человек ленивый, беспечный и слишком холодный для того, чтобы заняться каким-либо делом последовательно»³. Ф.Н. Голицын замечает в своих «Записках»: «Заграбя многие важные должности, он от своей лени слишком на других надеялся, следовательно худо их исполнял. Был сластолюбив, не имел нужной в делах деятельности. Военный департамент, ему вверенный, не в самом лучшем был порядке»⁴. Завадовский писал к С.Р. Воронцову о Потемкине: «Нерадение его, при жажде властвования, в отношении дел суть его пороки»⁵. «Нет возможности найти человека более ленивого, небрежного, более равнодушно относящегося к делам», — доносил английский дипломат Витворт (Whitwort) герцогу Лидсу (Leeds) о Потемкине в 1791 году⁶. О неряшливости князя говорили часто. Завадовский писал однаж-

¹ «Русская Старина» (1886), LII, 260—261.

² Там же, 1889, LXII, 210.

³ Arneth. «Maria-Theresia und Joseph II», III, 264.

⁴ «Русский архив», 1874, I, 1279.

⁵ Архив кн. Воронцова, XII, 61.

⁶ Herrmann. «Erganzungsband», III—112.

ды о каком-то сановнике, что Потемкин «не любит его за любовь к порядку»¹. С.Р. Воронцов сильно порицал князя за небрежность, с которой он самые важные бумаги оставлял на своем письменном столе, так что государственные дела не оставались в тайне². Другие лица, напротив, хвалили необычайную рабочую силу Потемкина, ловкость, с которой он занимался редакцией бумаг³. Геррис удивлялся тому, как рано вставал Потемкин, усидчиво занимался делами и проч., а в другом месте он замечает, что лень и нерадение князя не знают пределов⁴. Самойлов, в объяснении этой загадочной черты в характере Потемкина, между прочим, замечает: «При всех своих предприятиях, имея способность делать все без великого напряжения сил, казался он для публики ни о чем не попечительным и даже рассеянным. Однако ж государыня и приближенные знали его свойство и дух, способный к деятельности без принуждения и утомления»⁵.

В необычайных способностях Потемкина никто не сомневался. Суворов говорил о нем: «Великий человек: велик умом, велик и ростом, не походил на того высокого французского посла в Лондоне, о котором канцлер Бакон сказал, что чердак обыкновенно худо меблируют»⁶. Пален заметил, что Потемкин единственный гениальный человек из всех людей, с которыми ему приходилось иметь дело⁷. «Потемкин, — писал Дом (Dohm), — человек гениальный и талантливый; но его ум и характер не располагают любить и уважать его»⁸. Герцог Ришелье называл его великим и гениальным, но в то же время

¹ Архив кн. Воронцова, XII, 80.

² Там же, 78.

³ Замечание Грибовского в «Сб. Исторического общества», XXVII, 217.

⁴ Nagris, I, 483, 486 (второе издание).

⁵ «Русский архив», 1867, 1206—1207.

⁶ Петрушевский. «Суворов», I, 423—424.

⁷ «Русский архив», 1880, II, 236.

⁸ «Древняя и новая Россия», 1879, II, 85.

мелочным и подвергнутым слабостям, человеком, склонности и вкус которого иногда оказывались достойными смеха. Герцог, впрочем, находил, что хорошие качества князя далеко превосходили его пороки и слабости. В восхищении герцог говорил о широких познаниях Потемкина, о его умении собирать сведения о людях и вещах при каждом случае, о его сметливости, его быстроте соображения, о пикантности беседы с ним. «Почти все действия Потемкина, — пишет герцог Ришелье, — носят отпечаток величия и великодушия (*de la noblesse et de la grandeur*)»¹.

Нельзя сомневаться в довольно многостороннем образовании Потемкина. Кокс писал о нем: «Он отличался быстрым пониманием и редкой памятью, имел общее, хотя поверхностное понятие о литературе. Его начитанность ограничивалась французской беллетристикой, русскими духовными писателями и переводами классиков, особенно Плутарха; но масса сведений, приобретенных им от лиц различных профессий, с которыми он сталкивался, была изумительна»². Особенно он любил слушать рассказы о путешествиях и походах³. Чрезвычайно охотно он занимался музыкой. Неоднократно он посылал к Гримму, с которым находился в переписке, копии нот новых сочинений Сартти и других композиторов⁴. Гримм называл его «*mon bienfaiseur en musique*»⁵. Посылая Гримму какой-то «хор дервишей», Потемкин снабдил эту музыку разными примечаниями⁶. Любопытно, что граф Андрей Кириллович Разумовский, живя в Вене и желая угодить Потемкину, писал ему в 1791 году: «Хотел было я отправить к вам первого пианиста и одного из лучших композиторов в Германии, именем Моцарт. Он не доволен своим положением здесь и охотно предпринял бы это путешествие. Те-

¹ «Сб. Исторического общества», LIV, 15, 148—149.

² «Русская Старина», XIX, 37.

³ «Сб. Исторического общества», XXIII, 104.

⁴ Там же, 333, 374—378, 383, 386.

⁵ Там же, XXXIII, 240.

⁶ Там же, XXIII, 399.

перь он в Богемии¹, но его ожидают сюда обратно. Если ваша светлость пожелает, я могу нанять его не надолго, а так, чтобы его послушать и содержать при себе некоторое время»². С разными лицами Потемкин переписывался о литературе. То он посылал одному английскому лорду какие-то греческие книги³, то он восхищался переводом од Пиндара, которые, по желанию князя, были переведены на русский язык⁴, и проч. Список книг, находившихся в библиотеке князя, дает нам понятие о литературных занятиях его. Тут было более двух тысяч сочинений, между которыми книги богословского содержания занимали самое видное место⁵. Так же и дошедшие до нас заметки о походной типографии князя заключают в себе некоторые данные о наклонностях его к словесности и богословию⁶.

В молодости он писал стихи, между прочим, сатиры и эпиграммы на начальников в университете⁷; в 1790 году он сочинил стихи в честь Екатерины по случаю заключения Верельского мира⁸. Недаром Потемкин считался меценатом, покровителем поэтов. Многие из последних обращались к нему с письмами, всячески льстя ему, говоря о «музах», о Гомере и проч.⁹ К Державину Потемкин относился, как известно, довольно благосклонно. Некоторые, впрочем, добродушные шутки поэта насчет князя в оде «Фелица» не оскорбили последнего, хотя Державин сильно опасался гнева временщика по этому поводу¹⁰.

Известно, что в некоторых стихотвореньях Державин воспевал князя, например в оде «Решемыслу», написанной по просьбе

¹ Там именно давали в это время «Волшебную флейту» Моцарта.

² Васильчиков. «Семейство Разумовских», III, 122.

³ Архив кн. Воронцова, IX, 468.

⁴ «Сб. Исторического общества», XXIII, 172.

⁵ «Записки Одесского общества», VIII, 458—460.

⁶ Там же, IV, 470—472.

⁷ «Русская Старина», XII, 487.

⁸ См. «Сб. Исторического общества», XXXIII, 274.

⁹ «Русский архив», 1871, 71—74.

¹⁰ Грот. Державин, I, 134, 135, 137, VIII, 297.

Дашковой¹. Державин рассказывает, что Потемкин, приехав из армии в 1791 году, стал к нему ласкаться, изъявляя желание познакомиться ближе с автором «Фелицы» и «Решемысла». Но когда в хорах, сочиненных Державиным по случаю потемкинского праздника в Таврическом дворце, была отдана Румянцеву равная честь с Потемкиным, князь, видимо, обиделся и обнаружил в обращении с поэтом некоторую холодность². После, однако, он уверил его в своем благорасположении, так что Державин мог заметить в своих «Записках»: «Должно справедливость отдать князю Потемкину, что он имел весьма сердце доброе и был человек отлично великодушный»³. Ода «Водопад», написанная после кончины князя, свидетельствует о сильном впечатлении, произведенном этим событием на поэта. «С лихвой, — замечает Я.К. Грот, — Державин заплатил долг благодарности своему покровителю, воздвигнув этот поэтический памятник на могиле его в то время, когда многие без стыда носили память павшего кумира. «Водопад» есть блестящая апофеоза всего, что было в духе и делах Потемкина действительно достойного жить в потомстве. Только даровитый поэт мог так понять и начертить этот исполинский исторический образ России XVIII века»⁴.

Восхваляя «обширный ум, глубокомысленное понятие и самое пылкое воображение Потемкина», Самойлов сообщает некоторые данные об особенных наклонностях и о вкусе князя в области художеств и литературе. Так, например, он пишет: «В архитектуре он предпочитал огромное и величественное... пылкое его воображение и огромные замыслы не вместились были в тесных стенах. Всем прочим красотам сего художества предпочитал он легкость и простоту ионического ордена. Живопись и скульптуру любил в их совершенствах, и никогда никто не обманул его в оных, а отличных художников уважал и старался

¹ Грот, Дежавин, I, 170—177, VIII, 347.

² Там же, VI, 614—619.

³ Там же, 620—621.

⁴ Там же, VIII, 601.

доставить им уважение. Музыка не учась, судил об ней как знаток, любил в оной все важное и возвышенное; многих музыкантов и виртуозов имел на своем иждивении... Он желал иметь в своем ведении академию художеств... В слове отечественном он был сведущ и углублялся в исследование языка; витиев и поэтов уважал, и из современных людей, в сем отличавшихся, предпочитал другим В.И. Петрова, прославившегося переводом Виргилиевой «Энеиды». Из литераторов особенно уважал И.Н. Болтина, которому дал идею и просил сделать возражение на сочиненную Леклерком «Российскую историю». Дружен был к покойному Е.А. Черткову, и проч. Собираясь отправиться в путь в Киев, Херсон и Крым вместе с императрицей, французский дипломат Сегюр писал к Потемкину из С.-Петербурга 20 декабря 1786 года: «Императрица везет с собой библиотеку; я надеюсь прочесть с вами несколько греческих трагедий, анакреонтических од и даже переложить в стихи некоторые их отрывки», и проч.¹

О занятиях Потемкина богословием Самойлов почти вовсе не говорит. Он только замечает, что князь «по образу мыслей никогда не входил в таинственные общества, славившиеся мистицизмом; но имел истинное уважение к догматам и обрядам веры, многих духовных особ почитал и отличал», и проч.²

Потемкин, как известно уже читателям, часто мечтал о монашестве. Вероятно, эта склонность его к занятиям вопросами богословия и церкви дала повод Екатерине поместить его еще в молодости за прокурорский стол в синод. «Государыня, — рассказывает Самойлов, — во время архиерейского служения в придворной церкви призывала его к своему месту, спрашивала изъяснений о таинствах литургии и об обряде облачения архиепископского»³. Его особенно интересовали догматические вопросы раскола, вопрос о различии между православной и

¹ «Исторический Вестник», 1880, III, 194.

² «Русский архив», 1867, 1570.

³ Там же, 1876, 592.

католической церквами¹. Находясь в сношениях со старообрядцами, он исходатайствовал у государыни и в правительствующем синоде позволение открыть для них церкви и молельни, оставив им старые книги и обряды². Потемкин приносил в дар церквам богатые пожертвования³, строил на свой счет церкви⁴ и даже занимался составлением «Канона Святителю».

В других отношениях князь часто далеко не походил на монаха — был человеком плоти и отличался чувственностью. Допуская, что Потемкин был подвержен страсти к женщинам, Самойлов спрашивает: «Да кто же из великих людей не подвержен был сей страсти? — Затем продолжает: — Но склонности князя Потемкина к прекрасному полу были самые благородные, не соблазнительные; не производящие разврата; если он иногда имел сокровенные связи, то не обнаруживал оных явно; не тщеславился, подобно многим знаменитым людям, своими метресами и не заставлял через них искать у себя защиты и покровительства»⁵.

Другие современники менее снисходительно судили о Потемкине в этом отношении. Болотов пишет о князе: «Он имел у себя несколько родных племянниц, которые, ежели верить носившейся тогда всеобщей молве, были вкупе и его любовницы; всех их пороздал он кой за кого⁶. Княгиня Голицына, г-жа Шепелева, г-жа Браницкая и г-жа Скавронская, его племянницы, были, как утверждают, его любовницами». Граф С.Р. Воронцов писал Кочубею в 1802 году, описывая повреждение нравов при русском дворе: «Мы же видели, как князь Потемкин из своих родственниц составил для себя гарем в самом дворце, часть которого он занимал»⁷. Граф С.Р. Воронцов в мае 1799 года же-

¹ «Vie de Potemkine». Paris, 1808, 28.

² «Русский архив», 1867, 1206.

³ Там же, 1873, 2317.

⁴ Там же, 1882, II, 92 и след.

⁵ Там же, 1867, 1574.

⁶ Записки Болотова. Приложение к т. VI «Русской Старины», VI, 812.

⁷ Архив кн. Воронцова, XI, 360.

лал, чтобы его дочь сделалась фрейлиной, причем заметил: «При прежнем царствовании я бы не согласился на это и предпочел бы для моей дочери всякое другое место пребыванию при дворе, где племянницы князя Потемкина по временам разрешались от бремени, не переставая называться *demoiselles d'honneur*»¹. Рассказывают, что Потемкин не любил своей матери за то, что она говорила ему правду о его поведении с родными племянницами². Ходили слухи о близких отношениях князя к жене Калиостро³. Как было указано раньше, в лагере, во время турецкой войны, князя окружало общество женщин; тут были: П.А. Потемкина — супруга Павла Сергеевича Потемкина, графиня Самойлова — супруга племянника князя, княгиня Долгорукая, жена польского генерала, славившаяся красотой, г-жа де Вит и другие⁴.

О любовных похождениях Потемкина с дамами, находившимися в лагере во время турецкой войны, ходило множество анекдотов. Державин замечает, объясняя одно из своих стихотворений: «Многие почитавшие кн. Потемкина женщины носили в медальонах его портрет на грудных цепочках»⁵. И в описании знаменитого праздника 1791 года Державин представляет князя каким-то селадонем, говоря о нем, как о «нежном воздыхателе»⁶. В «Записках» Ф.Н. Голицына сказано, что в 1791 году, во время пребывания в Петербурге, «дамская беседа занимала его совершенно, и он ни об чем другом не разговаривал, как о нарядах женских»⁷. Уже в 80-х годах говорили, что князь был влюблен в одну из дочерей Льва Александровича Нарышкина⁸. В марте 1791 года Безбородко писал: «Князь у Льва Александр-

¹ Архив кн. Воронцова, XXII, 497.

² «Русская Старина», XII, 40.

³ Там же, 65—66.

⁴ Энгельгардт, 81.

⁵ Грот, Дежавин, I, 485.

⁶ Там же, VIII, 599.

⁷ «Русский Архив», 1874, I, 1280.

⁸ Segur. Memoires, II, 275.

ровича всякий вечер проводит. В городе уверены, что он женится на Марье Львовне»¹. Барон Бюлер рассказывает, что князь заказывал у живописца Лампи портрет одной из окружавших его красавиц; когда приехал к нему курьер с важными новостями о политических делах, князь ни о чем не спрашивал его, ни о чем слышать не хотел и страшно рассердился, что курьер ничего не знал о портрете². Княгиня П.Ю. Гагарина рассказывала о вольном обращении князя с окружавшими его дамами следующий эпизод, случившийся с ней в Яссах в 1790 году. Потемкин стал ухаживать за ней; затем, ввиду прибытия турецких уполномоченных, шутя обещал ей, так как она была беременна, собрать конгресс в ее спальне; однажды у себя после обеда князь схватил ее за талию, за что она при многочисленном собрании дала ему со всего размаха пощечину. Все ахнули. Взбешенный и растерянный Потемкин поспешно ушел в свой кабинет. Гости остались в оцепенении и ужасе. Укоры отовсюду посыпались в запальчивую княгиню; муж хотел увезти ее; но она предпочла храбро выжидать развязки и стала обращать этот казус в смех и шутку. Действительно, не прошло и четверти часа, как Потемкин с улыбающимся лицом снова вошел в залу и, поцеловав руку княгини, поднес ей изящную бомбоньерку с надписью «Temple de l'Amitie»³. Вскоре после кончины Потемкина в Петербург приехала г-жа Виже-Лебрен, бывшая свидетельницей, что здесь «все еще продолжали говорить о князе, как о каком-то чародее», и рассказывали, между прочим, следующие черты о страсти князя к женщинам. Однажды в лагере он устроил великолепный праздник в честь княгини Долгорукой и поместил ее за обедом возле себя. За десертом были поданы хрустальные чаши, наполненные брильянтами, которые раздавались дамам целыми ложками. Когда царица пиршества выразила удивление по поводу такой роскоши, Потемкин тихо ответил ей: «Ведь я праздную ваши именины; чему же вы удивляетесь?»

¹ «Сб. Исторического общества», XXVI, 498.

² «Древняя и новая Россия», 1875, III, 335.

³ Там же, 335.

Ему все было нипочем, лишь бы удовлетворить желанию, капризу обожаемой им женщины. Однажды, узнав, что у Долгорукой не оказалось бальных башмаков, которые она обыкновенно выписывала из Парижа, он послал за ними нарочного; тот скакал день и ночь и к сроку привез-таки башмаки. В другой раз Потемкин, влюбленный в г-жу Вит, расточая перед ней самые изысканные любезности и желая подарить ей кашемировую шаль безумно высокой цены, дал праздник, на котором было до 200 дам; после обеда была устроена лотерея, но так, что каждой досталось по шали; лучшая же шаль выпала на долю г-жи де Вит. Она была по происхождению гречанка, и ее знали в свое время под именем «la bele Fanariote»¹. Впрочем, в это время генеральша де Вит была уже не молодой женщиной, так как ее сын состоял в 1791 году поверенным в делах Потемкина в Петербурге.

Сохранились кое-какие корреспонденции Потемкина с разными женщинами. Вот некоторые выдержки из переписки Потемкина с племянницей Варварой Энгельгардт (в 1778 г.), вышедшей после за князя Голицына. Она терзала дядю ревностью, капризами, непостоянством и проч.; он же всячески старался угождать избалованной племяннице. Так, например, она писала между прочим: «Я теперь вижу, что вы меня ничего не любите; когда б вы знали, чего мне стоила эта ночь, душка злая моя, ангел мой, не взыщи, пожалуйста, мое сокровище бесценное; приди, жизнь моя, ко мне теперь, ей-богу грустно, душа моя, напиши хоть строчку, утешь свою Вареньку». Или: «Папа, жизнь моя, очень благодарю за подарок, за письмо, которое всегда буду беречь. Ах, мой друг, папа, как я этому письму рада! Жизнь моя, приду ручки твои целовать». «Мой любезный ангел, в мыслях тебя целую миллионы раз». «Если вы помните

¹ «Древняя и новая Россия», 1876, III, 192 и 193. Барон Бюлер (в «Древней и новой России», 1875, III, 346) рассказывает, что у Потемкина была дочь от связи его — как выражается г-н Бюлер — «если я не ошибаюсь, с гречанкой». Г-н Бюлер видел ее в Петербурге в 1834 году, и ей было тогда под 50 лет. Отец г-на Бюлера находил, что она складом лица очень напоминала Потемкина.

Бога, если вы когда-нибудь меня любили, то, прошу вас, забудьте меня навеки, а я уж решила, чтобы оставить вас. Желая, чтобы вы были любимы той, которую иметь будете; но верно знаю, что никто вас столь любить не может, сколько я дурачилась понапрасну; радуюсь, что в одну минуту узнала, что я только была обманута, а не любима вами». В другом письме: «Посылаю к вам все ваши письма, а вас прошу, если помните Бога, то пришлите мои... Будьте уверены, что я не забуду во весь век, что я с вами несчастлива».

Письма Потемкина наполнены фразами следующего рода: «Варенька, душа моя... я сам сегодня буду тебя целовать. Прости, моя жизнь, моя милая». «Варенька, я тебя люблю до бесконечности, мой дух не имеет, oprичь тебя, другой пищи... ты обещала меня любить вечно; я люблю тебя, душа моя, как еще никого не любил... Прости, мое божество милое, я целую всю тебя». «Не забыл я тебя, Варенька, и не забуду никогда... я целую всю тебя... как ни слаб, но приду к тебе. Жизнь моя, ничто мне так не мило, как ты... целую тебя крепко... голубушка, друг бесценный... Прости, мои губки сладкие, приходи обедать». «Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь. Я, идучи от тебя, тебя укладывал, и расцеловал, и одел шлафроком, и перекрестил». «Скажи, моя душа, красавица моя, божество мое, что ты меня любишь; от этого я буду здоров, весел, счастлив и покоек; я весь полон тобой». «Душа моя, любовница нежная. Победа твоя надо мной и сильна и вечна... приду уж тебя целовать». «Ты живешь в моем сердце и будешь там вечно». «Варюшечка, душа моя, не смей немочь¹; я за это высеку. Сударушка моя, я видел тебя во сне очень хорошо. Уж оденусь и приду тебя целовать». «Куколка моя, целую тебя 22 миллиона раз». Хочется целовать тебя. Голубушка, пишу к тебе для того, что мне приятно заниматься тобой; ручки твои бесценные. Для чего я не могу их иметь всегда при себе». «Целую тебя всю с ног до головы. Мой ангел, для чего шуба счастливее меня?». «Мой ангел, щечки мои румяные; целую тебя, мою любезную... все ты на уме» и проч., и проч.

¹Быть нездоровой.

Ко времени размолвки Потемкина с Варварой Васильевной Энгельгардт относятся письма двух других дам, писанные по-французски; и тут встречается выражение нежнейших чувств, идет речь о любви. Встречаются следующие фразы: «Как ты провел ночь, мой милый; желаю, чтоб для тебя она была покойней нежели для меня; я не могла глаз сомкнуть... мысль о тебе единственная, которая меня одушевляет. Прощай, мой ангел, мне недосуг сказать тебе более..., прощай; расстаюсь с тобой; муж мой приедет сейчас ко мне». В письме другой подруги Потемкина говорится: «Матинька, как мне досадно, я тебя так издали только видела... Скажи мне, по крайней мере, любишь ли ты меня... Когда я тебя увижу, моя жизнь?... Заезжай ко мне; мне бы хотелось всякую минуту быть с тобой; все бы тебя целовала, да тебе бы надоела»... «Я люблю тебя до безумия; дай мне расцеловать тебя миллион раз до твоего отъезда... целую тебя тридцать миллионов раз с ежеминутно возрастающей нежностью; пальчики и беленькие ножки целую в мыслях», и проч.

Еще какая-то, также неизвестная дама писала к Потемкину между прочим: «Не всякий так умен, так хорош, так приятен, как ты... во всем ты отличаешься от прочих... чтоб мне смысл иметь, когда ты со мной, надобно, чтоб я глаза закрыла... взор мой тобой пленен... Куда как бы нам с тобой весело было вместе сидеть и разговаривать, если б друг друга меньше любили; умнее бы были... ведь не поверишь, радость, как нужно для разговора, чтоб менее действовала любовь», и проч.

Есть и еще другие записки такого же рода. Так, например, одна дама писала к князю: «Люблю тебя безмерно и веселюсь твоей ко мне любовью, милый и бесценный друг, собственный голубчик, ангел». «Я не понимаю, что вас задержало; неужели что мои слова подавали к тому повод, чтоб ранее все утихло и я б вас и раньше увидеть могла, а вы, тому испужавшись и дабы меня не найти на постели, и не пришли, но не изволь бояться; мы сами догадливы; лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в библиотефику к дверям, чтоб вас дожидаться, где в сквозном ветре простояла два часа, и не прежде как уже до одиннадцатого часа в исходе и пошла с печали лечь в постель, где по милости вашей пятую ночь про-

водила без сна». «Душенок... мы навеки сердцем Гришатки крепки». «Батенька, мой милый друг, приди ко мне, чтобы я могла успокоить тебя бесконечной лаской моей». «Люблю тебя как душу душа, душатка милая». «Гришенок, бесценный, беспримерный и милейший в свете; я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, целую и обнимаю тебя, душою и телом... Adieu p'atoug, топ соеуг, мой дорогой, славной и сладкой, и все что тебе милое, приятное, умное представить можешь», и проч. «Машурка, здоров ли ты?» «Как я ласкова, то от вас зависит платить неравною монетою: гяур, москов, казак, яицкий Пугачев, индийский петух, павлин, кот заморский, фазан золотой, тигр, лев в тростнике». «Шалун, долго ли тебе дуться?» «Воля твоя, милуша милая, Гришифишичка, а я не ревную, а тебя люблю очень». «Сокол, мой дорогой, позволь себя вабить (приманить птицу — *примеч. ред.*), давно и долго ты очень на отлете»¹.

Между бумагами М.А. Хмырова нашлись следующие записки к князю, неизвестно кем написанные и без обозначения года: «Souvenir pour топ cher ange: светлейший пушонка, купидончик, мягкие щечки; не забыли ли вы, что мне проиграли 150 рублей, да обещали кафтан шитый, помады и горшок роз. Пожалуйста, жизнь моя, пришли, коли хочешь, чтоб я тебе не наскучила и расцеловала твои милые мягкие щечки. Утешь меня, душа моя, пришли все эти вещи с этим посланным». Другая записка: «Душа моя, светлейший пунюшка, мягкие щечки, позволь себе напомнить: нынешние дни Христа миром мазаны, а ты помажь помадой; и погребенье его покрыли плащаницами, а ты, жизнь моя, нас на здоровье одень своим кафтаном; по-

¹См. биографию Потемкина в «Русской Старине», XII, 512—522 и 681—685. Далее статью: «Язык любви сто лет назад» в «Русской Старине», XXXI, 498—502, и XXXII, 195—200. Нельзя не пожалеть о том, что издатели этих любопытных материалов не сообщили ни слова о том, где были найдены эти записки. Не подлежат ли некоторых из этих записок перу Екатерины II, например, в XXXII томе, стр. 200, № 104—111? Вопрос этот можно бы легко решить по почерку.

жалуй, купидон мой милый, и роз к празднику пришли», и проч.¹ Там же еще записка в гордом тоне, ответ на некоторые предложения князя, на французском языке.

Потемкину было около 50 лет, когда он, во время второй турецкой войны, страстно влюбился в Прасковью Андреевну Потемкину, рожденную Закревскую. Эта 26-летняя красавица находилась в лагере. Сохранился целый ряд записок князя к ней; все они свидетельствуют о нежной, идеальной любви князя к этой женщине. Местами в этих письмах проглядывается некоторый мистицизм. Переписка началась в марте 1789 года и продолжалась до января 1790 года. Большая часть писем князя на цветных золотообрезных листах почтовой бумаги.

Князь писал между прочим: «Жизнь моя, душа общая со мной! Как мне изъяснить словами мою к тебе любовь, когда меня влечет непонятная к тебе сила, и потому я заключаю, что наши души сродные. Нет минуты, чтобы то, моя небесная красота, выходило у меня из мысли; сердце мое чувствует, как ты в нем присутствуешь... Суди же, как мне тяжело переносить твое отсутствие. Приезжай, сударушка, пораньше, о мой друг! утеха моя и сокровище бесценное ты; ты дар Божий для меня... Целую от души ручки и ножки твои прекрасные, моя радость!.. Моя любовь не безумной пылкостью означается, как бы буйное пьянство, но исполнена непрерывным нежнейшим чувствованием... Из твоих прелестей неописанных состоит мой экстаз, в котором я вижу тебя живо перед собой». В другом письме: «Я тебе истину говорю, что тогда только существую, как вижу тебя, а мысли о тебе всегда заочно, тем только покоен. Ты не думай, чтоб сему одна красота твоя была побуждением или бы страсть моя к тебе возбуждалась необыкновенным пламенем; нет, душа, она следствием прилежного испытания твоего сердца и от тайной силы, и некоторой сродной склонности, что симпатией называют. Рассматривая тебя, я нашел в тебе ангела, изображающего мою душу. Итак, ты — я; ты нераздельна со мной; я весел — когда ты весела, и сыт, когда сыта ты», и проч.

Устраивая какое-то драматическое представление, в котором

¹См. «Исторический Вестник», 1881, IV, стр. 221.

Потемкина должна была играть главную роль, князь подробно описывает великолепную декорацию сцены, обнаруживая при этом пылкое воображение и тонкий вкус: «Ты все покроешь красотой, а всего прекраснее, что ты сама не мнишь подобной силы». «Я воображаю, как ты на театр выйдешь, как все просветится и как все оживится; один я буду без памяти». «Ты мой Григорий Александрович в женском виде; ты моя жизнь и благополучие». В одном из писем сказано: «Красавица моя; ежели есть живость в моих описаниях, сие немудрено; я заимствую все от красот твоих; ты хороша беспримерно; нельзя найти порока ни в одной черте твоего лица... Ты мой цвет, украшающий род человеческий, прекрасное творение; о! если б я мог изобразить чувства души моей к тебе, открылся бы рай доброт, не будучи же в силах описать, как они присутствуют в моем сердце, я их в оном сохраняю навсегда, дыша огнем твоих прелестей», и проч. И дальше: «Знаешь ли ты, прекрасная голубушка, что ты кирасиром у меня в полку! Куда как шапка к тебе пристала; и я прав, что к тебе все пристанет. Сегодня надену на тебя архиерейскую шапку... Утешь меня, моя беспримерная красавица, сделай коленкоровое платье с малиновым атласом. Картина моя прекрасная, я тебе цены не знаю. Я жду тебя видеть столь прекрасную, как солнце. Ты моя весна». И еще: «Без тебя со мной только половина меня; лучше сказать, ты душа души моей, моя Парашенька». А затем: «Ты смирно обитала в моем сердце, а теперь, наскуча теснотой, кажется, выпрыгнуть хочешь; я это знаю потому, что во всю ночь билось сердце, и ежели ты в нем не качалась, как на качелях, то, конечно, хочешь улететь вон. Да нет! я за тобой и, держась крепко, не отстану, а еще к тому прикреплю тебя цепью твердой и ненарушимой моей привязанности», и проч., и проч.¹

Если вспомнить, что тотчас же после этого князь ухаживал за г-жой де Вит², что он влюбился в Долгорукую, что ходили слухи о его намерении жениться на Нарышкиной, то нельзя не

¹ «Русская Старина», XIII, 164—171.

² О графине Потоцкой и ее похождениях до знакомства с Потемкиным и после него см. записки А.М. Тургенева в «Русской Старине», 1886, LII, 259—260.

признать, что пылкость его страсти в каждом данном случае равнялась непостоянству его любви. Он производил впечатление Дон-Жуана. Нельзя сомневаться в способности Потемкина заставлять женщин влюбляться в него; но в то же время нельзя не допустить, что его положение, расточительность, щедрость содействовали готовности женщин увлекаться в его пользу. Во всяком случае, как видно из приведенных примеров, Потемкин, избалованный ласками красавиц, до последнего времени сохранял способность юношески увлекаться красотой и грацией женщин и заниматься ими среди забот войны и политики.

К этому же последнему времени жизни Потемкина относится следующее письмо графа Чернышева из лагеря под Измаилом, в котором говорится о житье-бытье князя во время турецкой войны следующее: «Кроме общественных балов, бывающих еженедельно по два или по три раза, у князя каждый день собирается многолюдное общество в двух маленьких комнатах, великолепно убранных; в оных красуется вензель той дамы, в которую князь влюблен. Там бывают одни приглашенные; даже адъютанты и приближенные князя в это время не могут заседать в приемной, — до такой степени важно то святилище. Впрочем, Бог знает, чем все это кончится, ибо ждут Браницкую, и уже послан офицер встретить ее. Г-жа Л. должна немедленно приехать и везет с собой молоденькую девушку лет 15 или 16, прелестную, как амур. Говорят, что это П., но не знаю, которая; не П. ли это, жившая при дворе вместе с М.? Как бы то ни было, князю готовят жертву, которую добыл генерал Львов»¹.

Рассказывают о следующем эпизоде, сильно компрометиро-

¹ «Русский архив», 1871, 387. Герцог Ришелье видел князя в Бендерах в 1790 году и пишет о странном зрелище: «Un divan d'etoffe d'or sous un superbe baldaquin; cinq femmes charmantes mises avec tout le gout et la recherche possibles; une sixieme vetue la magnificence du costume gris, couchee sur des coussins a la maniere orientale. Le prince Potemkin assis seul aupres d'elle. Il etait vetu d'une espece de pelisse fort large, assez semblable a une robe de chambre. Cinquante officiers de tous grades debout, garnissant le fond de la salle, qui etait eclairee par un tres grand nombre de bougies» и проч. См. «Сб. Ист. Общ.», LIV, 148.

вавшем нравственную репутацию Потемкина. Некому Щегловскому (офицеру) в 1790 году было поручено наблюдение за турецкими пленными, причем человек десять турецких офицеров убежало из плена. Щегловский был арестован и без всякого следствия и суда отправлен в кандалах в Сибирь, где и пробыл 49 лет. Существует предположение, что истинная причина гнева Потемкина и ссылки Щегловского вовсе не в побеге пленных офицеров, а в том, что молодой офицер имел несчастье понравиться одной польской княжне, за которой ухаживал светлейший. Рассказывают, что когда Щегловский по приказанию императора Николая I в 1839 году вернулся из Сибири, то на вопрос наследника-цесаревича за что его сослали в Сибирь, отвечал: «Всею бедам на свете одна причина, и все люди терпят за одну вину: Адама и Еву. Я потерпел за Еву»¹.

Этот рассказ основан только на устном предании и едва ли заслуживает полного доверия. Неизвестно также, кто автор статьи о Щегловском, в которой нет никаких указаний и на источники.

Наберется немало рассказов о неблагоприятных поступках Потемкина, вызывающих сомнение. Так, например, и Гельбиг, и Порело сообщают подробно о том, как Потемкин, желая во что бы то ни стало устранить одного молодого князя Голицына за то, что он пользовался вниманием императрицы, устроил дело таким образом, что некто Шепелев, офицер, вызвал на дуэль Голицына и убил его². Гельбиг, передавая слух об этом эпизоде, замечает, что нет никаких достоверных данных об этом событии. Некто Дмоховский недавно указал на обстоятельства, заставляющие сомневаться в достоверности такого предания, существующего в тесном кругу фамилии князей Голицыных³, и вопрос о вине Потемкина остается открытым⁴.

Несомненно, что существовало во многих случаях соперни-

¹ «Русский архив», 1884, I, 273—279.

² «Сб. Исторического общества», XXVI, 318. «Minerva», 1798, I, 41.

³ «Русский архив», 1867. 479—480.

⁴ Напрасно Я.К. Грот (Державин, III, 119) указывает на заметку г. Дмоховского как на опровержение этого предания.

чество между Потемкиным и разными вельможами, что иногда не без основания обвиняли князя в бесцеремонном обращении с такими лицами, которые ему казались почему-либо опасными.

«Потемкин, — сказано в «Записках» Винского, — не могли поровняться с древними вельможами, отгеснил их всех от двора в самое короткое время». При этом автор «Записок» указывает на то, что лишились своего прежнего значения Разумовский, Панин, Чернышев, Румянцев и проч. Однако тот же современник замечает: «По сущей справедливости, князя Потемкина нельзя порицать жестокосердным и гонителем своих недоброхотов; напротив, было много примеров, что он был нередко к ним великодушен; по большей части мстил злодеям одним презрением»¹. Однажды, когда Корсаков назвал Потемкина «общим врагом», императрица написала следующее наставление: «Никто (более князя Потемкина) вообще друзьям и недругам и бесчисленному множеству людей не делал более неисчисленного же добра, начав сей счет с первейших людей и даже до малых; вреда же или несчастья не нанес ни единой твари, ниже явным своим врагам, — напротив того, во всех случаях первым их представителем часто весьма оказался»².

Современники рассказывают о многих случаях неприятностей, происходивших между Потемкиным и другими сановниками. Так, например, между князем и Чернышевым случилось сильное столкновение в Могилеве в 1780 году, но несправедливо было бы безусловно обвинять в этом Потемкина. Недоразумение произошло, как кажется, вследствие чрезмерного честолюбия Чернышева³. Гораздо более упорным был антагонизм между Потемкиным и Воронцовыми. Порело писал о «ненависти» князя к графу Александру Воронцову⁴. Из писем С. Р. Воронцова, Трощинского и прочих видно, что Потемкин и Александр Рома-

¹ «Русский архив», 1877, I, 163.

² «Русская Старина», XIV, 256.

³ «Записки Добрынина» в «Русской Старине», IV, 116—117.

⁴ «Сб. Исторического общества», XXVI, 121.

нович были очень недовольны друг другом¹. Граф Семен Романович называл Потемкина «дерзким деспотом»². Намекая на некоторые случаи неблагоприятного образа действий Потемкина в отношении к С.Р. Воронцову, Ростопчин, спустя несколько лет после кончины князя, говорил, что последний попирал ногами закон и правила честности, отличался эгоизмом, и проч.³ Алексей Кириллович Разумовский писал в 1778 году о Потемкине, что он «никому добра не желает, кроме себя»⁴. Завадовский, вообще не любивший Потемкина, так охарактеризовал князя в 1789 году: «Нерадение его, при жажде влаетования, суть его пороки. Но благотворить есть также его превосходное свойство, и сия добродетель в нем с излишеством. Все стоячее он валит и лежащее подымает; врагам отнюдь не мстителен. Много в нем остроты, много замыслов на истинную пользу; но сии надобно исполнить бы другим. Словом, премного доброго, но общая ненависть к нему выбирает только худое; достигая все покорить под свою пяту, не дорожит способами: но и величайшим муж Юлий Цезарь был in omnia graesers»⁵.

Особенно натянутыми, как кажется, были отношения между Потемкиным и Я.Е. Сиверсом. Неоднократно последний жаловался на произвольные действия князя, на интриги его, на вредное влияние, которое Потемкин имел вообще на представителей местной администрации, и проч.⁶

Раньше, когда говорилось о деятельности Потемкина во время турецкой войны, было указано на соперничество между Потемкиным и Румянцевым, а также на недоразумения между князем и Суворовым. В разных сочинениях немало говорится о неблагоприятном образе действий Потемкина в отношении к Румянцеву, и

¹ Архив кн. Воронцова, IX, 148 и 149, XII, 373.

² Там же, XV, 451.

³ Там же, VIII, 179, 299.

⁴ Васильчиков. «Семейство Разумовских», II, 38.

⁵ «Архив кн. Воронцова», XII, 61.

⁶ Blum. «Ein russischtr Staatsmann», II, 266, 322, 371; III, 17, 54 и проч. Отзывы Блюма о Потемкине далеко не беспристрастны. Он без критики относится к рассказам Гельбига, Кастера и проч.

тем не менее нет положительных данных, на основании которых можно бы было обвинять князя в мелочных интригах против знаменитого полководца. С Суворовым он обращался то ласково, то несколько холодно. Порой Суворов ухаживал за князем, даже льстил ему¹, порой он считал его своим врагом и жаловался на его невнимание. После Измаила, как известно уже читателям, произошло даже что-то вроде размолвки между Потемкиным и Суворовым. Рассказывали, что Потемкин за несколько дней до знаменитого праздника в Таврическом дворце позаботился, чтобы Суворов, настоящий герой похода 1790 года, победитель Измаила, не присутствовал на этом празднике: он должен был отправиться в Финляндию². Однако новейший биограф Суворова, г. Петрушевский, считает вероятным, что знаменитый полководец именно в это время крамолил против Потемкина вместе с Зубовым³. В письме к дочери из Финляндии, писанном чуть не накануне кончины Потемкина, Суворов сильно жаловался на «неприязненность» к нему Потемкина, замечая при этом, что не хочет сделаться «саттелитом» светлейшего⁴.

Самойлов писал, что Потемкин «был неизменно благороден и добр, непамятозлобен, немстителен, любил делать общее и частное... снисходителен к низшим, оставлял в забвении личные оскорбления, любил ближних», и проч.⁵

В записках Рибопьера сказано о Потемкине: «Полуобразованный и полудиккий гений, Потемкин, наполнил мир своей славой... Он постоянно останавливался во дворце, входил без доклада к Государыне... Он командовал всем, и никто не смел ему прекословить. Он выбирал любимцев, поддерживал или ронял, всегда с согласия Государыни, за одним, впрочем, исключением. Подобно Екатерине, он был эпикурейцем. Чувственные удовольствия занимали важное место в его жизни; он страстно

¹ См., например, «Записки Одесского общества», VIII, 227 и след.

² Петрушевский, I, 407.

³ Там же, 405.

⁴ «Русская Старина», VI, 421.

⁵ «Русский архив», 1867, 1562—1563.

любил женщин и страстям своим не знал преграды. Он вызвал ко двору пятерых дочерей сестры своей Марфы Александровны Энгельгардт и по смерти ее объявил себя их отцом и покровителем. С ними обращался почти как с великими князьями... Потемкин был очень приятен в обращении, крайне снисходителен и добр к подчиненным. Он любил моего отца, который был его адъютантом, и, вызвав меня однажды к себе, принял с отменной добротой. Я его один этот раз видел близко. Мне было тогда восемь лет, и я очень испугался, когда он вдруг поднял меня могучими своими руками. Он был огромного роста. Как теперь его вижу одетого в широкий шлафрок, с голой грудью, поросшей волосами¹. Добродушная улыбка, с которой он принимал у себя людей, производила глубокое впечатление². «Потемкин, — писал Ф.Н. Голицын, — был превосходного разума, немстителен и незол³. Он разделял мнение Екатерины о необходимости смягчения наказаний, ненавидел Шешковского, начальника тайной канцелярии, о котором рассказывали, что он прибегал к телесному наказанию для вынуждения признания у подсудимых. Однажды Потемкин, возвратившись в столицу, заметив между просителями Шешковского, спросил его: «Каково кнутабойничать, Степан Иванович?»⁴ В польских имениях своих Потемкин приказал «виселицы сломать, не оставляя и знака оных, жителям же объявил, чтобы они исполняли приказания господские из должного повиновения, а не из страха казни»⁵. Потемкин, как известно, смягчил наказания солдат. О степени его популярности в низших классах можно судить по некоторым народным и солдатским песням, сочиненным в честь князя⁶. Встречаются и менее благоприятные отзывы об обращении Потемкина с подчиненными. Порой он казался гневным, деспотич-

¹ «Русский архив», 1867, I, 471. «Русский архив», 1877, I, 479—480.

² Рассказ митрополита Ионы в «Записки Одесского общества», III, 557.

³ «Русский архив», 1874, I, 1279.

⁴ «Русская Старина», II, 637. «Minerva», 1880, I, 44.

⁵ «Русский архив», 1869, 920.

⁶ Например, «Записки Одесского общества», XI, 461.

ным¹. Однажды в 1790 году, когда генерал Кречетников сообщил по ошибке князю ложное известие об одержанной победе над шведами, Потемкин за обедом стал бранить его; князь Д., сидевший подле Потемкина, начал защищать генерала. Потемкин так рассердился и вышел из себя, что схватил Д. за Георгиевский крест, стал его дергать, говоря: «Как ты смеешь защищать его, ты, которому я из милости дал сей орден, когда ты во время штурма очаковского струсил? — Встав из-за стола, Потемкин подошел к австрийским генералам, находившимся тут, и сказал: — Извините, господа, я увлекся; но я знаю свой народ, и я поступил так, как нужно»². Офицерам Потемкин обыкновенно говорил «ты», но такая привычка была тогда общей³.

Рассказывали о разных чертах необычайной надменности Потемкина в обращении с вельможами, иногда с иностранными дипломатами. Его передняя была обыкновенно наполнена лицами в парадных мундирах и лентах, между тем как сам он, принимая таких посетителей, бывал в халате, без галстука, в туфлях и часто даже без панталон, под неизменным предлогом нездоровья. Эта притворная болезнь извиняла его, когда он, принимая гостя, не вставал, не трогался с места, как требовало приличие. Граф Сегюр, посещая князя и чувствуя неловкость своего положения при столь бесцеремонном обращении с ним, как с представителем Франции, ограждал свое достоинство чрезвычайной фамильярностью, с которой дружески обнимал князя, садился к нему на диван, и проч.⁴ Сохранилось предание о следующем курьезном случае. В феврале 1791 года, когда По-

¹О некоторой мелочности в связи с деспотизмом свидетельствует анекдот, рассказанный Алексеевым об эпизоде с его дедом в «Историческом Вестнике», 1889, XXXVII, 683—684.

²Энгельгардт, 83—84. Рассказы о пощечинах у Кастера («Vie de Catherine», II, 201) не подтверждаются никакими данными.

³«Древняя и новая Россия», 1875. III, 338. Странный анекдот о собственноручном наказании племянницы, рассказанный А.М. Тургеневым («Русская Старина», 1887, LIII, 338), едва ли заслуживает доверия.

⁴Segur. Memoires, III, 76—77.

темкин на пути в Петербург был в Москве, его посетил экскетман, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, которого князь, по своему обыкновению, принял, будучи не одетым, неумытым, в шлафроке. В разговоре, между прочим, князь попросил гостя дать в честь его бал. Кирилл Григорьевич согласился, на другой день созвал всю Москву и принял Потемкина, к крайней досаде последнего, в ночном колпаке и шлафроке¹. «У себя, — рассказывает Самойлов, — занимаясь делами в дороге, князь вовсе не любил одеваться, бывая обыкновенно или в форменной шинели, или в шлафроке, в чулках неподвязанных и туфлях; в таком костюме нередко совершал быстрые свои переезды», и проч.²

О прихотях и причудах князя передают разные любопытные черты. При нем находился шут Моссе, забавлявший князя своими выдумками и остроумиями. Узнав однажды в Петербурге, что в Херсоне какой-то чиновник хорошо передразнивал некоторых известных лиц, он тотчас же отправил за ним курьера и приказал ему передразнивать всех, кого он умел, даже себя, а затем отпустил его обратно в Херсон. Будучи под Очаковым, князь узнал о необычайной памяти некоего Спечинского, знавшего наизусть все святцы. Тотчас же послали за Спечинским в Москву; князь убедился в том, что рассказ о нем не был лишен основания, и затем отпустил его домой. Из Тулы однажды для князя был выписан купец, отлично игравший в шахматы; Потемкин так любил смотреть на его игру, что возил купца с собой даже в армию³.

И в одежде, и в пище князя встречаются разные противоположности. То он почти вовсе не одевался, то ходил в солдатском мундире из грубого сукна, то одевался как нельзя более пышно и роскошно, украшая себя драгоценностями, обвешиваясь орденами, и проч.⁴ Щербатов писал, что Потемкин был «не только прихотлив в еде, но даже и обжорлив»⁵. Энгельгардт говорил, что

¹Васильчиков. «Семейство Разумовских», I, 455.

²«Русский архив», 1867, 1572.

³Энгельгардт, 40, 89.

⁴Там же, 82. Самойлов в «Русском архиве», 1867, 1572.

⁵«Русская Старина», III, 681.

князь любил лакомиться самыми грубыми вещами; ему доставлялись издалека хорошие соленые огурцы, капуста и проч.; с нарочными курьерами присылали икру с Урала, рыбы из Астрахани, тесто из Калуги и проч.¹ Самойлов рассказывает, что Потемкин предпочитал русские блюда иностранным, например редьку, морковь и клюкву ананасам; он же пишет, что нередко такое простое блюдо стоило князю дороже иностранных редкостей². Во время путешествий князь иногда, по рассказу Кокса, питался крестьянской пищей, черным хлебом, чесноком, солеными огурцами и проч.³

Разумеется, не все анекдоты о прихотях Потемкина заслуживают доверия. Так, например, Кокс рассказывает: «Во время путешествий князя, впереди ехал англичанин-садовник с 600 помощниками и с невероятной быстротой разбивал сад в английском вкусе на том месте, где должен был остановиться князь, хотя бы на один день»⁴. Этот рассказ служит образчиком преувеличений, часто встречающихся в записках иностранцев. Возможно также, что не вполне справедливы и рассказы об игре с бриллиантами, которые князь будто бы любил раскладывать разными фигурами, развлекаясь их блеском. Но сохранились достоверные свидетельства о весьма значительном числе служителей, находившихся при князе, и множестве драгоценных предметов в их домах. Князь писал не иначе как на бумаге с золотым обрезом и употреблял при этом золотой песок, какой встречается в рукописях Екатерины, что было тогда большой роскошью, и проч.

Потемкин располагал громадными средствами. Екатерина дарила ему большие суммы денег, имения в разных концах России, дома, драгоценные вещи, и проч. Рассказывали, что он уже в 1779 году мог купить разных имений на 450 000 рублей и заплатить всю эту сумму наличными деньгами⁵. Неоднократно он получал от императрицы по 100—150 тысяч рублей для уплаты

¹Энгельгардт, 40.

²«Русский архив», 1867, 1573.

³«Русская Старина», XIX, 37.

⁴Там же, 35.

⁵«Minerva», 1798. I, 30.

долгов¹. В среде иностранцев ходили слухи о громадных суммах, которые князь получал от фаворитов². Одно из своих имений он в 1787 году продал казне за 218 000 рублей³. Вообще довольно часто занимала его покупка и продажа имений, которые он, по рассказам, заселял то преступниками, то колонистами, выписываемыми из-за границы. Особенно большие имения он покупал в Польше; например, в 1787 году у одного князя Любомирского было куплено разных деревень на три миллиона рублей⁴. Из некоторых документов видно, что князь иногда сам входил в подробности управления этими имениями⁵. В бумагах Потемкина часто встречаются данные о покупке и продаже домов. В 1785 году Екатерина купила у Потемкина место на Васильевском Острове за 15 000 рублей. В Москве он купил дом у княгини Хованской. Близ Петербурга он имел, недалеко от императрицыного дворца Пелла, дачу «Островки»; в другом месте, в окрестностях же столицы, Екатерина подарила ему дачу «Осиная Роща», и проч.

Ф.Ф. Вигель в Белой церкви близ Киева в доме графини Браницкой видел множество драгоценных вещей, мраморных, фарфоровых, хрустальных, которые были значительной долей подарены ей или завещаны князем Потемкиным. Он же рассказывает, что князь еще при польском правительстве властью и деньгами приобрел все те имения, которые находились в соседстве с Новороссийским краем⁶.

Далее, Потемкину принадлежали разные заводы, например стеклянный и посудный, подаренные ему по указу императрицы в 1777 году в вечное и потомственное владение; к этим заводам он еще присоединил зеркальный; обороты были значительные⁷.

¹ См. например «Сб. Исторического общества», XXVII, 137 и 179.

² См., например, «Minerva», 1797, III, 223.

³ «Сб. Исторического общества», XXVII, 424.

⁴ Herrmann. «Erganzungsband», 632 и 650.

⁵ «Русский архив», 1865, 734.

⁶ Вигель. Воспоминания, I, 124—126.

⁷ См. статью «Историческое описание Императорского стеклянного завода» в «Архиве кн. Воронцова», V, 474—476. Рабочих было 256; вырабатывали на сумму 60 000 р.

В письмах Гарновского¹ к Попову очень часто говорится об этих заводах. В одном из польских имений у Потемкина была суконная фабрика. Говорили об огромных оборотах, которые происходили при поставке провианта из польских имений Потемкина в армию². Рассказывали, будто бы доход князя с соленых озер Крыма доходил до 300 000 рублей в год³. Можно допустить, что не совсем благовидные спекуляции креатур Потемкина, например, Фалеева, Попова, Лонгинова, откупные дела и поставки разного рода доставляли князю кое-какие выгоды⁴. Управляющие имений князя в Польше обвинялись в грабеже⁵. В полном и безотчетном распоряжении Потемкина находились всегда громадные суммы; от этого имел огромные выгоды правитель канцелярии В. С. Попов, сделавшийся миллионером⁶. Отсутствие отчетности в расходовании миллионов рублей, как в управлении Южной Россией, так и во время войны, было предметом сильного негодования современников. Казна, которую во время походов возили всегда вслед за князем, доходила до нескольких миллионов⁷. По смерти Потемкина Попов подал записку, из которой видно, что с 1787 до 1791 года Потемкиным было получено более 55 миллионов рублей⁸. В случае нужды в деньгах князь обыкновенно бесцеремонно и даже без соблюдения формальностей обращался к Вяземскому с требованием какой-то суммы, чем выводил из терпения этого сановника⁹.

¹ Гарновский пользовался особенным доверием князя и заслуживал оное. См. записки А. М. Тургенева в «Русской Старине», 1886, LI, 264.

² «Древняя и новая Россия», 1875, III, 334.

³ «Сб. Исторического общества», XXIX, 484.

⁴ Грот. Державин, I, 471, VI, 643 и след.

⁵ Herrmann. «Gesh. d. russ Staats», VI, 163.

⁶ См. письмо Ростопчина в «Архиве кн. Воронцова», VIII, 61.

⁷ Записки Грибовского, 20.

⁸ «Записки Одесского общества», VIII, 225. IX, 217—227.

⁹ См. анекдот о том, как Вяземский жаловался Екатерине на такую бесцеремонность Потемкина, в донесении Фелькерзама в 1791 г. у Германа — «Erganzungsband», 108, а также анекдот, рассказанный А. М. Тургеневым в «Русской Старине» (1886), LI, стр. 260.

После кончины князя Вяземский в официальных документах жаловался на Потемкина и на то, что невозможно было получать от него сведения о расходах¹.

В росписях о расходах за 1787, 1788, 1789 и 1790 годы, опубликованных в последнее время, постоянно встречаются указания на громадные суммы, отправляемые в ведомство князя Г.А. Потемкина по известному «секретному указу» или «по его требованию»; каждый раз эти цифры составляют несколько миллионов; очень часто речь идет о «чрезвычайных расходах»; даже сам князь для себя получал, например, по 1000 рублей в месяц столовых денег, причем нужно заметить, что один рубль в последнее время прошлого столетия равнялся нескольким рублям в нынешнее время².

Судя по расточительности Потемкина в частном своем хозяйстве, можно думать, что и при управлении казенными суммами он не руководствовался правилами бережливости. Один из пышных костюмов князя стоил не менее 283 000 рублей³; он тратил большие деньги на пустяки и игрушки вроде драгоценных часов, имевших вид слона, павлина, и проч.⁴ Рассказывали, что в его библиотеке находились большие суммы денег, банковых билетов, в форме книг и т.п.⁵ О страшных долгах князя сохранилось множество любопытных данных; даже Самойлов рассказывает, что громадные доходы князя оказывались недостаточными для расходов его, что он беспечно предоставлял другим людям ведение своих дел и проч.⁶ В источниках попадает много случаев неуплаты Потемкиным долгов. У часового мастера Фази он однажды занял 1400 рублей и заплатил ему эту сумму только тогда, когда императрица заступилась за швейцарца, притом

¹ «Сб. Исторического общества», XXVIII, 367 и след.

² См. множество данных в XXVIII томе «Сб. Исторического общества».

³ «Записки Одесского общества», X, 481.

⁴ Грот, Державин, V, 788.

⁵ Masson. «Memoires secrets», I, 150.

⁶ «Русский архив», 1867, 1571. В журнале «Minerva», 1797, III, 216, напротив, говорится о недоверии Потемкина и проч.

почему-то медными деньгами, так что ими пришлось наполнять две комнаты¹. Покинув столицу в последний раз летом 1791 года, он остался должен извозчикам 19 000 рублей, торговцам цветов 38 000 рублей и проч.² Банкиру Сутерланду он был должен несколько сот тысяч рублей³. Этот долг после смерти князя был уплачен императрицей, причем она заметила, что князь «многие надобности имел по службе и нередко издерживал свои деньги»⁴.

Потемкин оставил громадное наследство. Одних драгоценных камней было на сумму более миллиона рублей. Движимого и недвижимого имущества было на 7 миллионов. Долгов на нем оказалось на 2 миллиона. Казна купила от наследников дома, заводы, драгоценные вещи на сумму 2 600 000 рублей. Впрочем, наследники князя обнаружили страшное корыстолюбие и обращались с просьбами о неуплате долгов князя не только к Екатерине, но даже и к Павлу I⁵.

Даже Безбородко, не принадлежавший к недоброжелателям князя, в довольно сильных выражениях осуждал его за невнимание к финансовым интересам государства и жаловался на произведенный им хаос в государственном хозяйстве⁶. С. Р. Воронцов писал в 1788 году, что образ действий Потемкина наносит ужасный вред государству; во вверенных ему ведомствах исчезают бесследно, как в бездне, огромные суммы; в князе нет никакой политической добродетели; о благе государства он заботится столько же, сколько об изношенных старых туфлях⁷. Завадовский писал в 1792 году: «Из турецкой войны вышли мы не без славы, но опустошили столько свои карманы, что долго

¹ «Русская Старина», XIV, 589—590.

² Негтманн. «Erganzungsband», 106.

³ Архив кн. Воронцова, XXVII, 16; Грот. Державин, VI, 648—661.

⁴ Грот. «Державин», VI, 652.

⁵ «Русский архив», 1873, стр. 2323. Письмо Безбородки в «Сб. Исторического общества», XXIX, 159. Архив кн. Воронцова, XIV, 483, XV, 129.

⁶ «Сб. Исторического общества», XXVI, 428.

⁷ Архив кн. Воронцова, IX, 86.

пробудем в голях. Власть и расточительность покойника изрыли ямы»¹. «Вся Молдавия, — писал Безбородко, приехавший из Ясс скоро после кончины князя, — не благословит память умершего, видя опустошение, воображение превосходящее, и беспорядок выше меры»². Князь Щербатов так характеризовал князя Потемкина: «Властолюбие, пышность, подобострастие ко всем своим хотениям, обжорство и, следственно, роскошь на столе, лесть, сребролюбие, захватчивость и все другие знаемые в свете пороки»³. Болотов писал о событиях 1788 года: «Потемкин ворочал всем государством; он родился во вред оному, ненавидел свое отечество и причинил ему неизреченный вред и несметные убытки алчностью своей к богатству; от него ничего ожидать было не можно, кроме вреда и пагубы. Все государство обрадовалось по случаю разнесшейся молвы, что пришел он в немилость императрицы. Однако оказалось, что он опять превозмог и продолжал по-прежнему дурить, обжираться и делать проказы, нимало с таким саном не сообразные. Мы дивились тогда и не знали, что с сим человеком наконец будет и чем кончится его пышность и величие»⁴.

Неотрадное время сильного влияния Зубова после кончины Потемкина несколько смягчило строгий приговор, произнесенный современниками над князем. Безбородко писал в 1795 году: «Флот черноморский никуда не годится... При князе Потемкине было что-нибудь хоть и полугнилое, то теперь поистине вычесть в ноль»⁵. В другом письме: «Вот как мы ошиблись в заключениях своих после смерти покойника, который, по крайней мере, не был честным людям тяжел и который, захватив одну или две

¹ Архив кн. Воронцова, XII, 79. В одной из записок французского дипломата, хранящейся в парижском архиве сказано, что Потемкин «avait converti plus de vingt cinq millions de livres a son profit pour se rendre independant» См. «Сб. Исторического общества», LXX, 636.

² «Сб. Исторического общества», XXIX, 156.

³ «Русская Старина», III, 678.

⁴ Записки Болотова. Приложение к т. VII «Русской Старины», VII, IV, 257—258.

⁵ Архив кн. Воронцова, XIII, 348.

части, не быть искал универсальным»¹. Завадовский писал весной 1796 года: «О князе Потемкине теперь весьма-весьма жалуют»².

Потемкин называл себя «l'enfant gate de Dieu». Энгельгардт рассказывает о следующем случае. Однажды князь за столом был очень весел, любезен, говорил, шутил, а потом стал задумчив, грустен и сказал: «Может ли человек быть счастливее меня? Все, чего я желал, все прихоти мои исполнялись, как будто каким очарованием: хотел чинов — имею; орденов — имею; любил играть — проигрывал суммы несчетные; любил давать праздники — давал великолепные; любил покупать имения — имею; любил строить дома — построил дворцы; любил дорогие вещи — имею столько, что ни один честный человек не имеет так много и таких редких; словом, все страсти мои в полной мере выполнялись». Проговорив это, он бросил фарфоровую тарелку на пол, разбил ее вдребезги, ушел в спальню и заперся³.

Весь он тут — баловень счастья, более авантюрист, чем патриот, более царедворец, чем государственный человек, более азартный игрок, чем герой. Его пороки объясняются в значительной доле недостатками тогдашнего государственного и общественного строя. Его деятельность была далеко не бесполезной. Рукнич, перечисляя результаты ее — уничтожение Запорожской Сечи, построение Херсона и Николаева, покорение Крыма, учреждение черноморского флота, овладение Очаковым и той областью, где Одесса, замечает: «Все это не ложные суть памятники дивной прозорливости великой Екатерины II и сотрудника ее. Память о князе Потемкине-Таврическом не должна быть в России забвенною»⁴.

¹ Там же, 334.

² Там же, XII, 164.

³ Записки Энгельгардта, 90.

⁴ «Русская Старина», II, 129—130.

GENERAL FIELD MARSHAL

PRINCE PÖTEMKIN TAURIC G. G.

*Engraved from the Original Picture
by Louis Carpeaux in the Imperial Academy*

*in the Imperial Academy of Sciences
and member of the Academy of Sciences*

Printed in London by W. Woodcock, at the Sign of the Ship, in Pall Mall, 1798.

Князь Г. А. Потемкин-Таврический.

Екатерина II, Павел I и Александр I в медальоне.

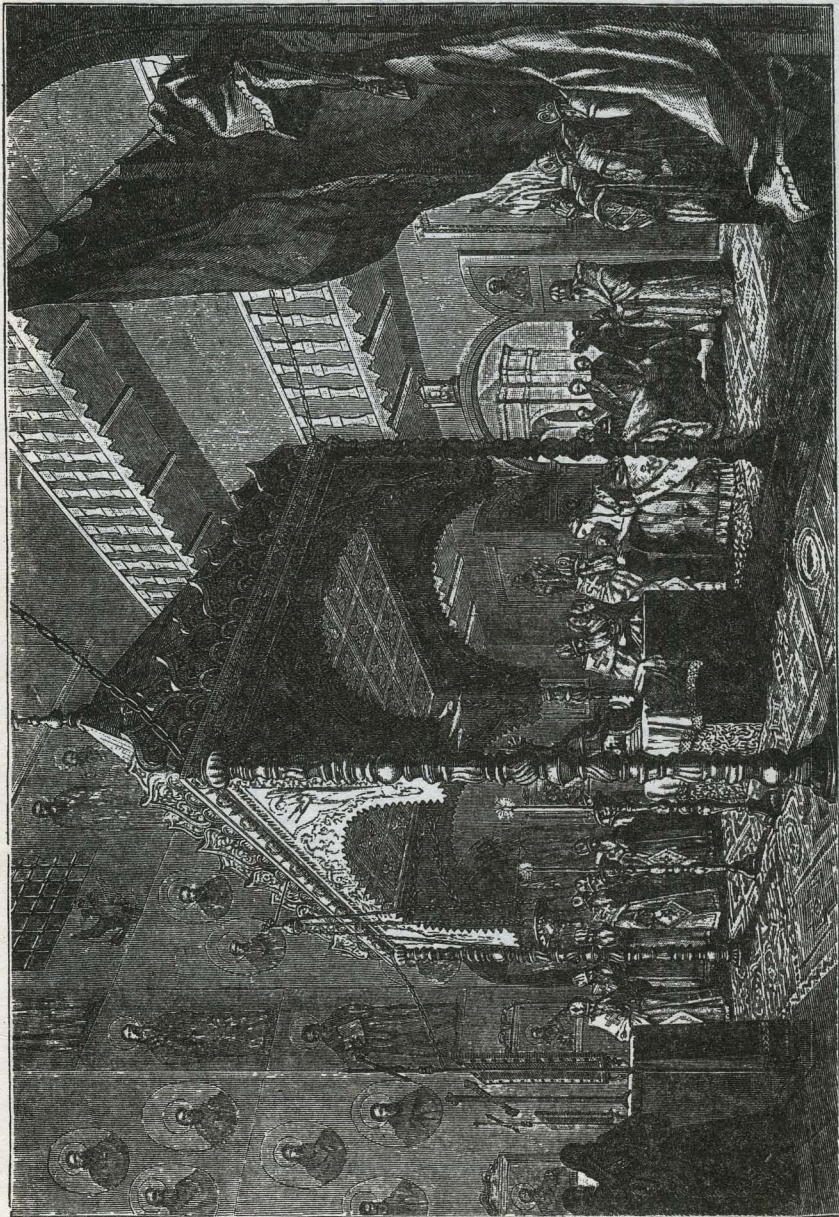

Не ты, родимъ отецъ, командированъ былъ оны
Савойской Италіи, спасая Россійскій тронъ,
Ихъ величье съя, не твое, неволя, не плутовство,
Иларіанъ, любили, ИМПЕРАТРИЦЪ, отъречи

с. 1. Девеліи.

X. A. P. Cremer

Граф Григорий Григорьевич Орлов.

КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.
Принятие Св. Таин в алтаре Успенского собора.

Cyrellus Comes Rasumowsky

*S. S. Mgj. Servae Russiae ad utramque Ripam Borysthenis Copiarumque trans Cataractas
Dux, Camerarius, Milit Praetorianor. Annalovensium Praefectus, Imp. Acad. Scient. Petropolit. Praesid.,
Ordinum Sts Andreae Sts Alexandi, Aquilae albae, et S^{tae} Annae Eques*

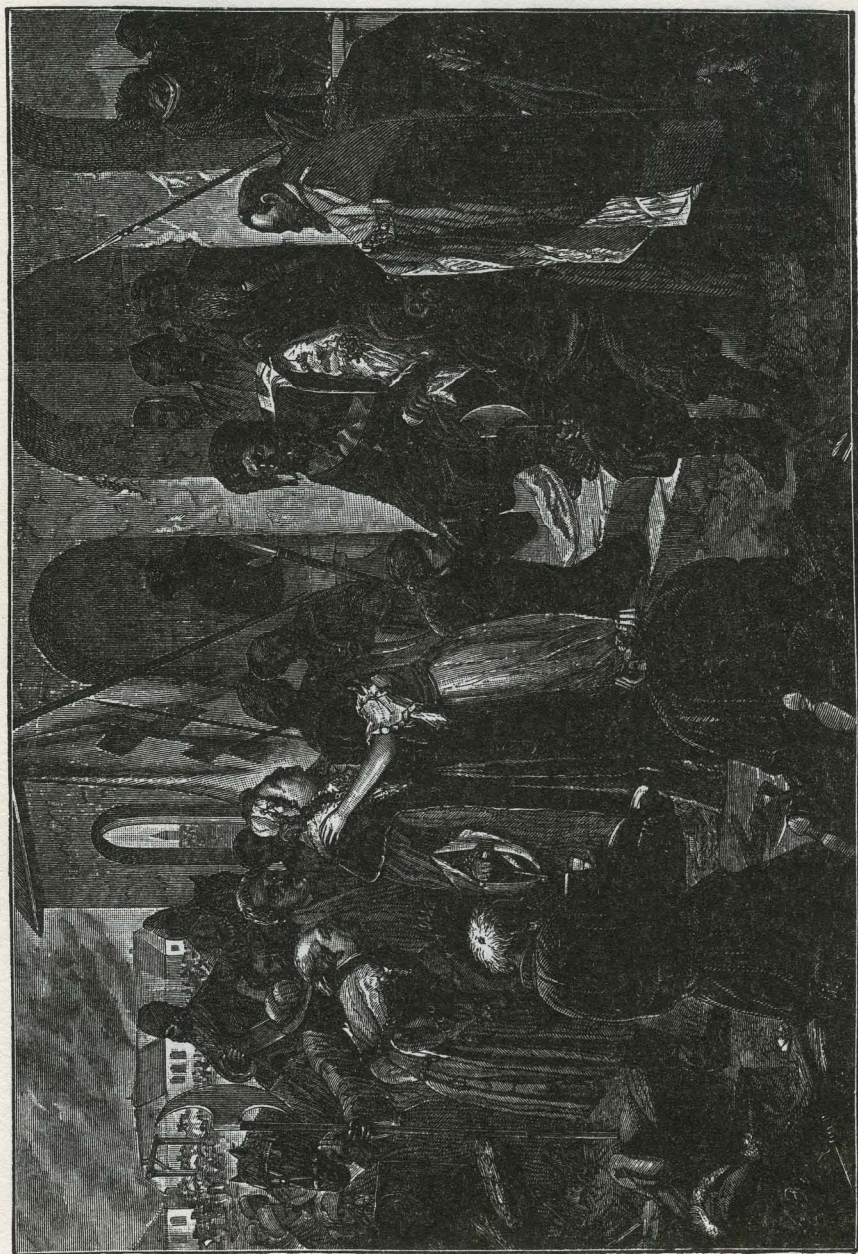
† А К Ж А Н Р М А Р С Т

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский.

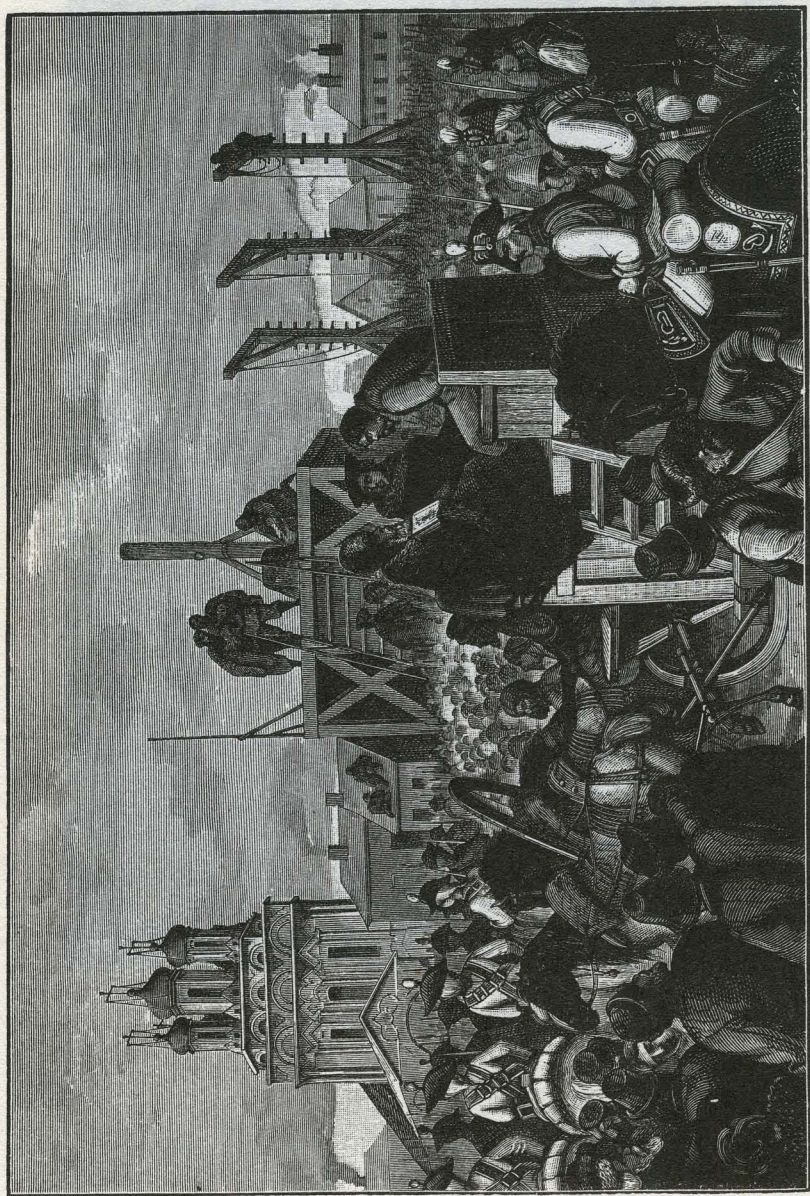
Граф Михаил Иванович Борщовский.

Граф Михаил Илларионович Воронцов.

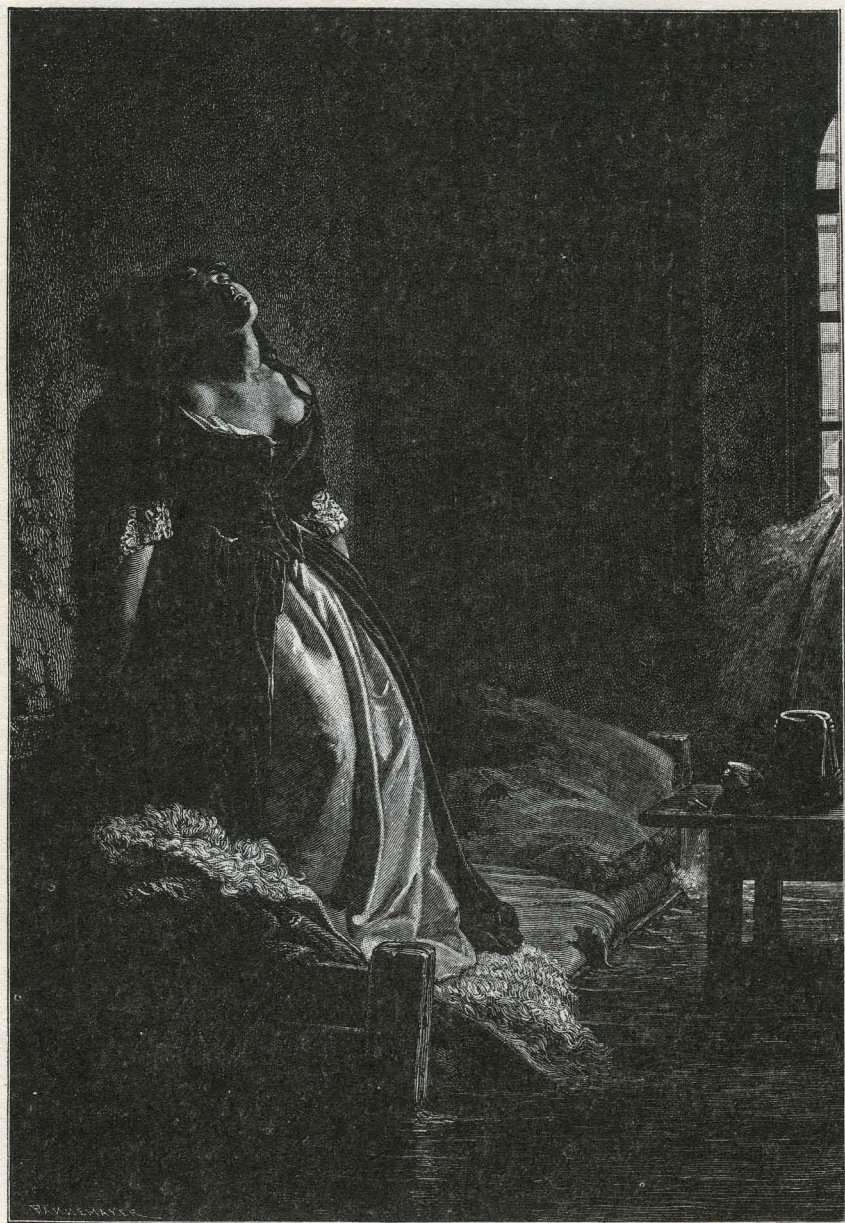
Пугачевский суд.

Казнь Пугачева.

Александр Ильич Бибилов.

Смерть княжны Таракановой.

Медаль, выбитая в память Чесменской победы.
(Лицевая сторона с портретом графа А. Г. Орлова.)

Медаль, выбитая в память Чесменской победы.
(Обратная сторона, с планом Чесменского сражения.)

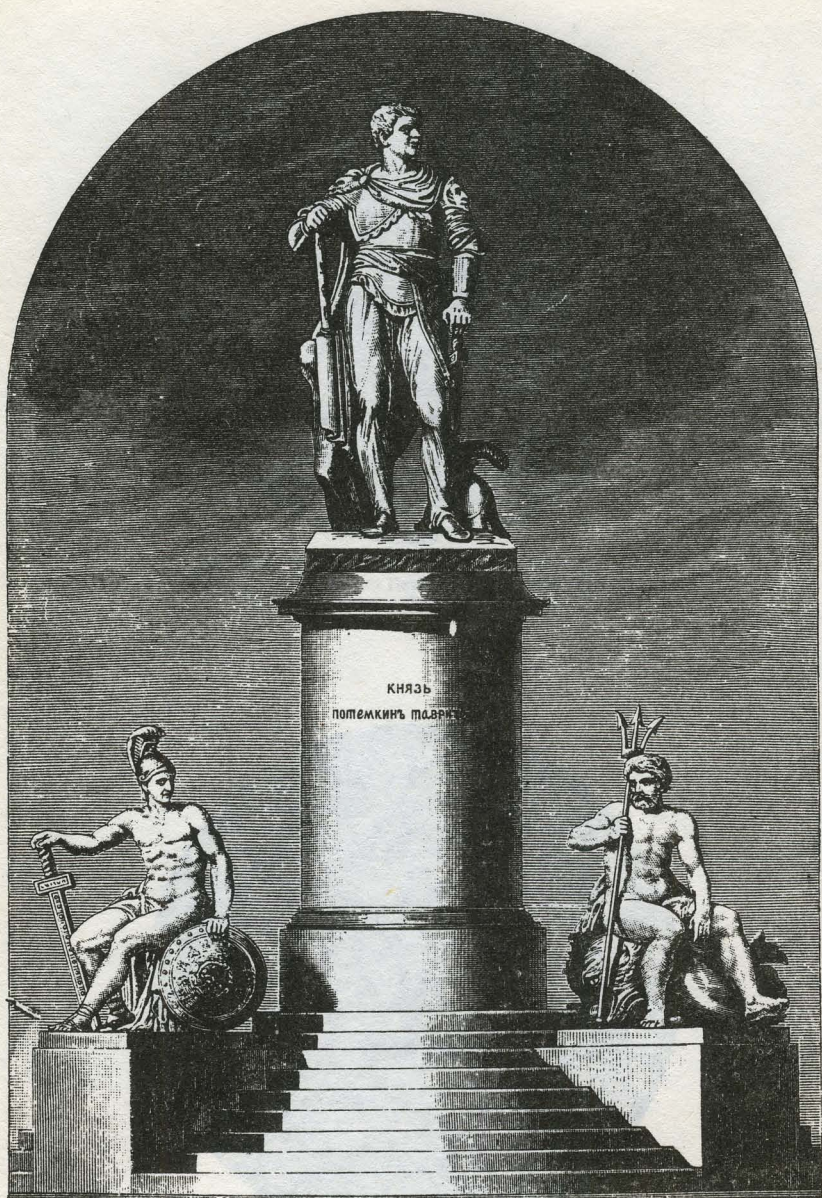

Изображение покойного
 фельдмаршала Князя
 Потемкина-Таврического
 скою Императорскою
 и при взятъ Очакова

Господина Генераль —
 Григорья Александровича
 начальствовавшего
 арміею на приступу
 Декабря 6 дня 1788 года.

Князь Г. А. Потемкин-Таврический.

Памятник Потемкину в Херсоне.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 г.
 Медаль, выбитая в честь Потемкина после путешествия.
 Лицевая сторона, с портретом Потемкина.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 г.
 Медаль, выбитая в честь Потемкина после путешествия.
 Обратная сторона, с картой Южной Росии.

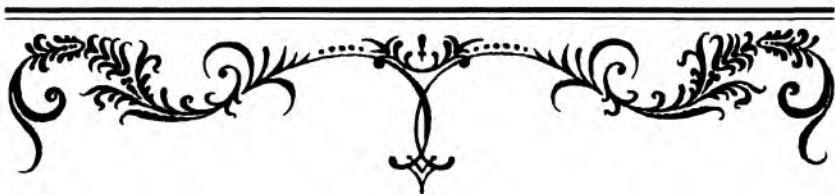

Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

*Природа въ свѣтъ Тебя старалась прохвѣстать,
Дары свои на Тя одну всё хощуща,
Что бы на Врѣхъ Тебя вселенства возвестить,
И наградая вѣдѣвъ, она' насъ наградѣла.*

Профильный портрет Екатерины II в 1762 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	10
<i>ГЛАВА I</i>	
Молодость Потемкина (до 1774 г.)	17
<i>ГЛАВА II</i>	
Потемкин в 1774—1776 годах	32
<i>ГЛАВА III</i>	
Отношение Екатерины к Потемкину (1776—1786 гг.)	46
<i>ГЛАВА IV</i>	
Деятельность Потемкина до 1786 года	61
<i>ГЛАВА V</i>	
Путешествие Екатерины (1787 г.)	85
<i>ГЛАВА VI</i>	
Начало турецкой войны	108
<i>ГЛАВА VII</i>	
Очаков	130
<i>ГЛАВА VIII</i>	
События 1789 и 1790 годов	158
<i>ГЛАВА IX</i>	
Пребывание Потемкина в Петербурге в 1791 году . .	185
<i>ГЛАВА X</i>	
Кончина Потемкина	206
<i>ГЛАВА XI</i>	
Оценка личности Потемкина	227

Александр Густавович Брикнер

ПОТЕМКИН

Редактор *Э. Пономарева*

Художественный редактор *И. Сайко*

Технический редактор *Г. Шитоева*

Корректоры *Ю. Диамет, А. Ключикова*

Компьютерная верстка *А. Диамет*

ЛР №030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 03.04.96 г. Уч.-изд. л. 15,37. Цена 15900 р.

Издательский центр «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.